

ISSN 0869-6403

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**7
'95**

**Чечня:
дни боли
и тревог**

Фото В.Николайчука

НА БОЕВОМ ПОСТУ

7'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная
коллегия.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры :
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице обложки
Герой Российской
Федерации
рядовой Евгений
ОСТРОУХОВ.

Фото
В.НИКОЛАЙЧУКА.

В номере:

Зона особого внимания

КОЛЕСНИКОВ С. Дорога надежды	2
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России.	7
КАРПОВ Б. Белые маки Джейраха	9
СМИРНОВ О. В Чечне брода нет (фоторепортаж)	14

Войска: проблемы, события, люди

МИКЛУШОНОК Д. ...И расцвел "Эдельвейс" . . .	16
МУЧАК И. Национальный вопрос комбата Моро- зова	21
ЗУБАРЕВ Н. Женщина на военной службе	25

Как это делается "у них"

ГИЛЕНСЕН В. "Нетрадиционная война".	29
---	----

Войска и общество

БЕНЦИАНОВ В. Люди особого риска	34
ПОЛТОРАК С. Достоинство русского офицера .	40

Ретроспектива

МАРКЕЛОВ Н. "...Повеет войною — и он уже тут"	46
КУЗЬМИН С. Волки преступного мира.	51

Проза. Поэзия

Привал далек (стихи)	58
ГАРВ Э. Пепел "Лоды" (приключенческая по- весть).	60
Сапоги всмятку (сатира и юмор)	73

Калейдоскоп интересов

ГРУНТОВСКИЙ А. Русский бой удалый	75
Шахматный клуб.	79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 011420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 29.05.1995 г. Подписано к печати 27.06.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1206 Тираж 5500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 6000 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 8000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефоны:
361-62-57, 361-81-71.

Едет добрый молодец
 И увидел добрый молодец
 И от камешка лежит
 И на камешке было подписано:
 "В первую дороженку ехать —
 В другую дороженку ехать —
 Третью дороженку ехать —

да во чистом поле,
 да Латырь-камешок,
 три расстани,
 женоматку ехать —
 богатку быть".

(Былины. "Три поездки Ильи Муромца")

ЗАВОДИ — ПОЕХАЛИ!

Обратиться до Грозного сегодня уже не представляет особого труда, было бы желание — не то что несколько месяцев тому назад. Довольно часто с моздокского аэродрома поднимаются "вертушки", держа курс на столицу Чечни. Правда, попасть на борт простому смертному без депутатского мандата или генеральских лампас невероятно сложно: прежде чем проберешься на очередной рейс, нужно преодолеть столько инстанций, что невольно усомнишься, а действительно, зачем лететь в Грозный? Лучше уж "в деревню... в глушь, в Саратов". А то еще и горючки в последний момент не окажется в баках — типичный случай. Но необходимость — жестокая наставница, и, коли

"дан приказ тебе на" юг, куда проще воспользоваться колесами. Их, как известно, даже изобретать не надо. Заводы — поехали!

Одна из дорог пролегла по левому берегу Терека — путь относительно близкий, но довольно опасный: стреляют. Затаившиеся в ближайших селах дудаевцы нередко пытаются помешать продвижению войсковых колонн и машин с гуманитарной помощью. И не исключено, что "в первую дороженку ехать — убиту быть". Другое дело трасса на правом берегу реки — пусть несколько длиннее получается, зато есть шанс не угодить под пули боевиков. Дорогу эту оседлали и приняли под неусыпную опеку (который месяц уже пошел) вполне земные ангелы-хранители — военнослужащие внутренних войск МВД России.

А давно ли была она не условной, а реальной границей, линией фронта и кровопролитного противостояния дудаевцев и оппозиционеров! И неизвестно, сколько народу полегло бы зазря, не подоспей вовремя федеральные силы. Нынче лишь заросшие высокой травой окопы, обгоревшая "семьдесятдвойка", развороченный хвост самолета да сотни свежих холмиков обочь дороги (были пастбища — стали кладбища) напоминают о тех трагических днях. Но чем ближе к Грозному, тем отчетливее видны следы войны, тем чаще слышны автоматные очереди, тем тревожнее на душе. Потому и колонны машин

255

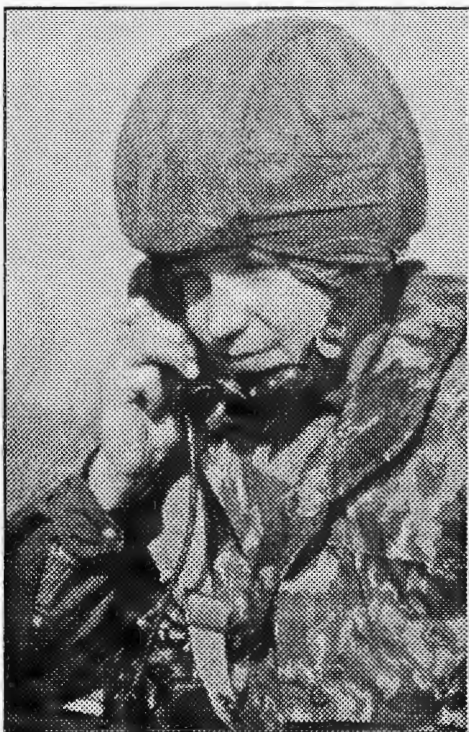
стараятся поспеть в пункт назначения за светлом. А если застанет ночь в пути, одна надежда — на военных. Приютят. Уберегут. На то и поставлены. И далеко не сразу разберешь, то ли боевую службу они несут, то ли просто-напросто воюют: и окрестные села "зачищают", и оружие изымают. Нередко под пулями. И кто его знает, где она, костлявая, караулит, откуда ожидать подвоха.

Совсем недаром дорогу эту здесь называют дорогой жизни. По аналогии с той, что к Ленинграду вела в годы, как оказалось, не последней войны. Она связывает столицу Чечни с внешним миром, и именно по ней идет сегодня в Грозный гуманитарная и иная помощь.

По этой разбитой войной бетонке от Моздока через контрольно-пропускной пункт в Знаменской до автомобильного моста через Терек близ станции Червленая мне и довелось проехать...

МОСТ ДРУЖБЫ

Знаменская. Сразу при въезде в станцию — КПП. Вокруг да около — баррикады из бетонных блоков. Между ними машины пробиваются медленно и осторожно, будто на цыпочках. В глубоком окопе оцетинился ствол бронетранспортера. Неулыбчивые солдаты в бронезиловых останавливают идущие из Моздока машины. По счету — уже четвертый пост на маршруте, один неприступнее другого. Все запутаннее бетонные лабиринты, все придирчивее и дотошнее солдаты при проверке документов, досмотре транспорта. Да оно и понятно — война. А на ней, ясное дело, как на войне — всякое бывает. Кто-то пытается вывезти из зоны конфликта припрятанное оружие, а кто-то, наоборот, стремится во что бы то ни стало оказаться в районах боевых действий. По разным причинам. К примеру, участились случаи задержания корыстолюбивых "солдат удачи" — буквально накануне моего приезда военная служба тормознула бывшего прапорщика, который пробыл в Гудермес к дудаевцам, чтобы подзаработать "на жисть". Запасливый и предусмотрительный, он имел при себе два комплекта документов, военную форму и снаряжение. Только ствол рейнджеру и недоставало, чтобы немедленно ринуться в бой, возможно, против своих же в прошлом однополчан. Кто сказал, что деньги не пахнут? Неправда, на войне у них отчетливый, резкий запах крови и смерти.

После обмена подобными соображениями у нас и завязался разговор с начальником КПП лейтенантом В. Казенновым. Валерий — не новичок в жарком деле, нынешняя командировка в стреляющий регион уже третья на его боевом счету.

— Но то, конечно, были цветочки, — откровенно признается лейтенант. — А здесь, особенно на первых порах, хлебнули лиха.

— Чего-то не хватало? — спрашиваю. — Опыта? Или оружия, боеприпасов, продовольствия?

— Информации. Выгрузились, стали лагерем, обосновались слегка, оглянулись — матушки родимые! — с кого ж начинать разоружение, когда все с оружием? И стар и млад. Психологически трудно было, понимаешь? Раньше, на "материке", все ясно было. Вот тебе маршрут патрулирования, а где-то там, за углом и в подворотне, хулиганы и прочие правонарушители. То бишь чужие. А тут? Где свои, где чужие? Писали бы, что ли, в документах черным по белому: "дудаевец" или "оппозиционер". Ну да ладно, по первости всегда тяжело. Теперь и сами кого хочешь службе научим, поднаторели за несколько месяцев. Да и многих в лицо знаем. Однако расслабляться нельзя. Через день — на

ремень, а на войне за этот ремень как за соломинку держишься...

Не успел еще осмыслить все услышанное, но уже убедился в правоте слов лейтенанта: только добрались до штаба батальона и перевели дух, как полевой лагерь обстреляли боевики. Прицельно палили или так, для острастки пугали — судить не берусь. Слава Богу, не пострадал никто. Впрочем, служивые отнеслись к акции боевиков более чем спокойно.

— Привыкли. Даже не знаю, хорошо это или плохо, — сказал командир батальона подполковник В. Лобачев. — Нас частенько обстреливают, да и гранаты бросают тоже. Кто? Видимо, те, кому мы здесь мешаем, хотя большинство жителей Знаменской относятся к солдатам вполне лояльно, как к сыновьям своим, помогают в обустройстве, в наведении порядка.

Разместились подчиненные Лобачева на территории бывшей передвижной механизированной колонны. Место удобное: по периметру каменный забор, в помещениях сравнительно тепло в холода и прохладно в жару, походный комфорт! А до этого жили в палатках во чистом поле. Любопытно, что когда офицеры подразделения впервые приехали осматривать заброшенные здания ПМК, то в кабинете главного инженера на столе обнаружили перекидной календарь. Последняя дата на открытом листе — 19 августа 1991 года.

Знаменская ПМК, некогда преуспевавшая, доходная организация, враз перестала существовать: ее бывшие работники скопом и поодиночке понесли за территорию все, что могли поднять, и повезли то, что поднять были не в силах. За три года в Чечне стал нормой жизни культ силы. Только ленивый не имел оружия. Благодаря ему очень даже просто "разговаривать" с людьми непослушными, непочтительны-

ми, неугодными, неприветливыми. Так и жили эти годы — в эпицентре кошмара, произвола, унижений, безработицы. Не все, разумеется, — большинство.

Хотите верьте — хотите нет, но сегодня жизнь в станице заметно улучшилась. Жалко, что забот у военнослужащих ненамного убавилось. И хотя поток оружия через Знаменскую сократился, время от времени всплывают на поверхность из мутной воды то неучтенный автомат, то "завалившаяся" граната, то цинк с боеприпасами. Особенно трудно приходится тем, кто несет службу на КПП у Терека, на так называемом мосту Дружбы. Нет, движение автомашин интенсивным здесь никак не назовешь. Зато и порожняка почти не бывает, почти всегда бойцы с "уловом", знать, место такое — удачливое. Кстати, именно тут еще несколько месяцев назад по обе стороны реки воздвигли баррикады дудаевцы и их противники в борьбе за власть. Повсюду заметны следы их разборок: выщербленные пулями железобетонные блоки, пробитые мешки с песком, кучи гильз...

— Странно как-то воевали хлопцы, — усмехнулся начальник штаба батальона старший лейтенант Анатолий Дьяченко. — Местные рассказывали, что, бывало, постреляют малость друг в дружку, а потом вдруг кто-нибудь выглянет из-за укрытия и крикнет: "Ахмет, слышь, давай покурим!" Сойдутся на середине моста, посмолят, попрощаются и... снова стреляют. Дружно.

— Неужто поэтому мост этот мостом Дружбы назвали? — интересуюсь.

— А кто их разберет? — пожимает плечами Анатолий. — Кавказ — дело тонкое. Впрочем, какая уж тут, к черту, дружба при таком раскладе!

А расклад действительно неважный, ибо по ребятам нашим, взявшим под охрану сей стратегический объект, стреляют денно и нощно. Правда, сегодня мост работает не в полную силу — оппозиционеры, боясь прорыва тяжелой техники в Надтеречный район, подорвали один пролет, оставив лишь узкую полосу для проезда легковых машин. К сожалению, от взрыва пострадал и проложенный под мостом нефтепровод. В нескольких местах зияют дыры, через них видна застывшая нефть.

— Еще повезло, что взрывом не задело газопровод, проложенный по дну реки, — сказал энша. — А то бы вряд ли что здесь осталось: 40 атмосфер — не шутка.

Под мостом были оборудованы специальные проходы — ими обычно пользовались ремонтники, обслуживающие нефтепровод. После взрыва проходы эти кое-где разрушились, став хорошим прикрытием для «непримиримых» — ночами боевики с оружием незаметно подбираются по ним к посту, обстреливают солдат и чаще всего безнаказанно уходят. Поди найди их потом среди груды покоруженного металла...

Так что до дружбы (я все-таки выяснил, мостом Дружбы его назвали изначально), о которой мечтали строители, связавшие Надтеречный район со Ставрополем, еще как пешком до Грозного. А может, и дальше.

ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ

Далеко до дружбы. Ближе до войны. Последние оперативные сводки свидетельствуют: стволов в Чечне, несмотря на активные действия федеральных сил по разоружению незаконных бандформирований, меньше не становится. Их доставляют сюда всеми мыслимыми и немыслимыми путями. Полагаю, лет через десять-пятнадцать, если доживем, узнаем из нашего непредсказуемого исторического прошлого о таких источниках снабжения боевиков, что волосы дыбом встанут. В

Магарамкентском районе, что на границе Дагестана с Азербайджаном, задержали три автомашины, шедшие по бездорожью в обход постов. С самым безобидным грузом — яблоками прошлогоднего урожая. Однако при тщательном досмотре обнаружили под фруктами 50 тысяч автоматных патронов, 231 снаряд системы залпового огня «Град», 265 реактивных боеприпасов. Плюс к тому солидный довесок — 50 коробок с лекарствами и 2500 комплектов камуфлированной формы турецкой армии — «подарок» из-за бугра.

А в том, что такие вот «гостинцы» здесь не редкость, военнослужащие убеждаются чуть ли не каждый день. Через контрольно-пропускные пункты оружие в последнее время практически не идет — лишь самый отчаянный (а вернее, сумасшедший) решится взять с собой ствол или гранату, надеясь на авось, ибо досмотр автотранспорта проводится более чем пристрастно. Невзирая на жуткую служебную нагрузку. Судите сами: только на одном КПП, что в центре Червленной, за день обыскивают больше 1000 машин, проверяют документы у 5000 человек. Нередко впустую: оружие поступает другими дорогами. Одной из них вместе со спецвзводом довелось проехать и мне.

Накануне поступила информация, что боевики готовят переброску стволов и боеприпасов в район Гудермеса. Сведения подтвердили и лояльно настроенные к федеральным силам местные жители. Кроме того, в ходе проведения поисково-разведывательных мероприятий подраз-

деление обнаружило в двух километрах от станции Старощедринская тайную переправу через Терек. Видимо, боевики основательно готовились к операции: на берегу тщательно замаскировали лодки, оборудовали опорный пункт. При попытке уничтожить тайник военнослужащие встретили активное противодействие уже не столь лояльных селян. Взводу спецназа предстояло отрезать пути возможного продвижения боевиков и проверить машины, следующие в сторону станции. Дело осложнялось тем, что на этих отдаленных от эпицентра боевых действий проселочных дорогах военные службу не несут, нет тут и КПП, поэтому для боевиков они самые надежные.

Закрепились спецназовцы в аккурат на развилке. И очень удачно: бэтээр с вооруженными людьми перепугал всех "путешественников" до полусмерти. Некоторые водители, едва завидев подвижной КПП, резко разворачивались и уходили в ближайшее село, так сказать, огородами-огородами и к ... Дудаеву. Но, наверно, не все из страха перед представителями закона, большинство — по инерции. Когда группа перехватила один такой удирающий "жигуленок", то при досмотре ничего не нашли. По словам офицера, возможно, это был разведдозор. Может, и так, но в этот день машин с оружием мы так и не дождалась. Скорее всего, боевики, узнав о заслоне, либо изменили маршрут, либо решили дожидаться ночи. "Спокойное место", — подумали спецназовцы, уезжая. А поутру их сменила другая группа и тут же... напоролась на засаду. Война — штука непредсказуемая.

Один из контрольно-пропускных пунктов разместили близ села Виноградное. Живописное местечко с красивым названием. Большинство жителей — кумыки, дети тех, кто в 1944 году подвергся депортации. В этой войне они нейтральны: попросили командование федеральных сил не тревожить их без особой нужды и заверили, что с их стороны в военнослужащих не раздастся ни одного выстрела. Слово свое жители Виноградного держат. Хотя и не скрывают несколько странного обстоятельства: оружие у них есть, но сдавать его добровольно никто не собирается. Якобы держат на всякий пожарный. Мало ли что? Вдруг бандиты сунутся, тут их и встретят не с пустыми руками.

Тысячи людей проходят через этот КПП. Проверка документов, досмотр личных вещей — дело привычное. Среди ходяков немало беженцев. С одной группой, воз-

вращающейся в Грозный, удалось поговорить накоротке.

— Бои стихли, дай, думаю, посмотрю, что там с моим домом, — делится наболевшим молодая женщина Юлия Николаевна. — Детей еще до войны вывезла, к родителям в Кострому, а сама с мужем до последнего была в Грозном.

— А наш дом разбомбили, — горестно вздохнул мужчина лет пятидесяти. — Все под руинами осталось. Даже не знаю, что и делать теперь... Заново жизнь начинать?

— Мы, простые люди, мира хотим, — подошел пожилой чеченец. — Как там у вас говорят: богатые дерутся, а у бедных головы болят...

Не стал поправлять про панов и чубы — мудрый старик верно суть подметил. Да и не в словах дело. Люди возвращаются в Грозный со своими бедами, проблемами. Одна женщина, назвавшаяся Марией Петровной, со слезами на глазах поведала свою историю. Сорок лет без малого прожила здесь, а в январе в дом угодила бомба. Под обломками погиб муж. Военные помогли откопать его и похоронить. Поначалу решила уехать подальше от войны, да вот не вышло. Возвращается.

— А кому мы нужны в России? — спрашивает. Мне на Белгородчине, где я родилась, так и сказали — езжай туда, откуда приехала. Вот и выбираюсь на дорогу к дому.

На ту самую — дорогу жизни. Одно радует: с каждым днем бед на ней пусть чуточку, но все же меньше, а жизни все больше. Поднимаются вокруг виноградники, пшеница взошла — не верится даже, что успели посеять.

Возвращаясь, заметил на обочине парня и девушку — из местных. Идут рука в руке. Улыбаются! Добрая примета. И в добрый путь... А в сотне метров на КПП — наши бойцы, хмурые, с серыми, пыльными лицами и непомерной усталостью в глазах. Им не до улыбок пока. Пока не кончится война.

Но обращался добрый молодец
ко камешку ко Латырю,
И на камешке он подппись
подписывал:

"И как очищена
эта дорожка прямоезжая".

(Былины "Три поездки Ильи Муромца").

Старший лейтенант С.КОЛЕСНИКОВ.
Фото автора.

Знаменская — Виноградное — Чералевная.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

В начале ИЮНЯ исполняется полгода, как Вооруженные Силы во взаимодействии с внутренними войсками принимают участие в проведении специальной операции по восстановлению конституционного строя в Чеченской Республике.

Устали все, устали военные и мирные жители, устали от страха, крови, постоянного напряжения. Представители гражданских властей в Грозном, предводители духовенства и руководители ряда общественных организаций республики пытаются всеми доступными средствами убедить вооруженных сторонников Джохара Дудаева прекратить сопротивление. Но их усилия пока тщетны.

1 ИЮНЯ после недолгого затишья ожесточенные бои возобновились в предгорьях и горах Чечни. Федеральные войска вплотную подошли к горловинам Аргунского и Веденского ущелий, потеснили боевиков на Шатойском и Агиштынском направлениях.

2 ИЮНЯ операция по вытеснению боевиков в горы продолжается успешно. А в самом Грозном тем временем напряжение возрастает. В город просочилось от 300 до 800 боевиков, и каждую ночь вспыхивают перестрелки, огнем налетам подвзрывают коммандатуры. В ходе боевых действий погибли **рядовые Геннадий ОВИДОВ, Александр ЛИДОВСКИЙ, Ефим ЗЕНЦОВ, Сергей СЪЕДИН**. В госпитале от полученных ранее ран скончался **старшина Сергей ЕФРЕМОВ**.

3 ИЮНЯ в результате решительных наступательных действий был взят н. п. Ведено, древняя столица Чечни. К вечеру этого же дня подразделения ОДОНа вышли к районному центру Ножай-Юрт и захватили господствующие высоты. В боевых стычках погибли **рядовые Игорь ОЧЕРЕТЯННЫЙ, Альнар НУРУЛЛИН, Владимир КОСТЕНКО**.

4 ИЮНЯ стало известно, что с начала месяца в ходе боевых столкновений уничтожено более 300 боевиков, 8 танков, 9 БМП, 3 БТР, 1 БРДМ, 2 ЗУ, 1 РСЗО "Град", 2 орудия, 6 минометов, 28 автомобилей с боеприпасами. Подавлено 16 огневых точек, 10 опорных пунктов, 2 дота. Захвачено 1БРДМ, орудие, 2 РПГ, 1 ПК.

5 ИЮНЯ боевики обстреливали места дислокации и блокпосты внутренних войск. Погибли **ефрейтор Леонид БОРИСОВ, рядовые Дмитрий СЕЛИВЕРОВ, Игорь ВИЗГУЛОВ, Евгений ГЛУШКОВ**. В этот же день с множественными огнестрельными ранениями туловища обнару-

жен **младший сержант Владимир ВАСИЛЬЕВ**, без вести пропавший еще 25 мая.

7 ИЮНЯ от пули снайпера погиб **лейтенант Анатолий ПОДДУБНЫЙ**. Значительная часть дудаевцев, потерпев поражение на юге, уходит в горы. Разбитые под Ведено отряды чеченских боевиков отступают в Ножай-Юртовский район, где организуется новый рубеж обороны дудаевцев. На господствующих высотах этого района замечены боевики отрядов Шамиля Басаева и Фаттаха (гражданина Афганистана).

В течение суток **8 ИЮНЯ** незаконные вооруженные формирования активных действий не предпринимали, восстанавливали разрушенную систему обороны, связь. Боевики скапливаются на высотах гор Гизчены, Тюръелам, Ахрыйзрау. Ускоренными темпами ведется оборудование опорных пунктов вдоль дороги Шатой — Итум-Кале. В район Шатоя, южнее Дарго, где расположен личный резерв Масхадова, продолжают прибывать разрозненные группы боевиков. Федеральными войсками блокированы населенные пункты Гудермес, Дачу-Борзой, Сержень-Юрт, Элистанжи, Октябрьский, Ведено, Харачой. Войсковыми нарядами перекрыты выходы из горных ущелий. В боевых стычках ранено 2 солдата внутренних войск.

9 ИЮНЯ часть боевиков пытается соединиться с основными силами в районе Шатоя, другая часть — прорывается через границу с Дагестаном. По оценке специалистов, несогласованность действий боевиков на Восточном направлении свидетельствует о потере управления и руководства незаконными вооруженными формированиями.

С 8 по 10 ИЮНЯ в Чеченской Республике находилась делегация Совета Европы в составе 26 человек во главе с г-ном Инаресом (Испания). Они встретились с командованием внутренних войск, посетили несколько населенных пунктов с целью составить собственное мнение об обстановке в Чеченской Республике, оценить ситуацию с соблюдением прав человека.

В военном госпитале от осколочного ранения головы скончался **прапорщик Дмитрий УТКИН**.

12 ИЮНЯ федеральные войска продолжают операцию по блокированию н.п. Шатой, превращенного боевиками в укрепленный район обороны. Незаконные вооруженные формирования силами до 300 человек с бронетехникой до 10 единиц и огнеметами ведут сдерживающие боевые действия против внутренних войск на Ножай-Юртовском направлении, в районе

озера Галанчез и н.п. Бамут. Прошедшей ночью неоднократным обстрелам подвергались позиции внутренних войск, в результате которых 8 человек получили ранения.

13 ИЮНЯ бои за Шатой идут в районе горного прохода севернее н.п. Зоны. Федеральные силы, успешно применив тактический воздушный десант, блокировали город, вынудили боевиков оставить его. В боевых действиях погибли капитан **Марат МОНАХОВ**, младший сержант **Юрий ЗАЙЦЕВ**, рядовые **Геннадий ТАВУТАЕВ** и **Александр ЧАЛЕНКО**.

Имеются сведения, что по приказу Дудаева на территорию Ингушской Республики направлены диверсионные группы наемников с целью, совершив террористические акты, вызвать у населения недовольство действиями федеральных сил. В конечном итоге — втянуть в конфликт Ингушетию.

14 ИЮНЯ чеченский терроризм, о возможности которого на территории России периодически предупреждали общественность представители силовых структур, стал явью. Группа боевиков численностью до сотни человек под руководством Шамиля Басаева ворвалась в Буденновск. В результате стрельбы на улицах, нападения на райотдел внутренних дел погибло несколько десятков человек. Боевики, захватив заложников, укрылись в городской больнице. К 15.00 город был блокирован частями внутренних войск.

На Ножай-Юртовском направлении внутренние войска, сломив сопротивление боевиков, заняли господствующие высоты и к 16.30 полностью блокировали Ножай-Юрт. Бойцы "Витязя" водрузили в центре города российский флаг.

15 ИЮНЯ военно-политическая обстановка резко изменилась в связи с терактом в Буденновске. В течение ночи в районе Бамута боевики интенсивно обстреливали позиции федеральных сил.

А в самом Буденновске к полудню насчитали 40 убитых и 69 раненых мирных жителей. Требования террористов: начать переговоры Ельцина с Дудаевым, прекратить боевые действия и вывести федеральные войска из Чечни. Больницу заминировали, угрожали при попытке освободить заложников уничтожить всех. Расстреляли семерых раненых заложников.

16 ИЮНЯ заместитель министра внутренних дел России Евгений Абрамов на заседании Государственной Думы сообщил, что переговоры с террористами в Буденновске "пока ничего не дают" даже с привлечением авторитетных представителей Чеченской Республики.

В Чечне от пули снайпера погиб рядовой **Александр ВАРЗЕТОВ**, а в Буденновске от множественных ожогов 3-4 степени скончался майор **Сергей ЗЫКОВ**.

17 ИЮНЯ террористам после расстрела пятерых заложников была организована пресс-конференция. По словам Шамиля Басаева, боевики не считают себя террористами, а воюют за идею и независимость Чечни. В Бу-

денновске в это время захоронены жертвы "войны за идею". 21 человек.

В Чечне активные боевые действия не ведутся. В стычках с боевиками погибли младший сержант **Фирдуз КОМОЛЕТДИНОВ**, рядовые **Сергей ГАЛКИН**, **Александр БОЙКО**. От разрыва гранаты погиб сержант **Александр ЧИЖОВ**.

18 ИЮНЯ В. Черномырдин начал переговоры с террористами и несколько раз выходил на связь по телефону с их руководителем Шамилем Басаевым.

По приказу генерал-полковника А. Куликова на территории Чечни прекращены боевые действия.

Подорвались на mine и погибли ефрейторы **Роман МИНОДАЕВ** и **Андрей ТЕЛЯТНИКОВ**.

19 ИЮНЯ в здании ОБСЕ в Грозном начались переговоры об организации мирного урегулирования в Чечне. В 16.00 автоколонна с боевиками Шамиля Басаева и добровольцами, выполняющими роль живого щита, направляется в сторону Чечни. В 16.30 машины скорой помощи начали вывозить с территории больничного городка тяжелобольных и раненых.

Несмотря на объявленный мораторий на ведение боевых действий в Чечне погибли солдаты внутренних войск: рядовые **Владимир ФОМЕНКО**, **Виталий КУПРИЯНОВ**, **Олег НИКОЛАЕВ**.

20 ИЮНЯ колонна с террористами и добровольцами-заложниками все еще находилась в дагестанском городе Хасавюрте, куда она прибыла в 8.50 утра. И только в 16.50, не дождавшись от правительства гарантий дальнейшего безопасного передвижения, выехала из Хасавюрта и без четверти восемь вечера добралась до Зандака. В 20.21 автобусы с освобожденными заложниками двинулись обратно в сторону Дагестана.

Мораторий на боевые действия в Чечне продлен на 3 дня, однако с чеченской стороны продолжают нарушения. Участились случаи обстрела блокпостов и мест дислокации частей с целью спровоцировать ответный огонь.

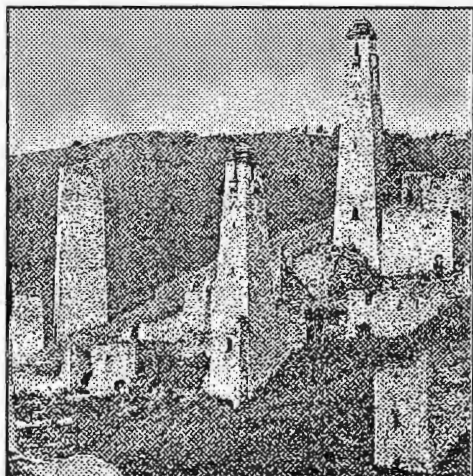
21 ИЮНЯ освобожденные заложники и журналисты добрались до Буденновска. Российская делегация на переговорах в Грозном потребовала от сторонников Дудаева публично осудить акты терроризма и в 3-дневный срок выдать террористов.

22 ИЮНЯ объявлен днем траура в России по погибшим в Буденновске. Чеченская сторона на переговорах осудила террористический акт и обязалась оказать содействие в задержании террористов. Ночью из стрелкового и артиллерийского оружия велся обстрел позиций федеральных войск в районе аэропорта Северный.

На 27 июня в Чечне внутренние войска потеряли 280 человек убитыми и 1402 ранеными.

Подполковник **В. ПАНЧЕНКОВ**, майор **И. МУЧАК**.

Из кавказского дневника

Белые маки Джейраха

Спецназ против наркомафии

Заметки эти начинались еще в прошлом году, во время командировки в зону осетино-ингушского конфликта, когда жил в отряде специального назначения внутренних войск и наблюдал за боевой работой старых своих знакомцев. Сделанные в те дни записи и наблюдения уже выстраивались в черновой материал будущей журнальной публикации, но тучи, сгустившиеся над Чечней, заслонили все прочие "кавказские фронты", и палочка с надписью "Джейрах" дожидалась своего часа...

О ней напомнил... Президент России. Когда начались активные действия федеральных войск в Чечне, эту северокавказскую республику Ельцин поставил в один ряд с одиозной колумбийской наркомафией и "золотым треугольником" в Юго-Восточной Азии. Тогда и вспомнил я летнюю поездку в Северную Осетию и Ингушетию, где довелось стать очевидцем крупномасштабной операции правоохранительных сил под названием "Мак-94". Как выражались спецназовские шутники, то был "Биг мак".

Еще одна причина, пожалуй, главная, более важная, чем обсуждение проблем борьбы с преступностью, — долг памяти перед нашим боевым товарищем, с которым встречались, работали и дружили в районе ЧП и который погиб в Чечне 3 января нынешнего года. Опытного, умелого и отважного офицера внутренних войск МВД России подполковника Сергея Игоревича Петрушко представили посмертно к званию Героя России. Достоин! Хотя мало думал о поощрениях и наградах в воюющем Карабахе, в непримиримых Осетии и Ингушетии, где мы с ним и повстречались...

Сразу по приезде к "краповым беретам" поинтересовался, чем спецназ занимается. "Громим медельинский картель", — с легкой усмешкой сказал командир. Потом, согнав с лица устало-ироничную улыбку, пояснил: — Совместно с МВД Ингушетии проводим рейды по обнаружению и уничтожению плантаций опийного мака. Завтра утром группа летит в Джейрах".

Это слово, ломкое, хрусткое, как молния, приходилось слышать довольно часто еще в осенние дни 92-го. Тогда согнанные с обжитых мест ингуши уходили горными тропами именно в Джейрахское ущелье, где на земле предков искали спасение, где нередко погибали, падая во

время снежных бурь в пропасти с горных троп, замерзая без огня, теплой одежды, пищи. Тогда же впервые и узнал, что Джейрах — не только надежный оплот боевиков, но и уютная обитель наркодельцов. Но и тогда тему наркомафии затрагивать не пришлось — спецназовцы спасали людей от пуль, погромов, поджогов, плена. КПП на дорогах, сопровождение колонн с беженцами, грузами, охрана обезлюдивших поселков стали для внутренних войск основным делом. Борьба с наркомафией отошла на второй план даже для местных правоохранительных органов, больше занятых междоусобицей и разборками с силами, приданными временной администрации в районе ЧП.

Когда же наступило относительное затишье, когда противоборствующие стороны ценой огромных усилий внутренних войск и других федеральных структур были разведены, когда появились проблески кавказского солнца, вновь пышно зацвели белые маки Джейраха, их дурман потек с горных склонов по обе стороны Кавказского хребта, стал растекаться по России, которая, бедная, и без того теряла голову и в буйном политическом разгуле, и в мафиозном круговороте, и в безудержном пьянстве...

Заложив крутой вираж, "вертушка" застрекотала над зелеными склонами, увенчанными неприступными скалами. Темнеют массивы густого леса. Виды изумительные. И весь восторг адресовался бы вечной непостижимости первозданной природы, если бы не следы человека на этих горных склонах. Там и сям непреклонно гордо стоят древние сторожевые башни. Многие разрушены временем до основания, но некоторые, устояв в веках, высятся белыми каменными перстами в голубое небо. Считалось, чем выше башня, тем она надежнее. С такой скорее увидишь неприятеля, займешь оборону. Неподъемные камни сложены на тонком слое особого глиняного раствора, на нижнем этаже держали скот, на втором и третьем жили горцы. Выражение "мой дом — моя крепость" в отношении этих поселений справедливо на все сто. На карте эти древние обиталища горцев обозначены как развалины: "разв. Ант", "разв. Цызды", "разв. Нуй". Но дротики каменные осыпи былого величия — это родовые владения. Поднятые нынешней междоусобицей потомки древних ингушей кое-как ладят в бывших домах-крепостях новое пристанище: на остатки стен кладут кровлю из жердей, целлофана, засыпают землей. Ставят печи-буржуйки, роют погреба, городят загоны для скотины. Жить надо. Жить, как говорится, хорошо. А

хорошо жить — еще лучше. Эту незамысловатую истину изрек однажды небезызвестный киногерой-комик. Но понимают ее всерьез по-разному. Можно разводить, как в этих краях издревле делали, скот — пастбища ведь тучные, немереные. Еще можно выращивать на продажу овощи или цветы. Выгодно, хотя и хлопотно.

А чтобы жить еще лучше, другие выращивают коноплию или мак. Знаете, почему нынче опиум для народа? Газета "Северная Осетия" писала как раз в те дни, 20 августа 1994 года: "Во Владикавказе милиция регулярно делает рейды по тем закоулкам города, где находятся рынки сбыта опия, морфина и т.д. К слову, цена "барыжной" дозы опия (0,51 г) — около 8 тысяч рублей, доза морфина — до 12 тысяч рублей. (Сегодня, при бешеном росте цен, инфляции и повышенном спросе, прошлогодние цифры надо, без сомнения, множить резко. — Б.К.) Если на карте Владикавказа пометить места преступной торговли, то такой "вертолетный облет" даст возможность посмотреть на проблему "сверху".

Реальный же вертолетный облет дал не менее впечатляющую картину. Подполковник С.Петрушко показывает в иллюминатор: "Вон, смотри, ровненький квадратик возле развалин — это деляночка, которую мы вчера засекли. Там на ночь оставили засаду из назрановских милиционеров — что-то они высидели, интересно?"

Сели. Ингушские борцы с организованной преступностью ночью видели двух неизвестных в отдалении, задержать не удалось, результатов — ноль. Пока вертолет увозит группу сотрудников милиции домой, мы осматриваем лагерь наркодельцов, и подполковник С.Петрушко рассказывает о том, как войсковой спецназ включился в эту операцию.

— По сведениям, полученным от органов внутренних дел в данном районе должны находиться большие посевы опиумного мака. Провели предварительную разведку силами экспертно-криминологического подразделения Джейрахского районного отдела внутренних дел. Они вроде бы подтвердили данную информацию. Параллельно они подали заявку в оперативно-следственную группу МВД России для проведения совместной операции, так как в последнее время ингушское руководство, а именно МВД, стало обижаться, что их не используют для выполнения задач в районе ЧП, не доверяют и так далее. Руководство ОСГ, начальник штаба времен-

ной администрации приняли решение на проведение здесь совместной операции.

В первый день сюда вылетели около тридцати человек из роты спецназа МВД Ингушетии, группа войскового спецназа для их прикрытия и эксперты ОСГ МВД России. При приземлении здесь было обнаружено вот это маковое поле размером около шести соток и это, скажем так, обиталище. Запас продуктов, вообще все устройство этого лагеря позволяют думать о том, что здесь находилась группа до десяти человек. Причем по косвенным признакам можно определить, что здесь были как славяне, так и представители, скажем так, вайнахского народа, как мужчины, так и женщины.

С самого начала вся операция пошла немного неправильно, потому что основные силы были высажены в районе во-он того хребта, у его подножия. Потом ингушский спецназ тремя группами по десять человек пошел по трем направлениям с целью проверки информации. Они вышли на посевы, но те оказались малозначительными, мак там был низкорослый, белый и красный вперемежку — видно, занимались им не очень культурно, посеяли, а потом забыли. Белый мак — наиболее ценный. Они здесь раньше такого не видели. Предполагают, что завезли его из Афганистана, Средней Азии. Эксперты, занимавшиеся этими вопросами в Узбекистане, подтверждают, что это настоящий узбекский мак...

После того как группы разошлись, прошло часа полтора. Криминалист из Джей-

рахского района предложил не ждать их, а слетать сюда. Так и сделали. Люди покинули этот лагерь, по всей видимости, когда мы подлетали к первому месту — чайник на плите был горячий, плита горячая, посуда стояла. Уходили спешно, но лошадь оставили. У нее нога поранена, видно, не могла она им помочь уже. Кроме продуктов, нашли мы здесь и боеприпасы — 26 патронов калибра 7,62 мм образца 1943 года, два патрона к ТТ, которые и к ППШ подходят.

По всему устройству лагеря видно, что обосновывались здесь всерьез и надолго. Вон, видишь, туалет стационарный, спортгородок с тренажерами для качания пресса. Фляги с водой, умывальник. Белье развешено для просушки, мужское и женское. Даже пудреницу нашли. Группа эта занималась не только возделыванием плантаций, но и охраной. Кроме того, здесь во многих местах торчали лезвия — ингуши объяснили, что это орудие труда, а подрезка мака — женская работа. По степени созревания маковые головки бывают четырех типов, их помечают тряпочками. В принципе можно выдавать "продукцию" весь сезон — до глубокой осени. Сколько стоит это поле? Знающий эксперт из местных выразился так: "На пять "Жигулей"-девяток хватит".

В окрестностях, когда мы выставили систему наблюдения, обнаружили еще два поля. В первый день уничтожить все не представлялось возможным, потому что с нами находился лишь один сотрудник МВД Ингушетии, который просил подождать группу во главе с начальником

УГРО республики, чтобы все это зафиксировать. Но времени не оставалось, поэтому наши эксперты, "озгэшные", провели все необходимые работы. С нами был и оператор с видеокамерой, сюжет потом показали в "Вестях".

С наркомафией трудно бороться еще из-за юридической казуистики. Брать нужно с поличным, чтобы криминал был налицо. А то ведь задерживают двух подозрительных, а те отговариваются просто: "Увидели вертолет, нам интересно, вот стоим и смотрим..." А если бы оружие нашли, то можно было бы брать их... за одно место.

Что планируем на будущее? Километрах в четырех отсюда есть строение, говорят, там живут русские, паспорта у них смотрели. Надо проверить — может, это так называемые "рабы", которые побоялись говорить правду. Есть еще пять-шесть полей в окрестностях кроме тех 0,2 га, что уничтожены. А чтобы уничтожить полгектара посевов, нужен не один день. Сил и средств у нас для этого нет. Ведь мало просто выдернуть растение и бросить его на землю. Придут после и прекрасно переработают на маковую соломку и другое зелье — технология у них безотходная. Надо все выдернуть, свалить в кучу, как-то оградить земляным валом, облить бензином и только потом поджечь. Да еще ждать, пока все не сгорит, наблюдать, чтоб огонь на лес не перекинулся.

Говорят, что где-то с конца 80-х, когда начались все эти перемены в Союзе, здесь и стали безнаказанно производить зелье. Кто-то умный увидел, что здешние условия почти идеальны для наркобизнеса: удаленность от всех населенных пунктов, отличные природные условия, труднодоступность для правоохранительных органов (что здесь делать одному милиционеру, обычному?), возможность вывоза "продукции" в любом направлении. Наркоту вывозят, это тоже мнение ингушского руководства, в Хевсуретию. Вот здесь, по реке Асса, грузинскими строителями проложена дорога на Хевсуретию, которая представляет собой котел. Выход в основную Грузию — только через Джейрахское ущелье и дальше по Военно-Грузинской дороге. Но существуют горные, так называемые козы тропы, по которым проходит груженная лошадь. Так что и в Грузию наркотики могут плыть, и вдоль Ассиновского ущелья в Назрань, потом в Грозный, а уж оттуда куда угодно...

Стоимость одного грамма этого дурмана — его называют "черняшка" — 15-20 тысяч рублей. Так что заниматься этим делом, видимо, будут постоянно. Надо их пугнуть, погонять как следует. Но вообще-то, дело это непростое. Даже на вертолете здесь

работать тяжело. А вон, кстати, и наша "вертушка"...

Винты вертолета взвихрили горячий воздух, всколыхнули высокую траву и кроны деревьев над разгромленным логовом наркобандитов. Через несколько минут — еще одна посадка. Спецназовцы кольцом окружают жилище, сооруженное на развалинах средневековой башни. На самых подступах к жилью густые заросли высотой в пояс. Сначала подумал просто-душно — крапива. Оказалось — конопля, которая выращивается для производства вождельной "травки", анаши, а если по-заграничному, марихуаны.

Вышедший из дома мужчина — славянской внешности. Словоохотлив до подобострастия. Группа осматривает жилище и другие постройки, а единственный обитатель рассказывает свою странную историю. Владимир приехал в Ингушетию на заработки, оставшись в родной Макеевке без работы. Признаюсь, сразу мелькнула мысль о "рабах" — славянах, которых приходилось встречать на Кавказе во множестве, о которых не раз писали газеты. Среди таких "кавказских пленников" едва ли встретишь достойного человека — сплошь бомжи, пьянь беспробудная, "плечевые" проститутки, наркоманы, искатели приключений на собственную задницу.

Этот Володя, кажется, нашел. Поначалу весь его рассказ, быстрый, сбивчивый и как-то нервически веселый даже, сводился к одному — я, мол, не я, и хата не моя. Оставшись без денег, списался со знакомым в Назрани. Тот пригласил на сезон, помочь по строительству. А пока со строительством не развернулись, пришлось стать сторожем и поваром в поместье ингушского знакомого. Чем здесь заниматься хозяин с сыновьями? Скот держат, сено заготавливают. Хозяин сейчас по делам в Москве, сыновья тоже в отъезде, на днях обещали быть...

Рассчитаться с "сезонным рабочим" Володей они обещали... билетом на поезд до Ростова и новым костюмом.

Стоял этот славянин в горах Ингушетии, рассказывал странную свою одиссею и время от времени восклицал: "Ух ты! Ничего себе!" Было отчего восторгаться и присвистнуть — бойцы спецназа нашли сначала новехонький автомат Калашникова, потом восемь снаряженных магазинов к нему, не вскрытый еще цинк патронов, пакеты с семенами мака и солодкой...

Разматывать клубки наркомафии — дело оперативно-следственных работников. Спецназ внутренних войск призван разведать, обнаружить, изъять, задержать, перехватить, обезвредить, обезору-

жечь. Грамотно, хитро, стремительно, смело, бескровно. А потом идти дальше.

Дальше, как водится, — больше. Больше оружия, больше задержанных, больше дурманного зелья. Рейд продолжился, следующая посадка была в окрестностях другой древней башни. Здесь жил старый Исрапил, бежавший в ноябре 92-го из села Тарское, что в печально знаменитом Пригородном районе Северной Осетии. Кое-как беженцы обустроились: подмонтировали родовую башню-крепость, разбили огород, завели скотину и птицу. После пережитого в страшные дни осетино-ингушской междоусобицы, казалось, пришло мироотворение. Зачем прилетели сюда русские солдаты и милиционеры?

Если прежний наш задержанный, "украинско-подданный" Володя был словоохотлив, то ингуш у стен своей лачуги-крепости был неприступен, словно каменная башня в лучшие свои годы: оружия не держим, мак не выращиваем, в доме кроме малых детей никого нет.

Пока брали интервью у хозяина, спецназ работал: сначала нашли охотничий патронташ ("Старший сын ушел на охоту", — разговорился отец), потом под матрасом обнаружился внушительный ствол — гибридный стрелкового пистолета и карабина под патрон калибра 7,62 мм. Тут же десятка полтора патронов к нему. Вариант "я не я, и хата не моя" тут явно не проходил. Исрапил сник, под седой щетиной было заметно, как бросилась кровь в голову, в которой Бог знает какие версии прокручивались. Старик упорствовал: "Сын ушел, ничего не знаю, ничего не видел..." Спецназ тем временем увидел и семена того самого белого мака, и автоматные патроны калибра 5,45 мм, и два охотничьих ружья, и камуфлированную военную куртку...

На ловца, говорят, и зверь бежит. Спецназовцы наши — ловцы крупного зверя. Та "охота" была на редкость удачной. Пока шел досмотр надворных построек старого Исрапила, снайперы-наблюдатели не выпускали из поля зрения все тропки в окрестностях. В соседней крепости-башне запросто мог держать нас под прицелом своего автомата кто-нибудь из другой группы "охотников". Не прошло и четверти часа, как мы услышали доклад наблюдателя: "Вижу четырех всадников на лошадях, еще четыре лошади вьючные".

Бойцы укрылись в ожидании кавалькады, держа неизвестных под прицелом. Подъехавшие всадники поначалу стара-

лись выглядеть миролюбиво и безобидно: "Едем с пастбища, везем овечий сыр". Но взъерепенились, когда у них потребовали документы, стали обыскивать. Мужики молодые, крепкие — завозмущались, чуть ли не в боевую стойку встать пытались. Но спецназ — парни тертые, их на арапа не возьмешь. Поставили неопознанную четверку для обыска в несколько секунд: руки — на стену, ноги — пошире. Документов не нашли, зато в карманах обнаружили... патроны.

Подполковник С.Петрушко в который уже раз за время рейда произносит сакраментальную фразу: "Добровольная сдача оружия облегчит вашу участь". Но четверка "ковбоев" оказалась упертой: развьючивать лошадей отказались, бросают исподлобья недобрые взгляды. Присмирели, когда спецназовцы вытащили из мешка автоматные рожки, патроны в коробках и россыпью. "Где оружие?" — вопрос остался без ответа ненадолго. Наблюдатель сообщил, что один из всадников, увидев наш вертолет, стоявший в низине, отъехал с тропы в сторону. Обследовав это место, бойцы нашли автомат Калашникова и карабин СКС.

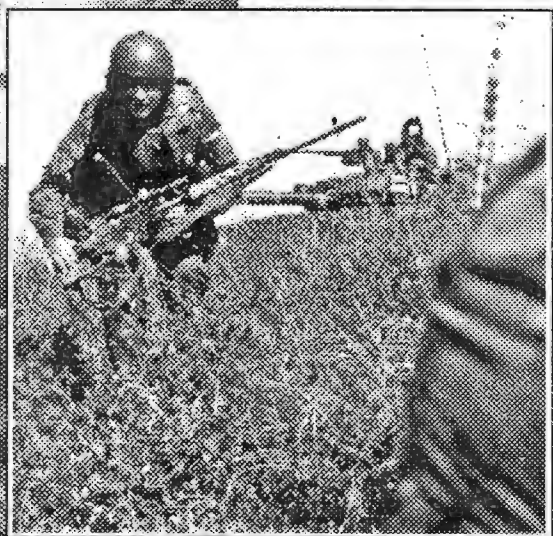
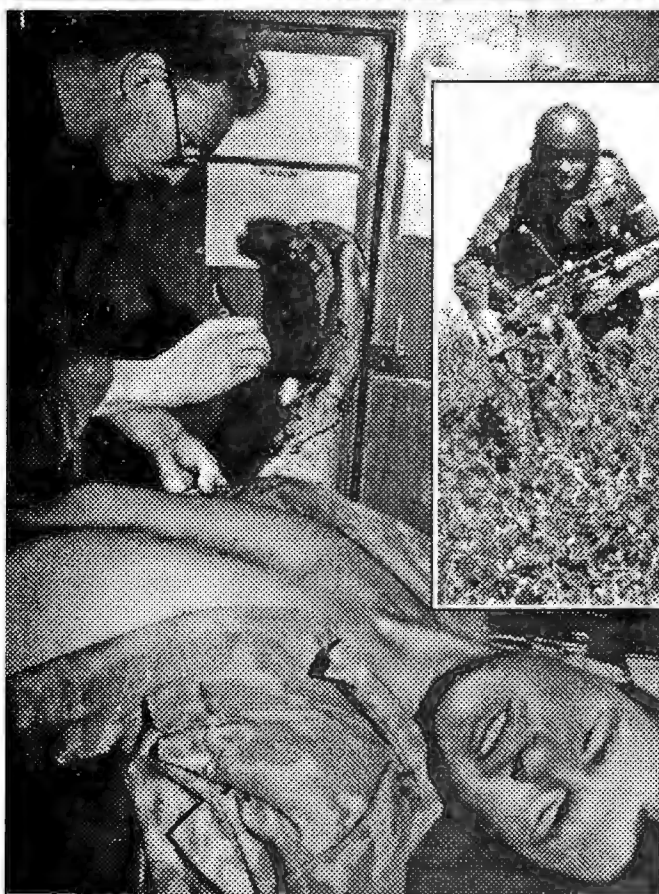
А потом грянули события в Чечне. И как теперь не вспомнить тех же спецназовцев, в числе первых вступивших в поединок с вооруженными бандитами Дудаева. Погиб подполковник Сергей Игоревич Петрушко. Понесла безвозвратные потери часть, солдаты и офицеры которой наносили удары по отечественной наркомафии. На позициях, оставленных моджахедами в Грозном, наши солдаты и бойцы ОМОНа находили и одноразовые шприцы, и маковую соломку, и анашу. Наколотые, обкуренные бандиты стреляли в российских солдат. Сегодня опять цветут белые маки в горах воюющего Северного Кавказа. Во время последней командировки в Чечню услышал такое мнение местных жителей о стратегическом значении Гудермесского хребта: "За него бандиты держатся потому, что мак там посеян опиумный. Вот по осени соберут его, там, глядишь, и разбегутся".

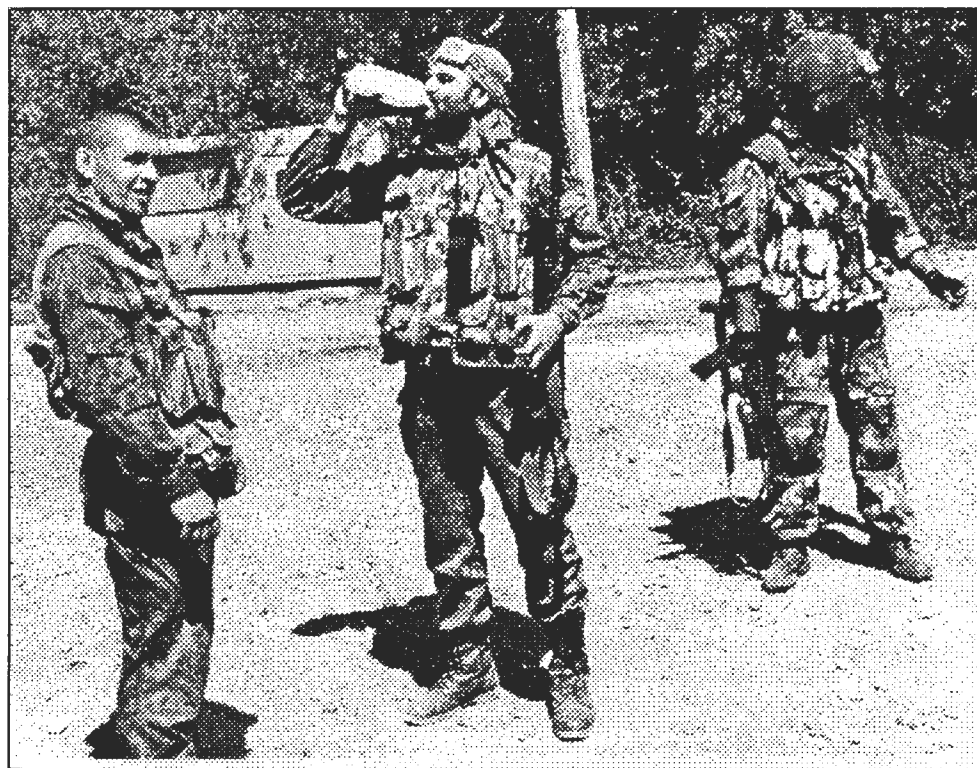
Внутренние войска не стали дожидаться сбора дурманного урожая — брали высоту за высоту, выбивая бандитов с облюбованных теми мест разбоя и наркобизнеса.

Полковник Б.КАРПОВ.
Фото Ю.ТУОВА.

Фото О. СМЕРНОВА

С начальником Центра инженерно-технического обеспечения внутренних войск МВД России полковником Д.МИКЛУШОНКОМ беседует наш корреспондент подполковник А.УШАР

...И расцвел «Эдельвейс»

— Признаюсь откровенно, Дмитрий Александрович, что к встрече с вами меня побудили профессиональное любопытство и обида. Полистав подшивки журнала, выяснил, что мы уже рассказали практически обо всех солидных войсковых структурах. За исключением Центра инженерно-технического обеспечения, то бишь ЦИТО. Вот тогда-то и стало обидно — и за людей, долгие годы незаметно делающих свое нужное дело, и за нашего брата журналиста: что ни говорите — проглядели.

— Вы правы только наполовину: нелегкая служба сотрудников ЦИТО действительно вне общественного внимания. Но, с другой стороны, на то были веские причины: деятельность Центра довольно продолжительное время сознательно прятала за завесой секретности, во многом — немотивированно, по привычке. Сами понимаете, раньше и не такое скрывали. Даже во внутренних войсках — вот что удивительно — о нашей части знали немногие и немногое. В лучшем случае слышали о каком-то неведомом, загадочном «полигоне», никоим образом не увязывая это название с Центром инженерно-технического обеспечения. И то, что редакция журнала «На боевом посту» решила поведать о ЦИТО как массовому, так и войсковому читателю, безусловно, радует нас

(большая честь быть представленным всей стране) и ко многому обязывает.

— Если можно, давайте все же вернемся к тому, что было раньше. Расскажите, пожалуйста, об истории возникновения части и основных вехах ее существования.

— 27 января 1967 года для проведения работ по испытанию инженерно-технических средств охраны (ИТСО) в целях дальнейшего оборудования ими различных объектов, в том числе и пенитенциарных учреждений, был создан опытно-испытательный полигон.

— Выходит, не за горами юбилей — тридцатилетие?

— Совершенно верно, прожито немало. По человеческим меркам — время подводить первые итоги, анализировать успехи и неудачи. А было и то и другое. Но пока речь об истории. Спустя два года после образования часть чисто испытательные работы дополнила научными изысканиями в области ИТСО. Надо ли говорить, что совершенствование наших функций напрямую зависело от интересов и служебно-боевой деятельности внутренних войск. И в 1972 году мы стали именоваться специальным конструкторским бюро, вплотную занявшись разработкой, конструированием и внедрением на базе последних достижений науки и техники датчи-

ков, приборов и других изделий, столь необходимых войскам при охране объектов. Тогда же удалось наладить деловые связи и организовать оперативное взаимодействие с предприятиями и родственными структурами различных министерств и ведомств, многие из которых и сегодня являются нашими надежными партнерами.

Скажу без преувеличения: трудились плодотворно, по-ударному (впрочем, в ту пору ударники были и в чести, и в моде). В середине семидесятых годов СКБ реализовало немало интересных научно-исследовательских идей, создав тем самым солидный творческий и технический потенциал, задел для последующей деятельности. Недаром же к концу первого десятилетия нашего существования руководство внутренних войск отметило, что внедрение ИТСО позволило значительно сократить количество побегов из-под охраны, проникновений на объекты и массовых беспорядков, предотвратить немало нарушений режима содержания спецконтингента, что дало в итоге экономический эффект в 25 миллионов рублей и возможность уменьшить на 15 тысяч численность личного состава, необходимого для несения боевой службы.

— Даже в нынешние времена больших купюр такая сумма невольно внушает уважение, а уж тогда это однозначно были огромные деньги. Есть чем гордиться. Но насколько я помню,

примерно в те же годы некоторые руководители МВД и внутренних войск, мягко говоря, с прохладцей и недоверием относились к надежности и качеству новых средств охраны?

— Увы. Причем совершенно необоснованно. И это, конечно, ощутимо препятствовало планомерному и поступательному ходу нашей работы. Тем не менее в 1983 году на базе СКБ создали Центр инженерно-технического обеспечения.

— С тех пор вы и служите под этой вывеской. Кстати, о службе. Ваше участие в жизни войск ограничивается научными изысканиями и испытаниями хитроумных приборов или...

— Или. Офицеры и прапорщики Центра выполняли интернациональный долг в Афганистане, активно участвовали в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, в составе войсковых оперативных групп находились и находятся в горячих точках страны, внося свою лепту в локализацию межнациональных конфликтов. Являясь неотъемлемой частью внутренних войск, мы живем с ними в одном ритме. И не только потому, что носим погоны на плечах. Зачастую именно в командировках, в живом общении со специалистами и появляются у наших офицеров новые технические идеи и планы. Это своеобразная обратная связь, без которой любая наука постепенно отрывается от действительности, подчас суровой, и, естественно,

Техник отделения прапорщик К.Кувичкин.

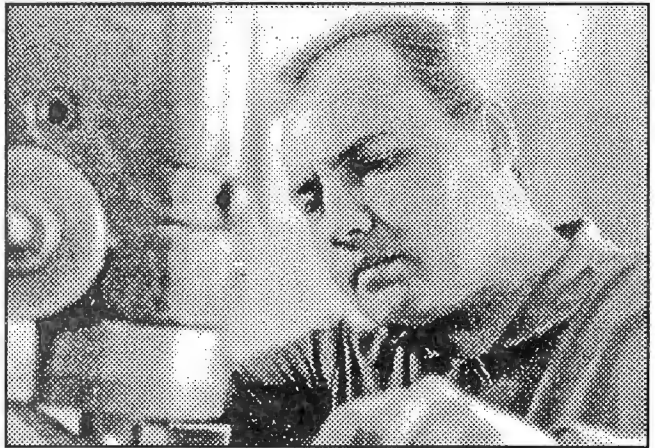
перестает приносить реальную пользу. Стало быть, теряет практический смысл.

— Влияет ли на деятельность Центра тот экономический кризис, который переживает страна, или вы находитесь в автономном плавании?

— Безусловно, влияет, поскольку абсолютное большинство наших деловых контактов — чисто экономического характера. Лихорадит партнеров — страдаем и мы, войскам хронически не хватает средств на самые насущные нужды — у нас усиливается головная боль за качество и своевременность разработки и внедрения современной аппаратуры. Впрочем, на командование внутренних войск жаловаться грех — оно постоянно держит в поле зрения деятельность Центра, заботится о создании оптимальных условий труда, что убедительно подтверждают начавшееся проектирование нового военного городка ЦИТО и позитивные изменения в организационно-штатной структуре.

— Дмитрий Александрович, по-моему, вы чересчур общо охарактеризовали цели создания Центра и совершили слишком краткий экскурс в историю. Многое осталось неясным. Поэтому расскажите, пожалуйста, подробнее и предметнее о том, чем была вызвана потребность в собственной научно-испытательной базе? И как это все началось?

— В конце 60-х годов одной из основных задач внутренних войск была охрана исправительно-трудовых учреждений. Причем организована она была дедовским способом, по старинке, как и во времена царя Гороха: наблюдательные вышки с часовыми по периметру объекта и броский лозунг в караульном помещении: "Недоглядишь оком — заплатишь боком!" Высшим техническим достижением на службе считалась телефонная связь начальника караула с часовыми. Естественно, что последние, особенно в ночное время, густой туман и ливень, были почти слепы и глухи, и выручали их только опыт и профессиональное чутье, да еще, пожалуй, напряжение всех сил. Хотя не очень-то и выручали — количество побегов из-под охраны, упрощенно выражаясь, через забор, было удручающе большим. Потому

Начальник участка старший прапорщик С.Баннов.

и встал во весь рост вопрос о конструировании и массовом использовании технических средств. Начали с примитива — с провода вдоль основного ограждения, на который подвешивали колокольчики и консервные банки. Эти самоделки, кустарно сработанные народными умельцами в подразделениях, ненамного облегчили участь часовых и практически не улучшили положение дел. Тогда и возникла идея создания централизованного органа с квалифицированными специалистами, которым можно было поручить разработку эффективных средств охраны. Таким органом и стал "полигон".

Основной упор совершенно оправданно сделали на электронику, и уже вскоре появилась первая емкостная система сигнализации ТЕСС ("Эдельвейс"), линейная часть которой, установленная по периметру в комплексе со станционной, определяла место нарушения с точностью до ста метров. Не теряя попусту времени, наладили ее серийное производство на заводе-изготовителе. Внедрение ТЕСС в совокупности с инженерным оборудованием — без преувеличения — произвело настоящий переворот в организации охраны объектов: резко сократилось количество побегов, снизилась численность караулов и, соответственно, служебная нагрузка на личный состав, который наконец-то приобрел зоркие "глаза" и чуткие "уши". Однако и "противник" не дремал — побежали, как кроты под землей, через подкопы и другие не защищенные техникой участки. Мы сделали контрход и оперативно разработали противоподкопную систему "Подснежник" вкупе с иной аналогичной аппаратурой. Ну а дальше — больше.

— Спору нет, число беглецов поубавилось, но до идиллии было еще дале-

ко (до нее, впрочем, и сейчас неблизко). Суммарные показатели побегов из ИТК по войскам, скажем так, не давали поводов для оптимизма.

— И тому были веские причины. Во-первых, катастрофически не хватало младших специалистов — их обучение должным образом не организовали. А системы, которые эксплуатируют и обслуживают технически безграмотные люди, малоэффективны. Во-вторых, лица ответственные погнались за количественными показателями, выполняя спущенный свыше план по валу. Следуя указаниям руководства, оборудовали аппаратурой периметры по принципу “чем больше — тем лучше”, абсолютно не учитывая климата, состояния грунта, условий местности, конфигурации объектов. В-третьих, посчитав технику панацеей от всех бед, некоторые командиры перестали серьезно готовить караулы к действиям по предупреждению, пресечению и предотвращению побегов осужденных. Ну и в-четвертых (хотя скорее всего это не столько причина, сколько следствие предыдущих факторов), отдельные руководители Министерства внутренних дел и внутренних войск разубедились в возможности технических средств и соответственно перестали уде-

лять внимание проблемам их совершенствования — об этом вы и спрашивали меня ранее. Вот почему в 1982-1983 годах вместо того, чтобы комплексно обеспечить внедрение инженерно-технических средств в охрану, устранив недостатки, опять приступили к массовому строительству наблюдательных вышек. И, признаюсь, стоило в дальнейшем больших усилий преодолеть инерцию консервативного мышления ряда начальников, чтобы помочь им повернуться лицом к научно-техническому прогрессу.

— Дмитрий Александрович, вот вы все время говорите “разработали”, “сконструировали”, “испытали”, “внедрили”. А ведь за каждым из этих глаголов — конкретные люди...

— И какие люди! Было бы неправильным не назвать хотя бы некоторых. Еще в начале 70-х годов в наш коллектив вошла группа так называемых промышленников, то есть специалистов, имеющих не только обширные профессиональные знания, но и богатый практический опыт в области разработки охранных систем. И среди них — офицеры Сотин, Вашкевич, Беляев, Чумаевский, Орлов, Матросов, Монастырский, Лебедев, да всех и не перечислишь. Во многом благодаря им и сумели мы создать аппаратуру для оборудования нескольких рубежей обнаружения.

— Надо полагать, реформирование внутренних войск в соответствии с принятой ранее концепцией их развития вносит определенные коррективы и в работу Центра?

— А как же иначе?! Более того, речь идет не о незначительных коррективах, а о радикальном изменении всей системы инженерно-технического обеспечения с учетом боевых действий в горячих точках. И здесь мы отчетливо видим перед собой ряд неотложных задач. Прежде всего — форсированное конструирование надежных средств для гарантированной борьбы инженерно-саперных подразделений со взрывными устройствами боевиков как на путях движения войск, так и при проведении специальных операций в условиях города и горно-лесистой местности. Далее — оснащение частей мобильными сигнально-взрывными комплексами и электризуемыми заграждениями для защиты пунктов временной дислокации и мест несения службы, а также создание высокоэффективных средств коллективной защиты личного состава, оборудованных огневыми сооружениями и системами жизнеобеспечения. Третья задача, успешное

Старший инженер — начальник цеха майор В.Евтеев.

решение которой в немалой степени зависит от нас, — разработка средств борьбы со взрывными устройствами, управляемыми по радиоканалам, то есть широкодиапазонных малогабаритных генераторов электромагнитных помех. Плюс к тому — внедрение на периметры важных государственных объектов новейшей аппаратуры, предотвращающей несанкционированные проникновения и вынос материальных ценностей, особенно драгоценных металлов и радиоактивных веществ. И, наконец, одно из главных направлений работы Центра — дальнейшее совершенствование средств индивидуальной защиты и активной обороны.

— **А справитесь? Задам вопрос иначе: позволяет ли оргштатная структура ЦИТО параллельно и с одинаковым успехом воевать сразу на нескольких фронтах?**

— Еще несколько лет назад я бы в ответ только пожал плечами. Но после того, как внутренние войска возглавил генерал-полковник А. Куликов, который верно оценил значимость нашей деятельности и существенно поддержал нас, однозначно скажу: должны и будем работать, постепенно набирая темпы. В новом штате Центра уже предусмотрены некоторые подразделения по разработке и конструированию средств инженерно-технического обеспечения. Вопросами качественной подготовки специалистов и необходимых методических пособий, а также организацией подконтрольной эксплуатации новых образцов призвано заниматься подразделение испытаний и учебно-методической работы. Появилась возможность серьезно поработать над программами вооружения и совершенствованием тактики применения используемых средств ИТО.

— **Дмитрий Александрович, а нет ли необходимости создать небольшие, но дееспособные центры инженерно-технического обеспечения в округах?**

— На мой взгляд, это было бы весьма кстати: объединить под началом начальника штаба округа все ремонтно-восстановительные базы и инженерно-саперные подразделения. Крупной и мощной структурой и руководить проще, маневрируя силами и средствами в интересах тех или иных частей, и толку от нее больше.

— **Ваши последние новинки?**

— Совсем недавно прошли испытания патрон с неметаллической пулей для АК-74, устройство для дистанционного набрасывания сети на нарушителя и деструктор для взлома стальных дверей. С

целью предотвращения хищений оружия разработан и серийно выпускается прибор "Мангуст-2". Создаются современные датчики обнаружения для периметров важных государственных и войсковых объектов.

— **А используете ли вы в своей работе зарубежный опыт?**

— Наверно, меньше, чем следовало бы: на редкость мало строго выверенной научно-технической информации. Да и лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— **Дмитрий Александрович, в нашей беседе вы обмолвились, что на заре становления Центра удалось завязать прочные деловые связи с другими аналогичными структурами. Что сумели сохранить, что приумножили?**

— Без надежных контактов с партнерами нормальное функционирование ЦИТО было бы немислимым, ибо в силу объективных причин своих заводов МВД не имеет. Вот почему мы уже традиционно взаимодействуем с предприятиями министерств обороны, авиационной промышленности, приборостроения в Москве, Туле, Петропавловске-Казахском, Энгельсе, Санкт-Петербурге. Тесно сотрудничаем с научно-исследовательскими учреждениями в Москве, Балашихе и Саратове. И это далеко не полный перечень. Дружно — не грузно.

— **И все-то у вас хорошо да гладко. Неужто и проблем никаких нет?**

— Как не быть? К примеру, хронически не хватает квалифицированных кадров рабочих специальностей: ветераны увольняются, а молодежь охотнее подается в коммерческие структуры — там и зарплата, и шансов получить жилье побольше. Аналогичная ситуация складывается и с офицерами. Найти в войсках хорошего конструктора в погонах почти невозможно — наши учебные заседания их не готовят, а на гражданке они на вес золота. Ничего не поделаешь, обучаем людей сами. Согласен, на это уходят годы, но выбора нет. Испытываем сложности и с финансированием. Да и с размещением тоже. Благо начато проектирование нового производственного помещения. Если командование внутренних войск и впредь будет поддерживать все наши начинания, полагаю, удастся полностью оптимизировать деятельность Центра.

— **Что ж, удачи вам. И еще отпраздновать тридцатилетний юбилей в новом корпусе и с полным штатом.**

— Спасибо большое.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

Служим Отчеству

Из всех командиров, которых мне довелось видеть на фронте, настоящими были только те, кто ощущал свою власть, как бремя ответственности, а не как право распоряжаться.

Братья Вайнеры.
"Эра милосердия".

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КОМБАТА МОРОЗОВА

Этого высокого, с мужественным, волевым лицом офицера я заметил на торжественном собрании, посвященном 50-летию юбилею Санкт-Петербургского военного училища внутренних войск. Заместитель начальника училища зачитал приказ о поощрении передовиков, и генерал прикрепил к кителю подполковника Александра Морозова, рядом с другими заслуженными наградами, медаль "За отличие в воинской службе" I степени. Естественно, комбат был не один среди награжденных, но его личность меня заинтересовала после разговора с руководством училища и беседы с курсантами выпускного батальона, который и возглавляет Александр Евгеньевич.

— Да, он действительно один из передовых офицеров, лучший командир батальона, — подтвердил заместитель начальника училища полковник Леонид Бородавко. — Принимаемые им решения, способность нестандартно мыслить характеризуют его как человека четко представляющего, что нужно для того, чтобы быть командиром именно курсантского батальона.

— Со всеми бедами и проблемами обращаемся к подполковнику Морозову, — рассказывает старшина роты, богатырь и великан под стать комбату, сержант Владимир Игнатик. — Если по какому-нибудь личному вопросу возможно двойное решение, он занимает позицию курсанта и обязательно решит вопрос положительно или добьется этого от старшего начальника. Хотя порой даже мы понимаем, что ему

проще сослаться на занятость или требования руководящих документов, чем канителиться с нами. За это и уважают его курсанты.

Уж слишком идеальным показался мне этот подполковник. Не может такого быть, зародилось сомнение, чтобы офицер был и у руководства в почете, и у подчиненных в авторитете. Всем хорошим не будешь. Что-нибудь одно: или среди курсантов прослыть сухарем и буквоедом, муштровать их с утра до вечера и быть на всех совещаниях и собраниях на языке у начальства как "требовательный и исполнительный офицер", или же запанибрата в обнимку ходить с каждым подчиненным и охалками загребать взыскания за неминуемые проделки дорогого личного состава. Видать, умеет комбат угодить начальству, создать иллюзию благополучия в батальоне и одновременно залудрить мозги курсантам, внушить им миф о своей отеческой заботе.

С такими черными мыслями я поднялся на седьмой этаж курсантского общежития и зашел в светлый кабинет командира батальона. Это хорошо, что мое настроение никак не отразилось внешне. Иначе к концу нашей беседы мне было бы стыдно смотреть в глаза этому командиру. Уходил я с твердым убеждением, что обучать и воспитывать своего сына Александру Евгеньевичу я бы доверил.

— Нет, не удастся быть хорошим для начальства, — сразу возразил на мой вопрос подпол-

ковник Морозов. — Для них я скорее всего плохой. Мне ведь с седьмого этажа виднее, чем им со второго, как строить работу в батальоне. И если меня вызывают и начинают наставлять, что и как нужно делать, не считаясь с объективной реальностью, я, естественно, начинаю возражать и доказывать свою точку зрения. Не всем это нравится. А по-другому я и не согласился бы, давно ушел бы с этой должности. Такого, к примеру, распорядка дня, как утверждено сейчас, я добивался еще на четвертом курсе...

Да, упоминали об этом распорядке дня и курсанты, а полковник Бородавко выразился более конкретно:

— Сумел наладить взаимодействие с кафедрами, нацелил преподавателей на индивидуальную работу с курсантами.

А сам комбат так и выразился: "Добивался!". Казалось бы, если такой закон повседневной жизни удобен для курсантов, для преподавателей, для офицеров батальона — так и давай ему сразу зеленую улицу. Ан нет. Пресловутое "не пущать" стало где-то непробиваемой пробкой в потоке прогрессивных идей. О прежних задумках руководства догадаться не сложно. В восемнадцать заканчивается рабочий день, офицеры уходят по домам, предварительно заняв послеобеденное время курсантов надуманными мероприятиями, которые, как говорится, ни уму ни сердцу. А вечером пусть лучше курсанты (от греха подальше) все вместе сидят в классе, на самоподготовке. Тогда их и проконтролировать проще дежурной службе, и никакие бредовые идеи не посетят их светлые головы, не потянет на подвиги. Но почему-то никому и невдомек, что пожиратели гранита науки в это время остаются один на один с этой твердыней. Помощи ждать неоткуда. Рабочий день у преподавателей заканчивается чуть ли не в то же самое время. Вот и добивался комбат, чтобы самостоятельную работу курсанты начинали в пятнадцать часов, когда да преподаватель может подойти с консультацией, да и курсант сам к нему побежит, чтобы получить хорошую оценку и спокойноенько, с общим окончанием рабочего дня в училище, уйти в увольнение. Все это ясно как Божий день.

Но вопрос этот решался просто, можно сказать, в рабочем порядке. Гораздо больше довелось поработать при разрешении национально-го вопроса, вернее — гражданского. Правильно подмечено в китайском проклятии:

"ЧТОБ ТЫ ЖИЛ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН"

Тот момент, когда под действием мощных разрушительных толчков с эпицентром в Беловежской пуще рухнул более семидесяти лет

просуществовавший монолит, мы пережили более-менее спокойно. Хотя каждый здравомыслящий человек давал себе отчет: больно будет потом, ведь по живому режут. Но в какой степени эта боль полоснет по его батальону, подполковник Морозов мог только догадываться. Ведь более шестидесяти процентов курсантов — выходцы из только что образовавшихся стран СНГ. Мало того, поступая в училище, где во все времена готовили офицеров-политработников, заместителей командиров рот по политчасти, вдруг стали командирами взводов, да к тому же очутились в заграничном вузе. А ведь все живые люди, они хотят хоть какой-то определенности в своем будущем. Перед проблемой оказался и комбат. В случае, если славяне с Малыя и Белья Руси разъедутся по домам, батальону угрожал кадровый кризис. Хотя на третьем курсе это не так уж и страшно, но тем не менее: оба старшины рот — с Украины, из восьми замкомвзводов — шесть украинцы, более пятидесяти процентов из числа командиров отделений — тоже их земляки (вот уж воистину, хохол без лычки что справка без печати). Все обучающиеся граждане России сразу же заключили контракт и таким образом подтвердили свое желание и дальше продолжить службу во внутренних войсках. Внезапно ставшие инородцами украинцы и белорусы оказались в подвешенном состоянии: и три года учебы терять жалко, и продолжать учиться в таких условиях невозможно.

— Поймите, — доказывал на всех уровнях подполковник Морозов. — В один прекрасный день батальон может просто куда-то уйти, и я ничего не смогу сделать. Это не наши люди и никаких обязательств не имеют, а тем более ответственности перед нашей державой они не несут. Мы же их, граждан другого государства, отправляем на службу с оружием. Нужно в отношении них определяться конкретно и окончательно.

На основании недолго просуществовавшего соглашения для выходцев с Украины ее правительство перечисляло плату за учебу и средства на денежное содержание. При пересчете карбованцев на рубли оказывалось, что сержант-замкомвзвода получал всего лишь 22 тысячи рублей против 120, каким было денежное содержание рядового курсанта — гражданина России. Стажироваться на Украину поехали 12 человек, вернулись 4. И те закончили войсковую практику досрочно, потому что никому в ближнем зарубежье они оказались не нужными. Оставшимся, кто имел хороших спонсоров, уже предложили высокие должности и место для обучения в академии.

Дверь в кабинете комбата не закрывалась ни днем ни ночью: все со своими просьбами шли к

нему. Решить вопрос можно было только на основе принятия гражданства России. Благо и курсанты сами этого желали, да и экономическая и общественно-политическая ситуация во вновь образованных республиках была непривлекательной. Даже белорусы, судьбу которых правительство решило просто, объявив всем, что после выпуска обязаны будут вернуться на Родину, так как их обучение финансируется из национальной государственной казны, подошли с просьбой: помогите остаться, мы хотим служить во внутренних войсках России.

И пока в высших эшелонах власти между собой пинали мячик пинг-понга, который никак не мог приземлиться на стороне поля ОВИРа, комбат решил действовать сам. Армейцам в этом плане было проще, у них по линии Министерства обороны прошло соответствующее распоряжение, и курсантам старших курсов разрешили принять российское гражданство. Две школы милиции и два училища МВД в Санкт-Петербурге под это распоряжение не попадали.

— Я знал, какая ситуация в батальоне, потому и пришлось самому ОВИР пробивать, — говорит Александр Евгеньевич. — Для нескольких человек в самом начале добились решения о перемене гражданства исключительно поблату. Смешно, вроде государственной важности дело, должна быть какая-то мудрая политика в отношении военных кадров. Нет, приходилось десятки раз ездить туда самому, отправлять коммуникабельных с хорошо подвешенным языком курсантов для переговоров и уговоров, в ход шли вечные спутники народной дипломатии: шоколадки, конфетки, коньяки.

Но все-таки закостеневшую со дня своего возникновения проблему взаимоотношений России с нероссиянами, гражданами бывшего Союза, сдвинуть с места удалось. Появилась надежда и у других курсантов, ожидающих своей очереди. Предпринимались шаги со стороны МВД, Главного управления командующего, и для очередной партии двери были открыты чуть пошире. И только на третьем этапе уже чувствовалось, что государство заинтересовано в сохранении офицерских кадров внутренних войск, и вся процедура получения гражданства проходила официально и без осложнений. Естественно, положительное решение вопроса сказало и на обстановке в батальоне в целом, и на успеваемости в частности. Но, к сожалению, из-за длительной волокиты и того подвешенного состояния, в котором очень долго находились курсанты, всего лишь чуть больше шестидесяти процентов от первоначального количества дошли до финишной черты и представили перед знаменем училища в лейтенантских погонах.

ЛЕНИНГРАД — ТУГУША — ЛЕНИНГРАД

В училище Александр Евгеньевич человек не случайный. В 80-м году сам с отличием закончил его, готовился стать ротным воспитателем, заместителем по политчасти. Сразу после выпуска молодых лейтенантов не оставляли в училище для обучения и воспитания курсантов. Набирали из войск, хотя отбор происходил с курсантской скамьи. Пусть лейтенант проверит себя в работе с солдатами, пооботрется где-нибудь на конвойной роте, а уж потом, если выкажет стойкий иммунитет против пьянства, разгильдяйства и прочих вредных спутников здорового армейского карьеризма, и курсантский взвод можно доверить. Александра Морозова, с перспективой возвращения его в училище, и не хотели далеко отпустить. Предложили должность заместителя командира роты в Санкт-Петербурге — отказался, потом в дивизии им. Ф. Дзержинского.

— Нет, — сказал молодой лейтенант, — это не по мне. Вечные встречи-проводы различных делегаций, постоянные показательные занятия и сборы для командиров различного уровня — работать не дадут.

Третий раз его уже не спрашивали: Западная Сибирь — был вердикт распределительной комиссии.

В Новосибирск съехались около полутора сотен выпускников. Кадровик перелистал личное дело Морозова и говорит:

— Аттестация хорошая, подготовка, по всему виду, тоже неплохая. Мы тебя в Красноярск направим.

Чтобы выбирать, как минимум нужно послушать там. Для молодого лейтенанта что Новосибирск, что Красноярск все равно не Питер. Красноярск так Красноярск. Там рослому, физически развитому офицеру предложили роту специального назначения. Согласился. Уже квартиру снял, чтобы жить было где. На следующий день вышел на работу, а его место уже занято.

— Ну ты пойми, — извиняющимся тоном говорят Морозову и тут же рассказывают о его однокласснике, назначенном на эту должность, — у него жена студентка, он ее сюда перевел, институт ей заканчивать нужно. Может, ты в Тугушу поедешь?

— Поеду, — сразу согласился лейтенант Морозов. — Вы мне только хоть на карте покажите, где она находится.

Среднего роста кадровик вытянул руку вверх, так прямо и уперся пальцем в эту самую Тугушу.

— А ехать-то на оленях придется, или на собачьей упряжке? — еще нашел в себе силы пошутить выпускник.

— На ковре-самолете, сотканном из тучи комаров, доберешься прямо к месту назначения, — улыбнулся кадровик.

Но никогда не жалел Александр Евгеньевич о своем добровольно-принудительном выборе. Командиром роты туда прибыл такой же молодой лейтенант. В решении всех вопросов — полная самостоятельность, нет спины старшего начальника, за которую в случае чего можно удобно спрятаться. А задачи решать нужно, обучать и воспитывать личный состав необходимо. Может быть, поэтому, как отмечено в аттестации, "быстро ориентируется при осложнении обстановки, грамотно принимает решение и умело руководит действиями подчиненных". И уже спустя год Морозову предлагают должность командира взвода курсантов в своем же родном училище.

В те времена система отбора офицеров-воспитателей в учебные заведения была отработана до совершенства. Лейтенант в училище пришелся ко двору, и спустя три года, как "наиболее подготовленный в военном и профессиональном отношении офицер", назначен на должность командира роты курсантов...

Во время нашей беседы в кабинете комбата туда зашел старшина роты подписывать списки увольняемых. Своим появлением он повернул наш разговор в иное русло.

— Я уже второй командир на этом батальоне, — сказал Морозов, когда за ушедшим старшиной закрылась дверь. — А за весь курс учебы у меня сменилось три заместителя, по пять командиров рот, а сколько командиров взводов — и сосчитать трудно. Понятно, пять лет — срок немалый, офицерам расти нужно. Лейтенант-взводный за это время успеет и до капитана дослужиться. Но нужно как-то вопрос решать и сократить сменяемость офицеров в учебных заведениях до минимума. Ведь здесь нужен не просто командир-руководитель, а воспитатель. Только чуть-чуть научишь офицера работать, как он уходит. В такой ситуации мне порой удобнее, когда должность вакантная, чем когда иной "варяг" приходит и из-за чрезмерного служебного рвения начинает перегибать палку и рушить созданные раньше ценности.

А педагогических ценностей за четыре года руководства батальоном Александр Евгеньевич поднакопил достаточно. К примеру, поразмыслили со своим заместителем капитаном Вячеславом Дакуко и вышли с инициативой возобновить утерянные традиции: доверять курсантам-выпускникам проводить воспитательную работу на младших курсах и в батальоне обес-

печения учебного процесса. Подбирают они материал, готовят лекции и беседы к знаменательным историческим датам и выступают перед аудиторией, тем самым поднимая свой авторитет и совершенствуя методическое мастерство.

В тот день в увольнение записалось всего лишь десять человек, хотя половина батальона имела законное право уйти в город. Но те, кому в этом нет острой необходимости, и не рвутся из стен училища. Потому что это все возможности неплохо отдохнуть и подготовиться к следующему учебному дню и в батальоне.

— Если я буду терроризировать, постоянно строить, до предела закручивать гайки, причину всегда можно найти, — говорит Александр Евгеньевич, — завтра они у меня все попросятся в увольнение. Нужно кому, что нужно, все равно уйдет, лишь бы не находиться в казарме. Курсанту-выпускнику необходимо доверять, дать возможность почувствовать себя офицером.

На все сто процентов прав комбат. В прежние времена курсанта всегда держали на коротком поводке до того самого момента, пока он уже с дипломом в руках не перешагнет порог родной альма-матер. И вот за три-четыре дня до выпуска пытались воспитываемое годами курсантское сознание, когда он ограничен в правах, принятии решения, постоянно находится на казарменном положении, перековать в офицерское. Солидная форма, довольно большие деньги — улечивается само собой куда-то строгое командирское "низ-зя". Все можно. А вот сколько этого "можно" возложить себе, тут уж и не каждый молодой лейтенант верно ответит. И начинается: рестораны, тусовки, разборки, злоупотребления. Александр Евгеньевич уверен, что избежать этого ему позволит вся предыдущая работа с нынешними выпускниками.

— Так как же все-таки удастся подполковнику Морозову быть хорошим и для начальства, и для подчиненных? — спросил я у полковника Леонида Бородавко.

— Он никогда ни под кого не подстраивается, ни под своих командиров, ни под курсантов. И если в батальоне необходимо провести какое-то директивное решение, непопулярное среди курсантов, он никогда не скажет: это не я требую, такую команду дают сверху. Он командир-единоначальник и все претворяет в жизнь от своего имени, никогда не прячется за спину старшего начальника.

При таком-то росте, наверное, и спрятаться не удастся, а при большом авторитете — и нет необходимости.

Майор И. МУЧАК.

Санкт-Петербург.

Женщина на военной службе

Судя по редакционной почте, не все представительницы прекрасного пола, желающие связать свою судьбу с профессией Родину защищать, знают, что их ждет, каково будет их правовое, материальное и иное положение. К сожалению, случается, что этого в полной мере не представляют и женщины, которые уже проходят службу.

Проанализировав читательские письма, мы отобрали из них несколько наиболее типичных вопросов, которые носят общий характер, и попросили ответить на них старшего офицера организационно-мобилизационного управления ГУКВВ МВД России полковника Николая Марковича ЗУБАРЕВА.

Как женщина может стать военнослужащей войск, куда по этому поводу надо обращаться, какие есть на сей счет ограничения, что за документы следует собрать?

А. СЕРГЕЕВА, Ижевск.

— На военную службу по контракту принимаются женщины в возрасте от 20 до 40 лет. Они должны полностью отвечать медицинским и соответствовать профессионально-психологическим требованиям службы по конкретным специальностям. Претендовать на место в строю военнослужащих внутренних войск могут преимущественно лица, имеющие высшее или среднее образование. Наличие у женщины ребенка до 8 лет может быть основанием для отказа в заключении контракта.

Отбор кандидатов на военную службу по

контракту из числа женщин осуществляет военными комиссариатами.

Признанные годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями представляют в военный комиссариат следующие документы: личное заявление о желании поступить на военную службу по контракту; автобиографию, написанную собственноручно; копию свидетельства о рождении; копию документа об образовании (о наличии профессии); характеристику с последнего места работы (учебы); справку домоуправления (местного органа самоуправления) о составе семьи и месте жительства; фотографии.

Замужние кроме того представляют копии свидетельств о браке и рождении детей.

Военкоматовскими комиссиями по отбору осуществляется проверка профессиональной обученности и физическая подготовка кандидата. Результаты проверки отражаются в личном деле, заверяются подписью председателя комиссии и являются весомым аргументом при решении вопроса о приеме человека на военную службу по контракту.

В группах профессионального психологического отбора военных комиссариатов проводится социально-психологическое изучение, психологическое и психофизиологическое обследование кандидатов с применением специальной методики. Оценки и выводы заносятся в свидетельство о профпригодности граждан к службе по контракту в войсках. В нем, в частности, указывается одна из категорий профпригодности: рекомендуется в первую очередь, рекомендуется, рекомендуется условно, не рекомендуется. Лица, от-

несенные к четвертой категории профпригодности, на военную службу по контракту приниматься не должны.

Чем определяется порядок прохождения военной службы на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин по контракту?

А.УСТИНОВА, Тула.

— Порядок прохождения военной службы по контракту на вышеупомянутых должностях определяется Временным положением "О порядке комплектования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации для прохождения военной службы на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин по контракту".

Я хотела бы послужить на солдатской должности в части, которая стоит у нас в городе, но боюсь, вдруг после заключения контракта направят куда-нибудь в глубинку — это в мои планы не входит.

А.МАМАЕВА, Киров.

— Лица женского пола, принимаемые на должности, замещаемые солдатами (матросами) и сержантами (старшинами), первый контракт заключают сроком на 3 года. При этом из предусмотренных законодательством трех видов контракта А.Мамаевой практичнее, думается, учитывая ситуацию, заключить контракт о прохождении военной службы в кадрах конкретной воинской части — этот вид контракта позволяет военнослужащим-женщинам претендовать на перемещение по службе только внутри воинской части с учетом их служебной квалификации, опыта работы, деловых и моральных качеств без перезаключения контракта.

Кроме общих оснований на перемещение военнослужащих по контракту из одной воинской части в другую, это может производиться и в связи с переводом мужа к новому месту службы.

Примут ли меня на службу в войска, если я пока не имею никакой профессии?

В.МОРОЗОВА, Ангарск.

— Подготовка военнослужащих-женщин по соответствующим военным специальностям проводится непосредственно в подразделениях.

После прохождения программы начальной военной подготовки и усвоения основных функциональных обязанностей, но не позднее двух месяцев со дня прибытия в воинскую часть новички приводятся к

Военной присяге в штабе части под руководством командира части.

Тем, кто ранее не проходил контракт, службу и впервые заключил контракт, одновременно с назначением на должность присваивается воинское звание "рядовой" или "матрос". Очередные воинские звания присваиваются в последовательном порядке, если по занимаемой штатной должности предусмотрено воинское звание более высокое.

Правда ли, что, став военным человеком, я, женщина, буду ходить в наряды, в том числе суточные, меня смогут посадить на гауптвахту и тому подобное?

И.ИВАНОВА, Саратов.

— Служебное время военнослужащих-женщин регламентируется распорядком, установленным в части, и определяется временем, необходимым для выполнения работы по занимаемым должностям. Они по роду своих служебных обязанностей привлекаются к несению дежурства, на учения и полевые занятия, исходя из конкретных условий деятельности воинской части, в которой они проходят военную службу. Дисциплинарное взыскание в виде ареста с содержанием на гауптвахте к женщинам не применяется.

Запрещается назначать военнослужащих-женщин на работы, связанные с переноской и передвижением тяжестей, превышающих предельные нормы, установленные для них законодательством о труде.

Военную форму женщины носят установленного образца, в свободное от службы время вне расположения части им разрешается ношение гражданской одежды.

И еще о немаловажных особенностях, касающихся военнослужащих-женщин. По месту их службы они обеспечиваются жилой площадью или размещаются в отдельном общежитии. В соответствии с действующим законодательством они могут поступать в вечерние общеобразовательные школы, средние и высшие заочные и вечерние (отделения) учебные заведения.

Отличается ли чем-нибудь материальное положение военнослужащих-женщин?

Н.РАМАЗАНОВА, Уфа.

— Военнослужащие-женщины получают денежное довольствие, дополнительные денежные выплаты, обеспечиваются продовольствием и вещевым имуществом наравне с мужчинами по нормам и в

размерах, установленных Правительством Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации. Денежное довольствие, к примеру, состоит из оклада по воинской должности и оклада по воинскому званию. Кроме того, предоставляется:

единовременное денежное вознаграждение в размере не менее трех окладов денежного содержания по итогам календарного года за добросовестное исполнение должностных обязанностей;

выплата на первоначальное обзаведение хозяйством в виде беспроцентной ссуды в размере до 12 окладов денежного содержания на срок до трех лет в случаях заключения контракта на 5 лет и при заключении первого брака;

ежегодная денежная компенсация за санаторно-курортное лечение и организацию отдыха во время отпуска в размере шести минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и трех минимальных размеров оплаты труда на мужа и каждого несовершеннолетнего ребенка;

бесплатная медицинская помощь;

оплата занимаемой ими и проживающими с ними членами семей жилой площади в домах государственного, муниципального и ведомственного жилых фондов и коммунальных услуг, независимо от принадлежности жилых помещений, а также установки квартирных телефонов и пользования ими в размере не более 50 процентов;

освобождение от уплаты подоходного налога с денежного довольствия, денежных вознаграждений и других выплат, получаемых ими в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также от уплаты земельного налога и налога на имущество физических лиц;

обязательное государственное страхование на случай гибели (смерти) или увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученного в период прохождения ими военной службы;

бесплатный проезд к месту основного отпуска и обратно, бесплатный проезд членов семей военнослужащих к месту использования отпуска и обратно;

бесплатное пользование всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси);

Расскажите, пожалуйста, подробнее об отпусках, в том числе и тех, что

предоставляются военнослужащим-женщинам.

В. РОССАШАНСКАЯ, Саратов.

— Военнослужащим-женщинам предоставляются: основные отпуска при выслуге менее 10 лет — 30 суток; отпуска по болезни; отпуска по личным обстоятельствам — до 10 суток, а имеющим общую выслугу 20 лет и более в один из трех лет до достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе дополнительно к основному отпуску предоставляется отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток; отпуск по беременности и родам, а также отпуска по уходу за ребенком; дополнительные отпуска.

Время на путь следования к месту проведения отпуска и обратно в продолжительность отпуска не засчитывается.

Основной отпуск, предоставляемый отдельно или в совокупности с дополнительными отпусками, продолжительностью 40 суток и более по желанию военнослужащей может быть разделен на две части, при этом одна из частей отпуска должна быть не менее 30 суток.

— Есть льготы для нас, женщин, по выбору времени проведения отпуска

Н.БУТУЗОВА, Ульяновск.

— Основной отпуск предоставляется по желанию в удобное для них время женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида в возрасте до 16 лет, а также одиноким женщинам, воспитывающим одного и более детей в возрасте до 14 лет.

Учитывая, что по отпускам и к нам в главк поступает много вопросов от женщин, есть смысл сказать о них поподробнее. Так, отпуска по беременности и родам с сохранением денежного и натурального довольствия предоставляются продолжительностью 70 календарных дней до родов и 70 (в случае осложнения родов — 86, а при рождении двух и более детей — 110) календарных дней после родов. Послеродовой отпуск исчисляется со дня родов, включая и день родов.

По желанию военнослужащих-женщин им предоставляются частично оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет и дополнительные отпуска без сохранения денежного и натурального довольствия по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Днем окончания этого от-

пуска является день исполнения ребенку трех лет.

В соответствии с постановлением правительства о порядке введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года и других мероприятий по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей, женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 12 лет, предоставлено право на дополнительный отпуск по уходу за детьми без сохранения заработной платы продолжительностью до 3 недель. Указанный отпуск предоставляется по личной просьбе женщины и может быть приурочен к основному отпуску или предоставляется отдельно. Согласно Закону Российской Федерации "О статусе военнослужащих" этот отпуск должен предоставляться и военнослужащим-женщинам, как один из отпусков по уходу за ребенком. Время пребывания в этих отпусках засчитывается в стаж непрерывной службы для установления должностного оклада, в выслугу лет для выплаты надбавки за непрерывную службу в отдаленных и высокогорных местностях, единовременного денежного вознаграждения за непрерывную службу, а также в выслугу лет и в сроки выслуги в воинском звании.

Отпуска по болезни предоставляются на основании заключений военно-врачебных комиссий. Следует иметь в виду, что в общей сложности время непрерывного нахождения на излечении в лечебных учреждениях или в отпуске по болезни в мирное время не должно превышать четырех месяцев. Этот срок может быть продлен решением командующего внутренними войсками порядком, установленным для лиц офицерского состава.

И еще один нюанс: действующим законодательством установлен предельный возраст пребывания на военной службе военнослужащих женского пола — 45 лет.

Сколько раз военнослужащая-женщина может воспользоваться правом бесплатного проезда к месту проведения отпусков по беременности и родам, уходу за ребенком?

А. ДАВЫДОВА, Краснодар.

— Два раза. В первый — при следовании к месту проведения отпуска по беременности и родам и обратно, второй — к месту

проведения отпуска по уходу за ребенком и обратно.

Как производится увольнение женщин с военной службы?

З. САМАТОВА, Самара.

— Увольнение с военной службы военнослужащих-женщин осуществляется в соответствии с Законом России "О воинской обязанности и военной службе" на общих основаниях с лицами мужского пола. Вместе с тем, увольнение беременных женщин и имеющих детей в возрасте до трех лет (одиноких матерей — при наличии у них ребенка в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида до 16 лет) по инициативе командования воинской части не допускается. Военнослужащие-женщины в связи с рождением ребенка могут быть уволены с военной службы досрочно только по их просьбе (рапорту) или при полном расформировании воинской части и отсутствии ее правопреемников. В этом случае они увольняются в связи с организационно-штатными мероприятиями и им выплачивается единовременное пособие при общей продолжительности военной службы:

— менее 10 лет — в размере 5 окладов денежного содержания;

— от 10 до 15 лет — в размере 10 окладов денежного содержания.

Военнослужащим-женщинам, имеющим общую продолжительность военной службы от 15 до 20 лет и уволенным с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без права на пенсию, в течение пяти лет выплачивается ежемесячное социальное пособие в размере: при общей продолжительности военной службы 15 лет — 40 процентов оклада денежного содержания; за каждый год свыше 15 лет — 3 процента оклада денежного содержания.

Указанным военнослужащим, уволенным по тем же основаниям и имеющим общую продолжительность военной службы менее 15 лет, в течение одного года после увольнения сохраняется выплата оклада по воинскому званию.

Военнослужащих-женщин, уволенных по их желанию с военной службы или в связи с полным расформированием воинской части, пособиями по беременности и родам при рождении ребенка и по уходу за ребенком обеспечивают органы социального обеспечения по месту жительства.

О даже беглое знакомство с результатами зарубежных исследований в области военной науки, политологии и социологии приводит к однозначному выводу о том, какое серьезное внимание уделяют сегодня в ряде развитых стран Европы и Америки проблемам так называемой партизанской войны, во многом отличающейся от "традиционной". И объясняется это прежде всего тем, что мощные арсеналы средств массового уничтожения практически свели на нет все надежды политиков достичь реальных выгод обычными формами вооруженной борьбы. Вот почему в качестве приемлемого заменителя рассматриваются локальные партизанские действия. И особенно тщательный их тактический анализ сделали специалисты-теоретики США, убедившись в итоге, что, "имея даже ограниченную поддержку населения, численно меньшие партизанские силы обладают способностью наносить поражение или серьезно сокращать эффективность применения регулярных военных организаций... Партизанская война может с успехом препятствовать созданию или существованию стабильных правительств". Так что далеко не случай-

но предметом углубленного исследования американских ученых являются ныне различные аспекты организации контрповстанческой борьбы. Именно этому посвящена — характерный факт! — первая глава наставления, предназначенного для корпуса морской пехоты США. Вдумайтесь: первая! Тут сравнение с боевыми уставами и наставлениями российских Вооруженных Сил, невзирая на горький афганский опыт, явно не в нашу пользу. Недооцениваем, стало быть. А жаль.

Но вернемся к вдумчивым и предусмотрительным янки. И остановимся в основном на действиях в специфически сложной обстановке, когда вооруженная оппозиция не в состоянии обеспечить контроль над крупными районами государства (знакомо до боли, не правда ли?). В этих условиях партизанское движение представляется, как правило, бандформированиями, в составе каждого из которых, по мнению американских аналитиков, не больше нескольких сотен боевиков, а чаще — 30-50 активных штыков. Когда же ситуация изменяется в пользу регулярных сил, численность отдельных отрядов и групп сокращается до 5-10 человек: обратно про-

порциональная зависимость. Однако ликвидация их, как доказывает богатая практика, нередко требует больше времени и усилий, нежели уничтожение крупных частей в ходе "нормальной" войны, ибо абсолютно невысказана без хорошо налаженной, но мало свойственной армии оперативно-розыскной работы.

В структуре механизма противопартизанской борьбы важное место занимает оперативный район, границы которого определяются существующим административно-территориальным делением (штат, провинция, область). Он же, в свою очередь, подразделяется на секторы (уезды, общины). Однако подобные критерии организации в немалой степени зависят как от наличия полновесных органов гражданской власти, с которыми целесообразно взаимодействовать, так и от характера и распространенности партизанского движения. В любом случае командование должно учитывать одно обстоятельство: при наличии общего центра регулярных сил операции проводятся децентрализованно, хотя и скоординированно. Улавливаете разницу? Попробуйте планировать и осуществлять крупномасштабные контрповстанческие акции в условиях, когда действуют многочисленные, лишенные единого руководства партизанские бандформирования, порой не имеющие даже постоянной связи между собой, по меньшей мере непродуктивно. И непременно следует учитывать состав и боеспособность отрядов мятежников, их активность, политические цели и взгляды, настроение населения, характер коммуникаций, рельеф местности. Другое дело: руководить же всеми противопартизанскими операциями в конкретном районе должен один человек. Здесь принцип единоначалия незаменим.

Основной и непосредственный инструмент противодействия партизанам — хорошо подготовленные части специального назначения. Использование обычных войск, особенно в горно-лесистой местности, только затягивает кампанию и дестабилизирует обстановку в регионе. Важно также поддерживать определенное превосходство в силах и средствах. Если на территории оперативного района находятся несколько повстанческих отрядов по 100-150 человек в каждом, то и у военачальника должно быть под рукой не менее батальона, дабы одновременно действовать против двух партизанских групп. При-

чем подразумевается, что воинское подразделение укомплектовано исключительно отлично подготовленными, обладающими завидными боевыми и моральными качествами бойцами, имеющими специальное снаряжение и вооружение, позволяющие сочетать высокую огневую мощь и маневренность. Примерная структура такого батальона: управление (штаб), 3-6 рот по 100-120 человек. Наименьшая самостоятельная тактическая единица — патруль (отделение). И хотя мобильность контрповстанческих частей обеспечивается вертолетами и техникой повышенной проходимости, люди должны быть готовы к длительным пешим переходам во время операции.

В каждом оперативном районе (секторе) создается центральная база для размещения органов управления и личного состава, радикально отличающаяся от обычного расквартирования войсковых частей в полевых условиях. Все здесь подчинено проверенному правилу: чтобы добиться успеха в боях с партизанами, необходимо противопоставить им, по сути, аналогичные методы и средства. Поэтому нужно решительно отказаться от использования для базирования населенных пунктов, чтобы, во-первых, создать нормальные условия для штабной работы и отдыха, а во-вторых, обезопасить себя от неожиданной атаки. Максимум трудностей для визуального наблюдения со стороны противника при минимуме подходов (не больше двух). Плюс, естественно, укрытия, обеспечивающие защиту от огня минометов и гранатометов, развитая система полевых фортификационных сооружений, дающая возможность ограниченному числу бойцов держать круговую оборону. Все подступы прикрыты противопехотными минами, малозаметными препятствиями и хотя бы примитивной сигнализацией. И несмотря на то, что малогабаритная аппаратура электронной наземной разведки позволяет обнаруживать приближение противника в любое время суток, рекомендуется тем не менее периодически менять место дислокации базы.

Патрули, направляемые в автономные рейды на несколько дней, а то и недель, тоже создают свои базы, правда, еще более кратковременные, чем крупные подразделения, стремясь к тому, чтобы их расположение оставалось в тайне от местного населения. Прибыв в заданный район, командир патруля (истребительно-

поисковой группы) сразу распределяет секторы в системе круговой обороны (чаще всего при помощи циферблата часов), затем направляет отделения на закрепленные за ними участки, оборудует позиции оборонительными сооружениями и маскирует их. Далее наступает черед минирования. Но при малейшем подозрении на рассекречивание патруль тут же поднимается по тревоге и уходит, ибо промедление смерти подобно. Не случайно вся жизнь личного состава на такой базе строго подчинена задаче предупреждения расшифровки ее местонахождения: курение — только в укромных уголках, закрытых от визуального наблюдения, никаких костров (а сухпай на что?) и шума. Критическими для безопасности военнослужащих считаются утренние и вечерние часы. Вот почему в это время все бойцы — на огневых позициях, в готовности к бою. Общение преимущественно с помощью несложной системы звуковых сигналов, основанной на имитации голосов птиц или животных, распространенных в данной местности.

Однако оборудование оперативных районов и баз — лишь первый, начальный этап организации контрпартизанских действий. Далее (а лучше параллельно) начинается интенсивная разведка, в ходе которой выясняется, что представляет собой противник, есть ли в отрядах наемники других государств, каковы их численность, боеспособность, вооружение, снаряжение, источники снабжения боеприпасами и продуктами питания, отношения с местным населением, методы терактов и многое другое. Разумеется, эта информация не может быть получена сразу. Она постоянно пополняется, проверяется, обобщается и анализируется. Одновременно собираются данные о местном населении. Командирам надлежит, в частности, четко знать соотношение сочувствующих партизанам и тех, кто настроен к ним враждебно или нейтрально, причины, побуждающие первых помогать повстанцам, экономические возможности района. Подобная информация способствует формированию ясного представления об обстановке и правильных взаимоотношений военных с мирными жителями.

Ну и, конечно же, существенное условие эффективной контрпартизанской борьбы — детальное знание местности. Командирам следует иметь при себе не только подробные карты (это само собой разуме-

ется), но и кинофотоматериалы и изучать окрестности не абстрактно, а привязывая топографические данные к намеченным оперативным целям. Выявить выгодные для укрытия партизан участки, наиболее вероятные для засад, направления скрытого подхода и отхода, источники воды, степень проходимости дорог, тропинок, наличие и состояние мостов, паромных переправ, площадки, пригодные для посадки вертолетов, выброски десанта и груза, районы отгонных пастбищ скота, размещение хуторов, расположение лесных кордонов, временных жилищ пастухов, больших пещер. Смутное представление командира патруля об этих "мелочах" — серьезная заявка на провал, а при действиях в крупных и средних городах — потенциальная гарантия больших потерь и даже поражений, что неизбежно будет использовано партизанами в интересах их борьбы за поддержку населения и ослабит моральное состояние и боевой дух контрповстанческих сил.

Характеризуя непосредственные операции против партизан, для начала остановимся лишь на тех, для проведения которых (боевого патрулирования) привлекаются небольшие подразделения (чаще — до роты) войск спецназа. Первейший залог успеха — убежденность командира, что соотношение сил и другие факторы складываются благоприятно. Никакой надежды на авось. Нужны полные данные о системе обороны партизан, и обязателен элемент внезапности атаки в сочетании с мерами, предупреждающими отход противника. Наиболее перспективными и эффективными акциями, ослабляющими боевой потенциал повстанцев, считаются засады, как немедленно, так и заранее подготовленные. Впрочем, и те и другие нуждаются в предварительном планировании. Разница в том, что для первых оно проводится на основе анализа создавшейся в процессе патрулирования обстановки по усмотрению командира. Вторые же требуют не только наличия достоверной информации о намерениях партизан, их численности и вооружении, но и подходящих местных условий, например, участков, на которых затруднено маневрирование и быстрый отход противника (дороги или тропы в ущельях, ограниченные с одной стороны горным склоном, болотом, густым лесом, водной преградой). Удачный момент для засады, если, конечно, обстановка не вынуждает к быстрому применению сил, — осложненные метеороло-

гические условия. Но предпочтение отдается светлomu времени суток. Загодя просчитываются ориентировочная продолжительность акции, маршрут обратного движения и время возвращения на базу. Когда период ожидания партизан в засаде не превышает двенадцати часов, спецназовцы, участвующие в операции, находятся на огневых позициях в полной боевой готовности. Если речь идет о нескольких сутках, предусматривается разделение на три смены, как в обычном карауле (на огневых рубежах, бодрствующая и отдыхающая). Но в любом случае в засаде недопустимы курение, приготовление горячей пищи и громкие разговоры.

По взглядам американских специалистов, если по истечении двух-трех часов после назначенного разведкой срока противник не подошел, следует немедленно уходить: значит, ему стало известно о намерениях спецназа и он или изменил планы, или готовит контрмеры. Засады с целью захвата агентов, связников и транспортов с ценным имуществом строятся несколько иначе, так как дело касается не простого уничтожения людей и груза.

Случается, партизаны, пользуясь активной поддержкой местного населения, укрываются сами или создают склады оружия, боеприпасов и продовольствия в селах и небольших городках. И если даже среди жителей имеются лица, враждебно настроенные к ним, они из страха перед жестокой расправой не решаются на сотрудничество с правительственными силами. Вот тогда-то и проводятся сплошные обыски как профилактическое и реп-

рессивное средство. Разработана определенная методика подобных мер, организуемых обычно в тесном сотрудничестве с полицейскими и контрразведывательными органами. И включает она несколько последовательных этапов. Во-первых, окружение района, блокирование дорог, троп и при необходимости создание временных КПП. Во-вторых, предупреждение возможной атаки партизан как с внешней, так и с внутренней стороны кольца. В-третьих, обыск домов и жителей, задержание подозрительных лиц — особое внимание тут обращается на идентификацию тех, кто, возможно, является партизаном. Наконец, отконвоирование задержанных, транспортировка или уничтожение обнаруженного оружия, боеприпасов, наркотиков и иного имущества. Причем командиры обязаны строго придерживаться некоторых канонов. В частности, не допускать никакой утечки информации о готовящемся обыске. Перебрасывать личный состав на место быстро и незаметно лучше всего ночью, на вертолетах и вести непрерывное наблюдение за обстановкой. В большие населенные пункты вводить людей с нескольких направлений. Заранее разделить все силы на три части, из которых первые две обеспечивают изоляцию села и проведение обыска, а третья находится в оперативном резерве.

Есть и другие незыблемые правила организации обыска. К примеру, требуется сначала собрать всех жителей дома в одной комнате, чтобы разобраться, кто из них местный, а кто гость. В многоэтажном здании осмотр проводится сверху вниз и непременно с применением металлоискателей.

Личный обыск женщин поручается женщинам-военнослужащим или полицейским, для чего выделяется отдельное помещение. Особенно важно соблюдать это правило в районах, населенных мусульманами, дабы не восстанавливать их против себя. После осмотра дома не допускать в него посторонних.

Небольшой интерес представляют, на мой взгляд, рекомендации американских экспертов по организации боевых действий, то есть выходящих за рамки патрульной службы, против более или менее значительных партизанских отрядов.

Считается, что в ходе интенсивного патрулирования местности группы спецназа при непрерывной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации измотают и отсекут от источников снабжения и информации крупные бандформирования. И тогда последние вынужденно откажутся от рейдов, атак, утратят маневренность и практически перейдут к обороне, укрывшись в труднодоступных местах с альтернативой самоликвидироваться, раствориться среди местного населения или бежать за пределы зоны вооруженной борьбы. Предотвратить подобный исход — задача задач. Мобилизовав всю разведку, командир выявляет пристанище партизан и определяет количество сил спецназа, требуемых для плотного окружения противника. Действовать нужно ошеломляюще быстро и в обстановке абсолютной секретности. Ночь или на рассвете в кратчайшие сроки выдвинуться на исходные позиции и замкнуть внешнее кольцо окружения, заранее блокировав вертолетами и засадами пути возможного отхода мятежников. Постепенно сжимая кольцо, последовательно переходить от одного рубежа к другому. Расчленив окруженных на несколько изолированных групп рассекающими ударами, направленными к центру партизанской базы, и далее работать по методу "охоты на куропаток" (его еще называют "молот и наковальня"). Особенно он эффективен, если партизаны блокированы в непосредственной близости от труднопреодолимой естественной преграды. Тогда путем нарастающего давления с фронта и флангов они оттесняются к этому месту и уничтожаются. Обычно такая ситуация типична для горных районов, хотя возможно и искусственное создание в "зеленке" неприступного рубежа, возле которого "подводятся итоги" операции.

К сведению читателей, наступательные контрпартизанские действия не исчерпывают весь диапазон средств и способов борьбы с повстанческим движением и иногда нуждаются в дополнении пассивными, оборонительными методами. Например, в виде прикрытия внешней границы (наземной, водной, воздушной) театра операций, его изоляции от поддержки извне, контроля за передвижением по дорогам и внутри крупных населенных пунктов, введения комендантского часа, пропускного режима, цензуры и так далее.

3 На боевом посту № 7

И еще один аспект, весьма существенный, по мнению наших зарубежных коллег. В контрповстанческой борьбе нельзя обойтись только чисто боевыми операциями, нужны и психологические. Их цель — поддержание морального духа сил специального назначения, обычных войск и полиции, оказание содействия в налаживании гражданского управления в регионе, без чего, согласитесь, окончательная стабилизация положения невозможна. При этом подчеркивается, что в психологических акциях, которые очень тщательно планируются, важно понимание каждым военнослужащим сути выполняемых задач. Необходимо постоянно искать и использовать самые уязвимые места в морали, мотивах поведения, настроениях партизан. Продуманная пропаганда и тесные контакты с местными жителями вносят серьезные разногласия между повстанцами, способствуют дезертирству и капитуляции отдельных групп и отрядов. Естественно, что психологические операции должны иметь четкий адрес и проводиться поэтому по нескольким направлениям. Одни из них ориентированы непосредственно на партизан или участников подпольных организаций, другие — на симпатизирующих повстанцам, третьи — на "нейтралов" и отрицательно относящихся к мятежникам. При этом следует учитывать национальные особенности, традиции и обычаи населения, возможное наличие соперничества между отдельными лидерами или кланами, нарастающую усталость партизан из-за краха иллюзий относительно достижения скорой победы. Воздействуя на местное население, нужно всемерно использовать факты, свидетельствующие о жестоких террористических методах, применяемых повстанцами для удержания сторонников и наказания колеблющихся и отступников, и рекламировать гуманные, милосердные поступки военнослужащих. Сочетание пропагандистских акций с реальными мерами, направленными на улучшение положения населения, лишает партизан поддержки, деморализует и делает реальной ликвидацию фанатических экстремистских элементов, составляющих бандформирования.

В.ГИЛЕНСЕН,
полковник в отставке, профессор.

*Председатель
Комитета ветеранов
подразделений особого риска,
член Общественной палаты
при Президенте Российской Федерации
В. Я. БЕНЦИАНОВ
отвечает на вопросы
нашего корреспондента*

ЛЮДИ ОСОБОГО РИСКА

— Владимир Яковлевич, в апреле нынешнего года семидесяти четырьмя военнослужащим внутренних войск вы вручили удостоверения ветеранов подразделений особого риска. Нашим читателям, безусловно, будет интересно узнать, что это за подразделения. Ведь, насколько я понимаю, и на вас, и на работах, с которыми вы были связаны, долгие годы лежала печать секретности.

— История нашего комитета весьма необычна. Это и результат волеизъявления людей, которые долгие годы искали у государства, у общества социальной защиты, и свидетельство того, что наконец-то их труд получил должную оценку. А это, поверьте, поистине героический труд, связанный с созданием ядерного щита Родины.

Каждый из участников ядерных испытаний в свое время давал подписку на двадцать пять лет (а кто-то и пожизненно) сохранять государственную и военную тайну. И все эти четверть века люди несли ее в себе как некую исключительно доверительную часть своих отношений с государством, надеясь, что, коль дана такая подписка, ты, в свою очередь, защищен и морально, и материально. Но...

В двадцать лет у вас, допустим, ни с того ни с сего отказывают ноги или в организме происходят такие изменения, что вы — внешне молодой и здоровый — не можете продолжать полноценно трудиться (и примеров таких сколько угодно!). Но ни врачам, ни родным и близким вы не имеете права рассказать о своем участии в тех или иных работах. Человек оказался в тупиковой ситуации: расскажешь, что с тобой было, — попадешь в места не столь отдаленные, будешь помалкивать и дальше — просто умрешь. В лучшем случае останешься без семьи, без детей, без средств к существованию...

Вы ведь представьте, когда с людьми происходило подобное, никакого Чернобыля еще не было!

Причем что интересно: если, торопившие сдачу объектов ядерного оружия, ученые, генералитет получали соответствующие награды, то рядовой состав, младшие офицеры да и многие старшие остались вообще никак не замеченными. Хотя, на наш взгляд, все они должны быть непременно награждены.

В общем, все эти причины и породили наш комитет. Ибо обращения многих людей в различные инстанции в лучшем

случае оставались без ответа, в худшем — грозили им серьезными неприятностями.

— Сегодня немало уже опубликовано в центральной печати о ядерных испытаниях на полигонах Новой Земли, Семипалатинска...

— Да, но когда мы говорим о подразделениях особого риска, то имеем в виду не только штатных участников испытаний. Мы принимаем во внимание и контрразведчиков, и артиллеристов, и пехотинцев, и матросов, и летчиков, и ракетчиков, то есть людей самых разных специальностей, которые не специально были сведены в такие подразделения, оформлены приказным или другим каким образом, а целую когорту, в том числе и гражданских лиц, которые тем не менее непосредственно участвовали в испытаниях ядерного оружия, в ликвидации радиационных аварий на энергетических установках атомных подводных и надводных кораблей, либо собирали ядерные заряды. Причем для сборщиков ядерных зарядов мы взяли условия самые тяжелые — до 1961 года, когда они боевую часть собирали вручную.

— Насколько я понял, критерием принадлежности к когорте ваших ветеранов является не сам факт службы или работы в подразделениях, обслуживавших ядерные испытания, а непосредственное участие в них, причем в так называемых «нештатных ситуациях»?

— Да, лишь непосредственное участие в испытаниях ядерного оружия. Только так! Ибо военнослужащие, которые находились на рокадных дорогах для внешней и иной защиты, ни в коей мере к участникам испытаний не относятся.

— Владимир Яковлевич, а применительно ко внутренним войскам...

— Вопрос о внутренних войсках сложный. Дело в том, что при разработке критериев принадлежности к нашему комитету мы учли выполнение служебных обязанностей в районе учений и испытаний, предполагая, что это коснется и контрразведки, и внутренних войск, и всех других ведомств.

А сложность заключается в том, что внутренние войска, в частности ваши войсковые наряды, зачастую не учитывались в книге радиационной безопасности, и теперь очень трудно определить, кто прошел в такую-то точку, а кто нет, кто находился вблизи скважины, а кто на значительном отдалении. Поставые ведомости давным-давно ликвидированы. Та войсковая часть, которой дано право фиксировать участие в испытаниях ядерного оружия, никаких списков и уточнений по МВД не имеет. Хотя должен вам сказать, что

свыше ста сотрудников МВД, которые были зарегистрированы в журнале радиационной безопасности, получили свои удостоверения.

— Испытаний ядерного оружия не проводится уже скоро десятилетие. Со времени тоцких учений минуло сорок с лишним лет. Почему же лишь в декабре 91-го появилось постановление Верховного Совета Российской Федерации, распространившее ряд льгот и компенсаций, предусмотренных законом «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», на людей особого риска?

— История дела вот какова. В 1967 году, будучи в Москве, решил выяснить: почему я, сравнительно юный человек, в тридцать лет перенес инфаркт и почти совсем ослеп? Почему к этому времени я прошел через десяток госпиталей и больниц? Почему я, физически сильный человек, увлекшийся борьбой и имевший спортивный разряд, так плохо стал себя чувствовать после тоцких учений, где два месяца пробыл в противогазе?

Решил зайти в Министерство обороны к начальнику юридического отдела тогдашнего Главного медико-санитарного управления Советской Армии.

Ответ мне был таков: «Уважаемый Владимир Яковлевич, никаких законодательных актов по поводу вашей социальной защиты нет. Подтверждения тому, что вы участвовали в ядерных испытаниях, мы вряд ли найдем. А то, что вы получили какую-то дозу облучения или попали под воздействие какого-то поражающего фактора ядерного взрыва, документально подтвердить нет никакой возможности. Аналогичных жалоб к нам не поступает».

Это говорил, как я помню, полковник Пирогов. Он же мне сказал, что вообще обращаться куда-либо мне бесполезно. И я действительно на какое-то время замолк, почувствовав вокруг себя какой-то вакуум.

Из этого состояния я вышел не сразу, но вышел, узнав, что многие мои сослуживцы умерли. Тогда стал обращаться далее, в другие инстанции. Но везде получал отрицательные ответы. Потом не забудьте, что моя подписка кончалась только в 1979 году, распространяться на тему ядерных испытаний мне было нельзя.

Как только кончилась подписка, я написал несколько писем в правительство и лично Брежневу. Ответов на мои письма не было. Я побывал в канцелярии министра обороны, в приемной на улице Кирова. Мне сказали, что аналогичных обращений к ним нет, а если бы они были, там

бы, бесспорно, нашли способ нашей социальной защиты.

Когда пришел к власти Горбачев, я и ему написал письмо. Меня вызвали в цзковскую комиссию. Сказали, что никаких документов по интересующему меня вопросу нет и мне никто и ничем не обязан.

В 88-м году в "Правде" появилась статья "Страна Лимония". В ней говорилось об испытаниях, но как-то безлико: ни об одном человеке ни единого упоминания. И тогда я сам решил обратиться в какой-либо серьезный печатный орган, рассказать, как было на самом деле. И в октябре 1989 года в газете "Известия" появилась статья, и жизнь моя круто изменилась. Когда я получил десятки писем-откликов от таких же, как и я сам, понял: случившееся со мной — беда и судьба не только моя, а и сотен, тысяч других. Надо, просто необходимо бороться за свои права.

В 89-м мне удалось выступить по ленинградскому телевидению в "Пятом колесе", в январе 90-го поднять этот вопрос на совещании у начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, наконец, удалось подготовить проект постановления правительства по нашей социальной защите.

Но СССР-то рассыпался, а вместе с ним и наш проект (кто-то отказывался визировать, заболел Н.И. Рыжков, который нам изрядно помог, изменилась структура власти)... Это счастье, что мы уже тогда одновременно готовили и российское постановление.

Так что говорить о том, что документ вышел поздно, я бы воздержался. И, к слову, гражданские атомщики бьются за свои права по сию пору, с сентября 91-го!

— Когда вы говорите "мы", "наш" — имеете в виду работающих сегодня с вами в комитете людей аналогичной судьбы?

— Если откровенно, первое время приходилось многое брать на себя. Почему? Да потому, что поначалу офицеры, особенно старшие, категорически отказывались сотрудничать. Отставники — опасаясь за пенсию, те, кто при погонах, — во избежание неприятностей по службе. Так что поначалу боролся в одиночку. Но постепенно положение менялось. И 9 мая 90-го года мы прошли на параде по Невскому проспекту — 52 человека, представляющие собой не только Россию, но и Таджикистан, Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию. Мы шли в едином строю под транспарантом "Подразделения особого риска". А уже на следующий день мы создали комитет, избрали его председателем.

— Не секрет, что журнал получает письма от наших войсковых "атомщиков" с жалобами на волокиту с выдачей

документов. Ведь армейцы носят их в кармане уже с апреля 93-го, пользуясь определенными льготами, тогда как наши... Из-за чего же все-таки произошла такая двухгодичная задержка?

— Дело в том, что длительное время во внутренних войсках не было структуры, которая бы занималась этим делом. Первым подключился Владимир Васильевич Кузнецов, полковник, еще в 1992 году, когда мы отработывали проект постановления правительства. Потом он был на некоторое время от этой работы отстранен, а вакуум никем не был заполнен. И только два года спустя появились Сергей Алексеевич Душков, майор, затем Дашкин Рустам Искандерович, подполковник, наконец, Владимир Иванович Воробьев, полковник запаса, бывший командир части, личный состав которой привлекался к охраняемым мероприятиям на полигонах Новой Земли и Семипалатинска, и дело пошло. Но время было упущено. Это первое.

Второе. Вот вам такой казус. Петр Владимирович Орловский в статье "День "Д" на Новой Земле", опубликованной "Санкт-Петербургскими ведомостями" 2 декабря 92-го года, заявил, что он участвовал в испытаниях ядерного оружия на Кольском полуострове, чего никогда не было. Да и по указанным срокам ничего не получалось: уже действовал мораторий. Дальше он писал, что участвовал в сборке ядерных зарядов. Но это вообще стопроцентная ложь: солдат сюда никогда не допускали. Теперь: его якобы использовали на подвеске ядерных изделий. И это абсурд: тут работали исключительно офицеры. И лишь когда удалось выяснить, что четыре месяца службы Орловского все же действительно принадлежат Семипалатинскому полигону, причем охране определенного объекта, мы выдали ему удостоверение. Но ведь своей статьей он оттянул вручение документов и себе, и другим людям на немалый срок. Потому что малейшая неточность у нас не проходит.

Третье. Я уже говорил, что подтверждение участия представителей внутренних войск в непосредственных испытаниях ядерного оружия — вопрос сложный. Известно это бывшему управлению по охране важных государственных объектов и сопровождению спецгрузов, тем его специалистам, которые трудятся теперь в ГУКВВ. Но поймите, одно дело — участвовать в бою, совсем другое — нести охрану. Тут несколько иные критерии. Нужно точно выявлять всех тех людей, которые именно выполняли служебные обязанности, до предела привязанные к испытаниям. Не скрою, есть и такие, кто не прочь примазаться к нам.

— Но ведь когда люди направлялись туда, отдавались приказы по части...

— Это не совсем так. Дело в том, что у нас имеются приказы по внутренним войскам, в которых ставится задача подразделения убыть в город Ташкент для выполнения специального задания. И люди отправлялись в командировку, но совсем не туда, куда указано, а, например, в тот же Семипалатинск. И так по многим другим ситуациям.

Я вам должен сказать: несчастье (и не только внутренних войск, но и многих подразделений Вооруженных Сил) заключается в том, что их судьба во многом зависит от двух человек: от писаря штаба или ПНШ. От скрупулезности, точности, педантичности тех в работе. Как они оформили документы, так и живем.

Например, по тоцким войсковым учениям, в которых участвовало 212 частей, только 6 или 8 отданы в приказе как участвовавшие в испытаниях ядерного оружия. Остальных пришлось выявлять совсем иными способами.

— И тем не менее, Владимир Яковлевич, в своих письмах в журнал наши ветераны-атомщики в основном видят причину проволочек с получением льгот в задержке на год с лишним приказа МВД, аналогичного приказу министра обороны, ну и в отсутствии должного контакта у нашего руководства с комитетом ветеранов подразделений особого риска. Что вы на это скажете?

— Как только вышли постановление Верховного Совета, а затем два правительственных от 21 октября и от 11 декабря 1992 года, мы разослали всем министрам письма с просьбой издать соответствующие приказы. Так вот, действительно приказ МВД издан значительно позже армейского. В свое время мы предложили свои услуги и МВД, но там отказались, сделали сами. А свой документ получился несколько запутанным, потому что в приложении к приказу, названному "О мерах по обеспечению социальной защиты в системе МВД России граждан из подразделений особого риска", указали и Чернобыль, и Челябинск, и кого хотите. Это, разумеется, оттолкнуло нас. Мы написали три письма на имя Виктора Федоровича Ерина с просьбой либо отменить этот приказ, либо переделать. Ведь комитет не имеет права и не намерен отступать от буквы закона.

Что касается контактов, то скажу так: я встретил со стороны МВД немалую поддержку.

Когда мы создали наш комитет и не было ни копейки денег на его существование, то в числе первых, кто нам протянул руку помощи, было Министерство внутренних дел. Оно подарило нам тридцать тысяч и компьютер. В прошлом и нынешнем году мне предоставлялась комната в офицерском общежитии.

Нам бы хотелось большего понимания. Ведь медицину в нашем комитете возглавляет очень крупный, известный не только в нашей стране специалист врач-радиолог Рухлядьев Владимир Игоревич. Научно-лечебный центр во главе с профессором Бухоловским Игорем Николаевичем добивается весьма неплохих результатов.

Для тех, кто нуждается в лечении, оставляю: Санкт-Петербургские телефоны: 5273661; 5273647. Код наш 812. Милости просим.

По первому телефону вам ответит профессор Бухоловский, по второму — кандидат медицинских наук Ольга Борисовна Токмакова. Они вас запишут, назначат время. Мы готовы лечить, разумеется, бесплатно. Но мы получили под центр старую больницу, поэтому ждем и высокой помощи, в том числе и от Министерства внутренних дел, от внутренних войск. Надо, чтобы кто-то приехал к нам, посмотрел, как и чем можно было бы по-шефски помочь, а не направлять нам отказные письма.

— Владимир Яковлевич, в ходе беседы мы не раз заговаривали о льготах ветеранам подразделений особого риска. Если это не сложно, перечислите основные. К тому же, насколько я понимаю, имеющие на них право, подразделяются на несколько категорий: имеющие инвалидность, не имеющие ее, семьи, оставшиеся без кормильца, ну и так далее.

— Здесь есть два вопроса. По нашим удостоверениям предусмотрены льготы довольно высокие. Особенно тем, кто получил документы с индексом А-Г. То есть непосредственные участники испытаний ядерного оружия в атмосфере, а также под землей при нештатных ситуациях...

— Это как раз и наши войсковики?

— Да. Теперь — это и участники ликвидации аварий на ядерных энергетических установках подводных и надводных кораблей и сборщики ядерных зарядов.

Если есть военнослужащие, или демобилизованные, или гражданский персонал войск МВД, принимавший участие в выполнении этих задач, то они получают льготы весьма высокие. Тут и сниженная на 50 процентов квартплата, оплата телефона, электроэнергии, газа... Тут и предоставление квартиры в течение 3 месяцев вне очереди, после подачи соответствующего заявления, причем с правом на дополнительную комнату. Тут и право на бесплатную путевку в санаторий, бесплатный проезд к месту отдыха и лечения ежегодно. Это право на получение бесплатных лекарств. Кроме того, это и пятьдесят минимальных заработных плат, выплачиваемых как единовременное пособие. Четыре минимальных зарплаты, выплачиваемых

ежегодно, минимальная зарплата, доплачиваемая ежемесячно на доппитание. Кроме того, в случае неполучения путевки полагается компенсация за нее.

Теперь. Уход на пенсию для гражданских лиц на 10 лет раньше (серия А-Г), для других — на пять лет ранее установленного срока. В общем, комплекс льгот велик.

Но не об этом надо бы сегодня вести речь. При нынешней экономической ситуации в стране самое важное — сохранение хотя бы этих льгот, ибо идет нешуточная борьба за то, чтобы снизить их уровень, предъявить к пострадавшим людям новые критерии.

— **Например?**

— Например, наличие бэрной нагрузки. Но откуда у нас могут быть на руках такие документы? Кто тридцать-сорок лет назад вел такой учет? Кто из нас, выполняя поставленные задачи, думал тогда и об этом?

Далее. Наличие лучевой болезни. Да ведь она была зафиксирована за все эти годы примерно у трехсот моряков и то лишь тогда, когда медицине просто никак нельзя было отвертеться от постановки такого диагноза. Вспомните знаменитый экипаж подлодки К-19, прозванной "Хиросимой", где погибло одновременно девять человек и именем одного из них — Николая Корчилова — была названа улица.

Одним словом, сегодня идет разговор о том, чтобы давать нам льготы по каким-то нагрузкам, о которых мы не имеем никаких свидетельств. Потом, вы не забудьте и такую вещь, что в испытаниях ядерного оружия самым важным фактором, воздействующим на человеческое здоровье, является отнюдь не радиация. Первое — это инфразвуковое облучение. На втором месте — электромагнитный импульс. На третьем стоит ударная волна. На четвертом — световое излучение. На пятом — психогенный фактор (т.е. поражение нейронов головного мозга). И только на шестом стоит радиация. А ведь предыдущие пять вообще никак не отмечались.

Кроме того, превозносится фактор нахождения на радиационно-загрязненной территории. Хотя здравый смысл подсказывает: выполняя боевую задачу, никто не мог знать, где зараженные участки, где безопасные. Ты должен был пройти свой участок, не думая об этом!

— **Не секрет, что в стране существует 50 с лишним категорий льготников...**

— Да, Минсоцзащиты объявляло как-то о том, что ему известно о 57 видах удостоверений на разного типа льготы.

— Так вот, исходя из этого, можно сказать: одно дело льготы заработать, другое — их реально обрести. Наверняка наших ветеранов подразделений особого риска ждут и разного рода про-

волочки, и отфутболивание и так далее.

— Я вам приведу такой пример. Матрос Михаил Окунев — участник испытаний ядерного оружия на Новой Земле. Так случилось, что он впоследствии стал майором МВД. Незадолго до увольнения тяжело заболел. А надо сказать, что и до этого у него сильно болела спина. Ему сделали несколько сеансов ионофореза, и последний закончился тем, что у человека вдруг отнялись ноги.

Михаил звонит мне и говорит, что никак не может реализовать положенное с нашим удостоверением, которое получил год назад.

Я попросил у него телефоны пенсионного отдела, позвонил туда и сказал: "Что ж вы издеваетесь над инвалидом? У вас есть совесть или нет? Я сейчас же помогу этому человеку передать на вас дело в суд". И что же вы думаете: в 11 часов следующего дня Окунев мне сообщил, что деньги ему принесли на дом!

— Ну хорошо, на этот раз кто-то испугался угрозы члена Общественной палаты при Президенте Российской Федерации. Но ведь иного бюрократа, как говорится, и из пушки не прошибешь. К тому же, наверняка, не каждый ветеран станет обращаться к вам за помощью в борьбе с несправедливостью. Но что же делать общей массе наших ветеранов?

— Нужно четко уяснить: сегодня все в значительной степени находится в руках исполнителей. А с ними должна быть одна форма общения: заявление на имя руководителя подразделения, которое отвечает за льготы (причем заявление это должно быть в двух экземплярах); расписка того в получении вашего заявления и дата. А в случае отказа предоставления льгот — немедленная передача дела в суд.

Я знаю немало случаев, когда наши ветераны, не получив положенные по закону льготы, отправлялись в суды и им выплачивалось затем не только недополученное, но и определенная сумма за моральный ущерб. А учитывая, что деньги взыскиваются с конкретно виновных лиц, мы расцениваем это еще и как лучший способ их учебы. Понимаете?

Я же все больше убеждаюсь, что проволочки и отказы связаны прежде всего с незнанием чиновниками законов, а вовсе не с их радением о сбережении государственных средств.

— **Вы вручили 74 удостоверения нашим ветеранам. Но я знаю, что подавались списки на сто сорок с лишним человек...**

— Ничего подобного! Всего было указано в списке 84 человека. Но десять так и не успели оформить как следует свои лич-

ные дела. А мы сейчас вынуждены, поскольку рассматриваем личные дела заочно, требовать даже такие документы, как справка о прописке, справка о гражданстве, выписка из личного дела офицера, выписка из военного билета солдата, сержанта.

Поймите — много желающих получить удостоверения. Проверка необходима тщательная. Причем подтверждающие документы нам нужны в подлинниках.

— **Те офицеры и прапорщики, которые получили из ваших рук удостоверения, — это все люди, которые находятся на виду: в совете ветеранов и т.д. Но ведь их десятки, а сотни, тысячи солдат, сержантов, прошедших через полигонные испытания, давным-давно разъехались по разным уголкам бывшего Советского Союза. Как быть им?**

— Могу сказать вам со всей ответственностью: мы неоднократно ставили перед офицерским корпусом вопрос о выявлении таких людей. О том, что нельзя ущемлять права россиян — солдат и сержантов. И это касается не только МВД.

Например, полк связи, участник тоцких учений. 47 офицеров моментально нашли себя в журнале радиационной безопасности и подали заявления на получение удостоверений. А о том, что с ними было семь сотен солдат и эти солдаты в буквальном смысле рыщут, где бы найти подтверждение своему участию в ядерных испытаниях, — ни слова. А ведь оказывается, никаких списков на участие личного состава полка в учениях не составлялось, и никто из офицеров свидетелями зачастую не идет. Не потому, что не в состоянии подтвердить то, о чем его просят, а просто не делает этого из-за элементарного бездушия.

— **Вручению удостоверений предшествовала минута молчания, и я хочу спросить вас: а как быть семьям умерших атомщиков? Как им получить льготы?**

— Это очень непростой вопрос. Для того чтобы получить справку о потере кормильца, нужно довольно многое. Во-первых, чтобы умерший был включен в список участников учений, испытаний, заверенный войсковой частью. И во-вторых, что самое важное. В положении о медико-социальной экспертной комиссии, утвержденном постановлением правительства записано абсолютно четко: "Для установления факта потери кормильца должен быть установлен факт причинной связи его болезни и смерти". Понимаете? Если атомщик попал под машину или с ним случилось нечто подобное, то никогда справку о потере кормильца его вдове не дадут.

Причинную связь устанавливает медико-социальная экспертная комиссия коми-

тета, во главе которой стоит полковник медслужбы запаса Бугримов Владимир Юрьевич, бывший главный терапевт Северного флота. Он хорошо знает экспертно-медицинскую работу. Но, повторяю, если мы не будем иметь доказательств причинной связи заболевания и смерти, ни о каких льготах речи и вести не стоит.

— **Владимир Яковлевич, что касается уволенных солдат, сержантов... Видимо, есть перечень документов, которые им надлежит либо заполнить, либо получить, прежде чем обращаться в комитет за удостоверением?**

— Да, и он касается не только рядового, сержантского состава, но и офицеров. Он один. Мы его поместили на обратной стороне анкеты, которую предстоит заполнять тем, кто служил в подразделениях особого риска. Пожалуйста, опубликуйте, тут нет никакого секрета.

— **Мы непременно так и поступим. Спасибо вам за интересный и полезный разговор.**

Вел беседу полковник Е. АРТЮХОВ.

От отдела социальных проблем и воинского воспитания.

В примечаниях к анкете, о чем упоминал В.Я.Бенцанов, содержится тринадцать пунктов. В каждом из них указано, какими справками необходимо обзавестись заинтересованному лицу. Но перед тем, как приступить к этому, надо уяснить последовательность своих действий. А она такова.

Прежде всего вам необходимо обратиться в Центральный архив внутренних войск МВД РФ (107150, Москва, ул. Подбельского, д.5) за подтверждением места и сроков пребывания в служебных командировках. Затем вам надлежит направить полученные данные в свою часть, где будет установлено, проводились ли в период ваших командировок ядерные испытания и при каких условиях они протекали.

Если вы имеете право стать ветераном подразделений особого риска, вам сообщат об этом, внесут в соответствующий список, пришлют анкету. Остальное уже будет зависеть от вас, от того, насколько быстро вы соберете те самые необходимые справки.

И последнее. Сообщаем вам адрес комитета ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации: 191011, Санкт-Петербург, ая 68. Телефон в Санкт-Петербурге — 2788665.

Заметки военного историка

ДОСТОИНСТВО

РУССКОГО ОФИЦЕРА

Горе той Армии, в
которой дух Офицера
унижен...

"Военный журнал",
1810.

В начале XIX века в России "армия" и "офицер" не в переносном, а в прямом смысле слова писались с большой буквы. Так требовала орфография того времени. Но только ли она? Безусловно, нет. Сам уклад жизни общества диктовал уважительное отношение ко всему, что было связано с защитой Отечества. Это касалось и святая святых армии, ее ядра — офицерского корпуса.

Уважительное отношение к офицерам, как и само офицерство, не появилось из ниоткуда: оно складывалось десятилетиями, даже веками.

Русь, Россия всегда с любопытством и деловитостью поглядывала на Запад: дескать, что бы у него перенять? Происходило это не от недостатка ума, не от природной лени русского человека, как любят порой утверждать увлеченные самобичеванием наши соотечественники. Взгляд на Запад был исторически законо-

мерен. Молодой — в сравнении с другими — русский этнос как губка впитывал в себя достижения европейской цивилизации. И если многие внешние атрибуты иностранной жизни, перенимаемые русским человеком, приносили сомнительную пользу (курение табака, ношение неудобной одежды и так далее), то все же значительная часть общеевропейских достижений имела несомненную ценность.

Среди этих ценностей было и формирование офицерства.

Не успели во Франции, в германских и иных землях смениться два поколения военных профессиональных руководителей — офицеров, заменивших прежних рыцарей, как диковина стала известна и у нас. Случилось это во время царствования первого из династии Романовых — Михаила Федоровича. Человек, далекий от армии, обладавший кротким, но ясным умом, он понимал, что наступает пора создания регулярных частей по европейскому образцу. Слабо развитая система постоянного войска, основу которого составляли поместная конница и стрельцы, мало-помалу стала вытесняться четкими по своей численности и организационной структуре полками. На смену сотнику и сотенному голове (у казаков, правда, уже были есаулы и атаманы) пришли новые чины: полковник, большой полковой поручик (подполковник), майор, капитан (ротмистр), поручик, прапорщик. Все они объединялись общим понятием — офицеры. Тогда, в 30-е годы XVII столетия, этим непривычным словом чаще назывались иностранные военные специалисты, нанимавшиеся на службу к русскому царю.

Как вспоминали современники, эти господа не всегда были выносливы в походе и храбры в бою. Попадая в плен, они без колебаний переходили на службу к новому хозяину. Но нельзя не видеть и их прогрессивную роль в формировании русского офицерства. В нашем государстве тогда не было военно-учебных заведений. Их заменяла стажировка русского служивого дворянства в качестве дублеров у иностранцев. Постепенно это начало давать свои результаты, и спустя менее чем сто лет в ходе мощных петровских преобразований было окончательно завершено формирование нового социального слоя российского населения — офицеров.

Они, как, впрочем, все дворянское сословие, бывшее поначалу единственным поставщиком офицерских кадров, полностью освободились от государственных налогов: считалось, что офицер платит налог своей кровью на поле брани.

Военная карьера для офицера, какое бы высокое место в обществе он ни занимал, была делом непростым. Только одной родовитости, материального достатка и связей в военных и государственных верхах для нее было мало. Смелость, ум, усердие по службе — вот что особенно определяло успех офицера в его восхождении по служебной лестнице. В этом отношении, кстати, показателен пример Петра I. Всем известно, что свою военную службу он начал в 11 лет в Потешной роте, которую в 1683 году сам и создал в подмосковном селе Преображенском. Но мало кто помнит, что начинал он не с офицерского чина и даже не с солдатского (до него ему еще только предстояло дослужиться!). Свою службу он начал с самого низкого из имевшихся тогда в армии званий — барабанщика. И лишь потом будущей первый император России постепенно получал офицерские, генеральские и адмиральские звания.

Еще несколько лет назад о русском офицерстве в нашей стране писали в мрачных тонах. Оно и понятно: офицерство-то было "царским", а стало быть — реакционным. Сейчас такое видение офицерства той поры многие историки и публицисты отвергают, пытаясь представить его в совершенно ином — романтическом ракурсе. Но общеизвестно, что чем чаще историю переписывают "набело", тем больше "белых пятен" в ней появляется.

Нопытаемся же без лишних эмоций немного разобраться в том, каким на самом деле был офицер прошлого, какие факторы влияли на его формирование. Вопрос этот огромен. Для ответа на него

не хватит скромного объема журнальной статьи. Поэтому давайте посмотрим на формирование офицера русской армии сквозь призму такого понятия, как достоинство.

Употребляя все словосочетание "достоинство офицера", мы не всегда четко понимаем, что под ним подразумевается. Разобраться в этом будет проще, если рассмотреть вопрос о достоинстве офицера на историческом фоне, не затушевывая неприглядных моментов и, наоборот, не отмахиваясь от возможности увидеть то, чего современное офицерство лишилось вопреки своей и государственной пользе.

Итак, достоинство офицера — это не просто уважительное отношение к своей персоне. Это, скорее, осознание ценности своего предназначения: выполнения святого долга перед Отечеством по защите не просто его границ и населения, но и его культуры, духа, традиций, истории, наконец.

Осознание всего этого родилось не сразу. На пути его формирования было немало прозаических глупостей, в том числе и, как говаривали не так давно, "слепого низкопоклонства перед Западом". Этот факт до глубины души возмущал еще фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврического. Еще в 1783 году в одном из своих сочинений он писал:

"В России, когда вводилось регулярство, вошли Офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинством. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч.

Занимая себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: марширования, разных построений и оборотов; а что касается до исправности оружия, тут полирование и лощение предпочтительно доброте, а стрелять почти не умеют".

Вот такого не очень-то высокого мнения был о современниках-офицерах талантливый русский полководец, перед военным и государственным умом которого преклонялся даже болезненно самолюбивый А. В. Суворов.

Так что же, выходит, достоинство русского офицера — это вымысел историков? Ни в коем случае! Опыт иностранного офицерства с его сильными сторонами и пороками был лишь отправной точкой в формировании самобытных профессиональных военных кадров. Сама полити-

ческая обстановка в Европе, в Азии и традиционные для того времени способы разрешения внешнеполитических противоречий — войны и военные конфликты — создавали систему нравственных ценностей русского офицера, его представление о достоинстве и чести. Шутка ли: почти за двести лет (если быть точным, с 1696 по 1881 год) русские войска принимали участие в сорока трех значительных военных баталиях, среди которых были вошедшие в анналы мировой истории военного искусства (Азов, Полтава, Очаков, Измаил, Бородино, Лейпциг, Париж, Севастополь, Шипка и другие). Каждое из этих и им подобных событий, подготовка к этим сражениям формировали образ офицера, систему его моральных ценностей: безграничная преданность земле, их взрастившей, благородство в бою, уважение к мужеству побежденного врага.

Еще до войны с Наполеоном, прославившей Русскую армию на весь мир, наши отечественные военные теоретики все-речь размышляли, например, о стимулах, позволявших выделить наиболее достойных офицеров.

Признавалось, что среди прочих основными достоинствами офицера являются два: храбрость и профессиональные познания. И то и другое ставилось в равной степени на одну ступень. Но — это сегодня актуально — предлагались отличные друг от друга способы поощрения этих достоинств. Храбрость офицеров считалось целесообразным поощрять орденами, а военные познания — чинами, то есть воинскими званиями и соответствующими должностями. Если вдуматься, эта нехитрая, но мудрая система оценки личности офицеров не только справедлива, но и — в хорошем смысле слова — рациональна. Нынче же она прочно забыта. Может быть, поэтому в условиях современного резкого сокращения офицерского корпуса многие перспективнейшие офицеры оказались не у дел. Точнее, наоборот — у дел, но не в армейских условиях. Они пополнили ряды молодых крутых бизнесменов и их "оппонентов", то бишь рэкетиров.

Ценность минувшего опыта состоит в том, что в прежние времена государство не стеснялось ценить труд офицера. Например, в XIX веке военнотружущим, прослужившим в офицерском чине 25 лет, вручался Георгиевский крест. Это награждение предусматривало ряд моральных и материальных льгот, хотя и не делавших жизнь отставника очень состоятельной, но позволявших почувствовать себя Человеком, о котором заботится государство, заслуги которого ценятся обществом.

Но не следует путать награждение этим крестом с более высокой наградой — орденом Святого великомученика и победоносца Георгия. Вручение этого ордена было случаем редчайшим. За период с 1805 по 1881 год он был вручен лишь 153 офицерам и генералам. Некоторым — даже неоднократно. Так, будущий военный министр А. Н. Куропаткин был награжден им сначала, будучи капитаном, а потом еще раз — уже в чине полковника. А гордость Российской армии М. Д. Скобелев имел за службу три такие награды.

Российские вооруженные силы по своей численности, естественно, были разными, но всегда (сообразно обстоятельствам) были довольно велики. Например, незадолго до войны 1812 года армия насчитывала чуть меньше полутора миллиона. По тем временам это было огромное войско. Его признанной элитой была гвардия, отношение к которой со стороны государства было более чем трепетным. Еще в самом начале XVIII века офицерская служба в гвардейских частях избиралась, как правило, исключительно ради престижа, карьеры и возможности проявления своих верноподданнических чувств перед государем. Многие капитаны и поручики отказывались от получения из государственной казны денег за службу. Они были на своем собственном содержании, а это требовало огромных средств. И дело не только в том, что больших денег стоили обмундирование, оружие, сбруя, лошади и их содержание и уход. Сам образ жизни (апартаменты, посещение и прием гостей и многое другое) был по карману лишь избранным.

Но с годами нравы менялись. И хотя служба в гвардейских частях по-прежнему оставалась уделом немногих, число их постепенно увеличивалось. В середине XIX века в России было уже 33 гвардейские части, не считая более десятка формирований, находившихся при них в качестве учебных и вспомогательных. Все гвардейские части входили в состав двух корпусов — пехотного и артиллерийского. Кроме того, отдельно существовали еще три гвардейские артиллерийские бригады.

Штаты гвардейских полков постоянно росли. Например, если первоначально в лейб-гвардии Преображенском и Семеновском полках служило по 3300 человек, то к концу XVIII столетия — до 4615 офицеров, младших командиров и солдат.

С 1798 года в Преображенском полку по штату было положено пять (!) генералов, включая и командиров батальонов, и 120 офицеров. Только одних денщиков у них в общей сложности было 299 человек. Спус-

тя некоторое время штаты в гвардии стали "скромней": генералом был только командир полка. Кстати, российские государи и даже государины считали своей обязанностью быть полковниками гвардейских полков или их шефами. Зачастую, как например Павел I, они совмещали обе должности. Случалось, что императоры занимали высшие должности одновременно в нескольких полках лейб-гвардии. Например, Николай II числился в списках более чем двадцати полков, а для многих еще был и шефом.

Особенностью офицерской службы в старой армии вообще, и в гвардии в частности, был существенный разрыв в должностных окладах. Самый младший офицерский чин в гвардейском полку — прапорщик — получал в 1802 году 285 рублей в год, капитан — 628 рублей, полковник — 1040 рублей, генерал-майор — 2280, а шеф полка — 2760 рублей. В этом резком отличии был заложен глубокий смысл. Размеры денежного содержания давали возможность вести образ жизни соответственно имевшемуся чину и положению в полку. Это существенно влияло на осознание офицером своего места в обществе и стимулировало стремление повысить свой служебный статус не только из меркантильных интересов. Нынешняя ситуация в офицерской среде коренным образом отличается от прежней. Зарплата лейтенанта принципиально не отличается от капитанской, а та, в свою очередь, от майорской. Отсутствие дифференциации в этом не только материальном вопросе наносит вред формированию чувства собственного достоинства офицеров. Многие из них с готовностью меняют свои должности на одну - две ступени ниже своих прежних, поскольку тем самым обретают относительный служебный покой. Но в результате очень часто случается так, что блестящие потенциальные возможности офицера остаются нереализованными.

Очевидно, что сама служба в дореволюционной Российской армии, сложившиеся в ней правила взаимоотношений в офицерской среде формировали у офицеров представление о достоинстве и чести. У обывателя складывается об этом нередко упрощенное представление: святость выплаты карточного долга, непопозволительность оскорбления женщины, болезненное самолюбие. На деле же все обстояло обиденней и сложнее.

О достоинстве офицера формировалось не просто. В военно-учебных заведениях часто процветало то, что теперь мы называем неуставными взаимоотноше-

ниями. Старшекурсники морально, а зачастую и физически унижали младшекурсников, мздоимствовали, утверждали порядки, ставившие младшекурсников в положение, не совместимое со званием будущих офицеров.

В самой же офицерской среде процветало чванство: артиллеристы свысока поглядывали на пехотных офицеров. Кавалеристы — в упор не видели и тех, и других.

Один из военных исследователей XIX века считал, что в 80-е годы прошлого столетия в силу таких причин, а также из-за укоренившегося в армии протекционизма лишь 15% выпускников военных училищ соответствовали должному представлению об офицерах. Надо учесть, что военно-учебные заведения России в ту пору выпускали немногим более 2 тысяч офицеров в год.

Была и другая проблема — взаимоотношения генералов с их ближайшими помощниками — офицерами. Недаром еще в начале XIX века один из офицеров гневно писал: "Генерал употребляет артиллеристов и инженеров, как сапожников, которых искусством пользуется, но презирает".

Со временем ситуация изменилась. По мере развития в России капитализма научно-технический прогресс коснулся многих сторон армейской жизни. Замечал эти изменения и авторитетный военный ученый прошлого столетия генерал А. Риттель. В одной из своих книг он писал, что прежний генерал, командовавший полком, только представлял в нем, как в своей вотчине. "Прежде, — писал он, — было легче служить; прежде служба была шутка, тогда как теперь командовать полком — громадный труд". Старый вояка отмечал, что генерал конца XIX века был вынужден превратиться "из барина в первого труженика".

Подобные изменения в армейской среде повышали авторитет офицера, способствовали росту его достоинства как в собственных глазах, так и в глазах всего общества.

Жизнь сохранила множество анекдотов, баек и невыдуманных историй, отражающих характерные черты того времени. До наших дней дошел и рассказ о том, как в середине прошлого столетия один помещик ходатайствовал перед Николаем I о принятии его дитяти в военное училище. В своем прошении заботливый отец хотел обратиться к царю: "Августейший государь!", но, поскольку дело было в сентябре, написал: "Сентябрейший". На прошении Николай Александрович начертил:

"Сына непременно принять и учить, дабы он не был таким же дураком, как его отец".

Эта история похожа на шутку, но, как говорится, суть проблемы в ней отражена очень верно. Если в прежние времена офицеру Русской армии для осознания своего достоинства вполне хватало родovitости и личной храбрости в бою, то в период активного реформирования государственного устройства в России этого стало уже маловато. Обязательным элементом формирования достоинства офицера стало блестящее образование. Решающую роль в создании внутреннего облика офицера стали играть его общая культура, знание иностранных языков, истории, литературы, географии, политэкономии и других наук. Быть умным и образованным стало у офицеров признаком хорошего тона. Именно эти качества начали цениться особо, и именно они стали ведущими при оценке и самооценке офицерского "я".

В этой связи любопытно было бы взглянуть хотя бы вскользь на интеллектуальную гордость Русской армии — Генеральный штаб. Долгое время, в том числе и на протяжении значительного периода в XIX веке, он носил тяжеловесное и уже не соответствовавшее сути название — "Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части" и состоял из одиннадцати отдельных служб, каждая из которых имела строго определенные функции. Офицеры Генерального штаба были чрезвычайно образованными людьми. Достаточно сказать, что в 60-е годы минувшего века десятки из них были учеными государственного уровня во многих областях знаний. К их трудам обращалось не одно поколение офицеров, а труды военных историков имеют и сейчас большое научное значение. Ценно было то, что в академию Генерального штаба в прежние времена имел возможность поступить практически любой добросовестно относившийся к службе офицер, обладавший опытом службы в войсках не менее трех лет. Те из них, кто заканчивал академию по 1-му разряду, продолжали службу в Генеральном штабе, выпускники же 2-го разряда возвращались в войска.

Такой подход к делу пестовал самолюбие, честолюбие офицеров, и в этом не стоит видеть ничего предосудительного.

Далеко не всегда утверждению офицерского достоинства способствовало отношение к военным пенсионерам. Сто лет назад в нашей стране было более 50 тысяч офицеров-отставников. Тогда в печати неоднократно поднимался вопрос о недопустимости унижения достоинства

этих людей. А поводов для этого хватало. Один из главных — непозволительно низкое пенсионное обеспечение, составлявшее 1/2 — 2/3 от их прежнего денежного содержания. Авторам многих статей это казалось верхом унижения тех, кто отдавал здоровье, многие годы жизни службе во благо Отечества. Некоторые писали о том, что низкая пенсия не только не отвечает истинным заслугам офицерства перед страной. Делался дальновидный вывод о том, что это подрывает авторитет и офицерского корпуса, и государства. Более того, офицерские дети, не имевшие должной материальной поддержки со стороны родителей, стали реже вступать на путь военной карьеры. Это было тем более печально, поскольку, воспитанные в военной атмосфере с детства, имевшие не понаслышке представление о гарнизонном быте и службе, они, без сомнения, могли бы стать достойными преемниками дела отцов. Увы, подобные тенденции во всей полноте проявляются и сейчас.

Забываясь о поддержании офицерского достоинства в Русской армии, государство довольно жестко регламентировало личную жизнь офицеров. О запретах жениться офицерам до определенного возраста и без разрешения командования в последнее время писалось в газетах и журналах немало. На первый взгляд, это было проявлением заботы государства об офицерах, об их достоинстве: недостойно звание офицера было жениться, не достигнув зрелого возраста и материального благополучия. Казалось бы, рациональное зерно в этом есть. Но не часто мы задумываемся, сколь серьезным побочным эффектом страдала такая позиция. Сто лет назад военные законы разрешали женитьбу не ранее 28 лет. В исключительных случаях офицер мог жениться и в 23 года. Для этого ему нужно было иметь не менее 5 тысяч рублей личных средств. Только предъявив свой капитал командиру полка или отдельного батальона, офицер мог получить добро вышестоящего командования. В период "капитализации всей страны" обнищавшее офицерство далеко не всегда могло располагать такими деньгами. Но, как известно, голь на выдумки хитра. Потенциальные женихи шли с фуражкой по кругу, брали деньги взаймы у родных, друзей, сослуживцев. Брали с тем, чтобы тут же после предъявления наличности начальству вернуть ее обратно... Но разве это не было унижением офицерского достоинства? Правда, рациональный век несколько притупил это понятие. Некоторые офицеры даже, словно куражась над законом, проявляли верх

находчивости: брали необходимые для предъявления начальству деньги в полковую кассу и тут же возвращали.

Вполне понятно, что на офицерское достоинство влияли многие факторы. Одним из наиболее существенных был фактор чисто внешний — военная форма одежды. Эта, казалось бы, несущественная деталь на самом-то деле важна чрезвычайно. И, на мой взгляд, греш цена тому офицеру, которому безразлично, как на нем сидит шинель, маловат ли китель и какая кокарда на фуражке. Не безразлично все это было и офицерам прошлого. После боевых событий 1877—1878 годов, когда, участвуя в боях, русская кавалерия показала, что она поотстала от современного мирового уровня, когда не лучшим образом проявила себя и пехота, встал вопрос об упрощении военной формы одежды. С офицеров сняли ментики, этишкеты, гремящие сабли, заменив все это деловой и однообразной формой. В 1893 году шикарные бобровые шапки были заменены скромными каракулевыми. (По иронии судьбы ровно через сто лет — в недавнем 1993 году — для полковников были отменены и каракулевые папахи.) Государь Александр III всерьез был занят реформой обмундирования. На его взгляд, оно должно было быть менее приметным в бою, давать экономию казне, пробуждать у военных людей патриотизм и чувство народности. Исходя из этих благих намерений, он потребовал заменить многообразие цветных мундиров на темную форму. Для всех войск был установлен единый образец полукафтана с застежкой на крючки на сторону. В качестве головного убора была введена шапка типа кубанки. Появились сапоги-гармошки, форменные брюки, похожие на шаровары допетровской поры.

Надежды государя на подъем патриотизма у офицеров не оправдались. Произошел обратный эффект — офицеры резко протестовали против подобных нововведений. Были даже такие, кто подавал в отставку, не желая носить "мужицкое платье". Общий итог этой реформы был неожиданным: престиж офицерского звания резко снизился, это неминуемо повлекло за собой и болезненные переживания кадровых военных по поводу ущемленного самолюбия, по поводу унижения их чести и достоинства.

Кстати говоря, этот случай стал хорошим уроком для Николая II. В 1907—1909 годах он провел новую реформу военной одежды, в ходе которой учел многие ошибки своего отца. Вновь были введены

доломаны — расшитые шнурами гусарские мундиры, колеты — суконные мундиры кирасиров белого цвета, у гвардейцев — настоящие лацканы. В эстетике офицерского мундира со всей откровенностью проявилась ретроориентация. На склады были завезены да так и остались невыданными головные уборы (правда, для солдат), очень похожие на шлемы воинов времен Александра Невского. Спустя годы они появились в изобилии в Красной Армии. Это — всем известные буденовки.

Памятуя, что родоначальник династии Романовых — Михаил Федорович — триста лет назад повелел создать первый регулярный полк (Бутырский полк, носивший позже название лейб-гренадерского Эриванского), Николай II распорядился в честь этого исторического события на погонах воинов полка поместить вензель своего далекого предка.

Эти заметки написаны мной не случайно. Они — попытка отметить лишь некоторые проверенные историей факторы, влияющие на формирование такой наисложнейшей субстанции, как достоинство офицера.

Итак, среди всего многообразия факторов, влияющих на утверждение у офицеров чувства собственного достоинства, необходимо отметить уважение общества. Оно, это уважение, проявляется по-разному. Это и льготы, декларируемые государством и похороненные в сумятице взаимной борьбы министерств и ведомств, и забота об авторитете тех офицеров, которые отдали свою жизнь, здоровье и просто лучшие годы служению земле, их породившей.

Пока исторический опыт наших предков для сильных мира сего остается безразличным. Опять повторяются многие ошибки, которых можно было бы избежать.

Бог с ней, с формой одежды. Но совершеннейшая социальная беззащитность нынешнего офицерства рассматривается ими не иначе как унижение их достоинства "с высочайшего повеления".

Когда унижается дух офицера, это может обернуться непоправимыми последствиями. Горе тому народу, достоинство защитников которого втоптывается в грязь!

**Подполковник С. ПОЛТОРАК,
доктор исторических наук,
профессор.**

Санкт-Петербург.

“...Повеет войною – и он уже тут”

Кавказские страницы биографии Дениса Давыдова

“Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года”, — говорил о себе поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов.

Его литературная и воинская слава не меркнет вот уже более полутора столетий. Великий Суворов, увидев его ребенком, воскликнул: “Ты выиграешь три сражения!” И это пророчество блестяще оправдалось, чему свидетельством три славы Давыдова: слава воина, слава поэта и слава отличного прозаического писателя.

“Он был поэт в душе, — писал о нем Белинский, — для него жизнь была поэзией, а поэзия жизнью, и он поэтизировал все, к чему ни прикасался”. Мы раскроем биографию поэта на ее кавказских страницах.

В первых числах августа 1826 года Денис Давыдов в числе шестидесяти других генералов был вызван в Кремль для представления царю. Николай I прибыл в Москву для коронации. Внезапные и неприятные события на южных границах империи сильно встревожили государя, хотя он и старался не подавать вида.

“Он говорил почти со всеми весьма ласково и милостиво, — вспоминает Давыдов, — наконец, подошел ко мне, он изволил сказать мне, что рад меня видеть, благодарил за то, что я снова надел эполеты в его царствование...” Дело в том, что

Давыдов вышел в отставку при Александре I, еще в 1823 году. Его двоюродный брат и покровитель, грозный “проконсул Кавказа” А. П. Ермолов, дважды делал представление о назначении его командующим на Кавказской линии. И дважды получал отказ императора: при дворе Давыдову не могли простить репутации фрондера. Это и побудило пылкого гусара подать рапорт. И только при восшествии на престол Николая Павловича он вернулся на службу в звании генерал-майора и был назначен состоять по кавалерии. Продолжая разговор, царь “заметил, что я нимало не постарел, — пишет Давыдов в своих “Воспоминаниях о 1826 году”, — и спросил меня, здоров ли я. На ответ мой, что здоров, он спросил еще: “Можешь ли служить в действительной службе?” Я отвечал ему: “Могу, государь”, — и он, улыбаясь весьма милостиво, отошел далее”.

Человек военный, по отрывкам долетевших фраз, а в особенности после разговора с генерал-квартирмейстером 1-й армии Бутурлиным, Давыдов уяснил, что речь идет о резко изменившейся военной ситуации в Грузии и кавказских ханствах, входящих в состав Российской империи. Действительно, 16 июля сын Фет-Алишаха, наследник персидского престола Аббас-Мирза со стотысячным войском без объявления войны внезапно вторгся в наши пределы. Незначительные пограничные гарнизоны были смяты и истреблены. Часть из них заперлась в Шуше и

Денис Давыдов

Александрополе. Персы заняли Елисаветполь (Ганджу), где вырезали всех русских, и двинулись по дороге к Тифлису...

На следующий день после разговора с царем Давыдова вызвал к себе начальник главного штаба И. И. Дибич. Эта маленькая, толстенная, рыжая, криволицая, умная, пылкая и храбрая фигурка, как пишет о нем наш знаменитый партизан, была в шюртуке нараспашку. Взяв Давыдова за руку и глядя по обыкновению своему не в лицо, а потупив глаза, Дибич объявил:

— Государю угодно, чтобы вы ехали в Грузию; там война; ему нужны отличные офицеры, он избирает вас, но желает сперва знать, согласитесь ли вы на это назначение?

— Мне весьма прискорбно видеть сомнение государя в том, что я могу отказаться от столь лестного для меня предложения. Прошу Ваше высокопревосходительство доложить Его Величеству, что я не колеблюсь ни минуты... Я с радостью готов всегда вступить на всякий прямой и опасный путь, — твердо отвечал Давыдов.

Царь обнял его, провожая на Кавказ, и напутствовал словами:

— Ну, прощай, любезный Давыдов,

желаю тебе счастья и первое о тебе известие иметь вместе с твоими успехами.

В ожидании отъезда "певец-гусар" (как называл его Пушкин) успел сочинить убийственную эпиграмму "Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года":

*Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*

15 августа, в два часа пополудни, Давыдов покинул Москву. Прибывший из Грузии адъютант Ермолова Талызин рассказал, что Аббас-Мирза в ста пятидесяти верстах от Тифлиса, а сардар эриванский с братом своим Гассан-ханом разорили немецкую колонию в пятидесяти верстах от Тифлиса и увели жителей в Персию.

Военная ситуация в Закавказье вскоре, однако, стала выравниваться и даже меняться в нашу пользу. Еще в августе генерал В.Г.Мадатов силами до двух тысяч человек разбил под Шамхором десяти тысячный авангардный отряд персов. Узнав об этом, Аббас-Мирза снял осаду Шуши и, стянув сорокатысячный кулак, двинулся к Елисаветполю. Навстречу ему генералы Мадатов и Вельяминов смогли выставить только восемь тысяч наших...

"24 августа, в три часа пополудни, — пишет Давыдов, — я приехал в Ставрополь и остановился у генерал-майора князя Петра Горчакова. Он был областным начальником всей линии и назначен в то время генерал-квартирмейстером 3-й армии. На место его определен генерал-лейтенант Эммануель, который в то время еще не прибыл. Горчаков ожидал его, чтобы сдать команду линии и отправиться к своему месту... День был прекрасный, я потому ходил вечером по городу, дабы увидеть Эльбрус, но не видал его. Я на Ставрополь смотрел любопытными глазами, ибо прежде думал жить в нем со всем моим семейством: два раза А.П.Ермолов представлял покойному императору о назначении меня областным начальником линии и два раза получал отказ".

Выехав из Ставрополя, Давыдов с нетерпением вглядывался вдаль в надежде увидеть сверкающие вершины Кавказа. Холмистый ландшафт закрывал горизонт; за спиной остался степной Александров, и "тут вдруг открылась вся цепь гор снеговых и над ними Эльбрус как гигантский шатер! Вид очаровательный, особенно

для того, кто никогда не видал заоблачных гор". По дороге к горам, у Мечетского редута, Давыдов нагнал почту, большой караван и Грибоедова, с которым и продолжил путь по Военно-Грузинской дороге. Во Владикавказе ему отвели квартиру в крепости и в виде признания особых заслуг перед Отечеством выставили почетный караул (который Давыдов тотчас отпустил).

"Я из окна видел Казбек, величественно возвышающийся двуглавою вершиной своей над всем снеговым хребтом по темно-голубому безоблачному небу. В ночное время он был еще поразительнее по своей красоте: полная луна осыпала бледными своими лучами снеговое тело его". Поразил поэта и вид Дарьяла: казалось, что вершины гор по обеим сторонам тесного ущелья готовы упасть ему на голову. По дороге Давыдов и Грибоедов узнали, что в Тифлис прибыл И.Ф.Паскевич (посланный царем на смену Ермолову) и что в столице Грузии все спокойно. Участник двух турецких кампаний, Давыдов прекрасно понимал все сложности войны на Востоке: "В войне с азиатцами главное дело состоит не в драке, ибо их бить всегда легко, а в умении вести войну, то есть в умении распоряжаться таким образом, чтобы войска наши всегда имели сытый желудок, суму с патронами, а артиллерия полные парки, что весьма затруднительно как в Турции, так и в Персии". Между тем события Персидской войны приближались к своей кульминации — битве под Елисаветполем. Паскевич, видя огромное превосходство Аббас-Мирзы в силах, хотел запереться в Гандже. И только решительные настояния старых кавказцев Мадатова и Вельяминова заставили его 13 сентября принять сражение.

Ребята, не жалейте пролить кровь за государя, говорил князь Валерьян Мадатов, обходя войска. Подпускай персиянина, ему труднее будет уходить...

Насмерть стояли батальоны Грузинского, Ширванского и 41-го егерского полков. Особенно отличились нижегородские драгуны, сумевшие захватить даже персидское знамя с золотым львом, держащим в лапе обнаженный меч. Персы бежали. На пятый день после битвы Аббас-Мирза перешел вброд пограничную реку Аракс, очистив русские пределы.

Оценивая роль Паскевича в этих событиях, Давыдов писал своему другу А. А. Закревскому: "У вас, может быть, он еще героем слывет, и Елисаветпольское дело неизвестно, а в Грузии оно чисто и ясно:

Вельяминов и Мадатов все сделали. Паскевич только имя свое приложил к делу". Об участии Давыдова в баталиях с персами лучше всего рассказал он сам в "Автобиографии", рассказал таким живым, энергичным и выразительным слогом, что мы рискуем привести здесь еще одну пространную выдержку:

"Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец, еще одни сутки, и он близ заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гасан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, со своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимую, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогодного: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию".

Перемена климата, о которой говорит здесь Давыдов, имела более всего политический характер: Ермолова отправили в отставку, а на Кавказе воцарился граф Паскевич, облеченный особым доверием Николая. О намерении же побывать у целебных пятигорских ключей Давыдов сообщает и в своем тифлисском письме барону Дибичу: "Страдая пятнадцатый год жестоким ревматизмом в левой ноге, ежегодно усиливающимся, я мог бы в проезд в Пятигорск воспользоваться минеральными водами для пользования себя. По-

лучив облегчение, я мог бы быть полезнее для службы государя на другой войне, чем теперь”.

Вскоре, уже из Георгиевска, в письме к флигель-адъютанту императора полковнику В. Ф. Адлербергу он хлопочет о позволении отбыть с вод в Россию, не скрывая своей обиды на Паскевича: Давыдов считал, что его обошли по службе, поручив командование авангардом русских войск другому генералу, Панкратьеву. Главное же заключалось в том, что после удаления с Кавказа Ермолова он и сам не хотел больше оставаться здесь наедине с сановными лицами, “хотя не лишеными некоторых блистательных военных качеств, но презренными по душевным свойствам, ничтожными по своему невежеству и невыносимыми по бессмысленному высокомерию”.

В 1831 году за успешные действия в польской кампании Давыдов получил орден Святого Владимира 2-й степени и в чине генерал-лейтенанта окончательно вышел в отставку. За плечами остался долгий ратный путь, и герой-партизан по праву называл себя “живым лексиконом как людей, так и происшествий от Аустерлица до последней Персидской войны”. (В скобках заметим, справедливости ради, что Давыдову, по словам Александра Бестужева, нельзя вполне доверять, когда он повествует о своих подвигах: “Он более выписал, чем вырубил себе славу храбреца. В 1812 году быть партизаном значило быть наименее в опасности, нападая ночью на усталых или врасплох. Притом французы без пушек и вне строя не страшные ратники... Я не отнимаю, впрочем, ни славы, ни пользы у Давыдова: он очень хорошо постиг свое ремесло... Я очень люблю его, но он принадлежит истории, а история есть нагая истина”.) Поэтический итог персидского похода — большое стихотворение “Полусолдат”, где есть строки и о Кавказе:

*Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагез, нахмурился, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.*

*Но воин наш не упоен
Ночную роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека гряда снеговая...*

*На нем знакомый вихрь,
На нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.*

Поэтический образ Казбека, подпирающего небосклон, оценил Пушкин, повторив его в первой главе “Путешествия в Арзрум”. К названию горы Давыдов сделал особое примечание: “Одна из высочайших гор Кавказского хребта”. Добавим от себя, что не только Кавказского хребта, но и русской поэзии: вослед Давыдову Казбек не раз воспели и Пушкин, и Лермонтов. Едва отряхнув пыль кавказских дорог, одно из своих стихотворений Давыдов назвал “При виде Москвы, возвращаясь с Персидской войны”. Воспоминания Кавказа еще долго тревожили поэта: в своих письмах он часто приводит подробности минувших сражений.

Портрет Давыдова, как и других героев 1812 года, был выполнен в мастерской английского художника Джорджа Доу и помещен в Военной галерее Зимнего дворца. Ему посвящали свои стихи Пушкин, Жуковский, Баратынский, Вяземский и Федор Глинка. С ним мог быть знаком и Лермонтов: жена Давыдова, урожденная Чиркова, приходилась теткой другу Лермонтова Николаю Поливанову. У Давыдова, как и у Лермонтова, надо лбом, среди гуще-черных волос, вилась седая прядь.

“Ты боец чернокудрявый С белым локоном на лбу!” — писал о нем Языков. В великолепном двустишии полную характеристику Давыдову дал один из его ближайших друзей граф Федор Толстой:

*Ужасен меч его Отчества врагам,
Ужаснее перо надменным дуракам.*

Лев Толстой изобразил его под именем Денисова в романе “Война и мир”: “Денисов был маленький человек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмаченными усами и волосами. На нем был расстегнутый ментик, спущенные, в складках широкие чикчиры, и на затылке была надета смятая гусарская шапочка”. В несколько ином виде рисует себя сам Давыдов в стихотворении “Партизан”, навеянном воспоминаниями о 1812 годе:

*Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской...*

Стихотворение написано в ноябре 1826 года на Кавказе и имеет авторскую помету "Тифлис". На выход в свет в 1840 году второго издания сочинений "певца-гусара" большой статьей отозвался Белинский: "Давыдов, — писал он, — принадлежит к примечательнейшим людям блестящего царствования Александра Благословенного, царствования столь богатого и славного талантами на всех поприщах, блестящего знаменитостями и славами всех родов. Давыдов примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности".

В последние годы Давыдов долго хлопотал о перенесении на Бородинское поле праха Багратиона, у которого служил адъютантом с 1807 по 1812 год. Он был уже назначен командиром почетного эскорта для сопровождения останков героя, но 22 апреля 1839 года в возрасте пятидесяти четырех лет скоропостижно скончался, выронив из рук перо. Написанная от третьего лица автобиография поэта (известная также под названием "Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова") имеет, по словам Белинского, все "родовые приметы пера Давыдова и отличается таким добродушием, такою откровенностью, искренностью, такою удаюлю размашистостью и оригинальностью!" Именно здесь, в ее заключительных строках, разгадка личности нашего героя: "Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях: в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли, везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!"

Н. МАРКЕЛОВ.

Пятигорск.

Календарь

Июль в истории войск

1811

Император Александр I утвердил Положение для внутренней стражи, которым были определены ее служебные задачи.

1918

Отряд ВЧК принял участие в подавлении левозсеровского мятежа в Москве.

1919

Созданы секторы войск, аналогичные нынешним округам внутренних войск.

1921

Утверждены Положение об организации войск ВЧК и Положение о конвойной страже Республики.

1923

Приказом РВС СССР и ГПУ объявлено о формировании авиазвеньев войск ГПУ.

1934

Постановлением ЦИК СССР образован общесоюзный Наркомат внутренних дел. Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ реорганизовано в Главное управление пограничной и внутренней охраны с включением в состав этого наркомата.

1937

Постановлением ЦИК и СНК СССР для командного, начальствующего и рядового состава пограничной и внутренней охраны введена форма одежды и знаки различия, аналогичные РККА.

1941

Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ объединены в одно ведомство — Народный комиссариат внутренних дел СССР.

1944

Части войск НКВД провели по Москве 57 тыс. немецких военнопленных.

1946

Расформированы бронепоезда войск МВД по охране железных дорог.

1966

Указом Президиума Верховного Совета СССР образовано союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка (МООП).

В его составе было создано Главное управление внутренних войск, внутренней и конвойной охраны (ГУВВВВКО).

1973

Создан Ансамбль песни и пляски внутренних войск.

1976

На XXI Олимпийских играх в Монреале участвовало 54 спортсмена внутренних войск, которые завоевали 19 медалей.

**Информация предоставлена
Центральным музеем
внутренних войск МВД России.**

ВОЛКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Документальное повествование

1. "Воры, любите советскую тюрьму!"

— Хоть нас и называют паразитами на живом организме зарождающегося общества, любите советскую тюрьму. Чтите ее начальника, потому как он докладывает туда. — Палец пахана указал куда-то вверх, на осыпавшийся от ветхости потолок камеры. — А то, неровен час, усмотрят господа пролетарии неудобство нашего сидения да и выгонят всех к чертовой матери на вольные хлеба. А паек наш сам товарищ Дзержинский повелит передать в детские дома.

Пахан любил под настроение проводить просветительскую работу среди сокамерников. Любил подмечать, с какой жадностью впитывают они наставления непрерываемого авторитета, молва о котором колом катилась, прежде чем он в очередной раз появлялся у обитых железом ворот очередной тюрьмы, именуемой новыми властями домзаком.

— А пошто евоюю любить? Аль она нам мамка? — съязвил кто-то из сидельцев.

Не удостоив вниманием задавшего вопрос, пахан ровным голосом продолжал:

— Чем, я вас спрашиваю, была заменена царская тюрьга? Кандалы, цепи, одиночки, мордобой — где это теперь? Молчите? А я вам отведу: в музее имени мировой революции.

Публика действительно молчала, ибо входящему в тюремную жизнь новому поколению не хватало знаний, приобретаемых с опытом. Пахан же любил задавать вопросы, но не терпел выслушивать ответы на них, чаще всего бестолковые по своей сути.

Революция, отменив царские законы, не могла в одночасье вместе с ни

черкнуть такое социальное явление, как преступность. Уголовный мир живуч, и потому он споро и безболезненно вписался в тюремные стены социалистического государства — со своей собственной этикой и со своими твердо выполнявшимися по всем тюрьмам законами.

Братва, внимавшая рассказчику, понимала значение слова "закон", а вот понятие "этика" с чем-то конкретным в арестантских головах не соотносилось. Многие вообще не понимали, к чему весь этот базар, если можно провести время и поинтереснее. Но пахан всех держал в кулаке. Он-то прекрасно знал что к чему.

После 17-го года уголовный мир России растворился среди преступников новой формации: контрреволюционеров, спекулянтов, растратчиков. В силу многих причин стала стираться грань между вором-профессионалом и зажавшимся обывателем. Старые тюремные сидельцы, такие же, как и он, паханы — или иваны, как именовались они в прежние времена, тяжело вздыхали, обнаружив в один прекрасный момент, что воровство перестает быть только их профессией — профессией отверженных.

Каждая революция, каждая большая или малая война множит преступный мир. На Россию же одновременно обрушилось и то и другое.

Но что они значат, эти волчата, без достаточных навыков, четкой организации и крепких связей между собой? Преступное ремесло без опоры на матерых скупщиков краденого — блеф. Вот почему профессиональные преступники с дореволюционным уголовным прошлым окрестили этих неумех жиганами. Так в прежние времена именовали тюремный пролетариат — базарных босяков и карточных должни-

ков. Однако новый тип жиганов имел одно существенное отличие от тех, зачастую малограмотных людишек.

Как правило, выходцы из мелкобуржуазной среды, новоявленные жиганы имели более высокий интеллектуальный уровень, что в жизни далеко не маловажно. На первых порах где хитростью, где силою они сумели поднять под себя старых воров, число которых заметно поубавилось в связи с активностью революционных чрезвычайек, поначалу бойко пускавших в расход ворье.

Так молодежь оказалась во главе большинства преступных банд и шаек, стала задавать тон в преступных сообществах как на свободе, так и в местах заключения.

Что-то, а обычаи преступного мира жиганы усвоили быстро. Вдобавок к тому, они обогатили старые традиции новыми идеями. Чтобы как-то оправдывать свой образ жизни в глазах близких, друзей и знакомых, они свою преступную деятельность преподносили как выражение несогласия, как своего рода протест против Совдепии. Поэтому за жиганами постепенно закрепилось и еще одно прозвание — "идейные". Именно в этом духе "идейные" воспитывали своих подопечных — шпану из многотысячной армии беспризорных.

Новая экономическая политика, в значительной степени оживившая частную торговлю и предпринимательство, породила постреволюционное расслоение общества на богатых и нищенствующих. Для обслуживания советских буржуа пышным цветом расцвели казино, рестораны, торгсины, сутенерство и проституция. Новые хозяева жизни были на виду: только успевай потрошить их кошельки да чистить квартиры. Поскольку большинство капиталов наживалось нечестным путем, лишь единицы ограбленных рещались обратиться за помощью в милицию.

Проводя политику кнута и пряника, "идейные" повсюду насаждали свои законы, вовлекали в шайки новых членов и жестоко карали за отступничество.

Однако лидеры старого преступного мира недолго оставались в тени. Ими было принято решение дать бой "идейным", чтобы верховодить дальше, а главное — не позволять в дальнейшем "тянуть политику в блатный фарт". Иначе говоря, вносить политические убеждения в преступную идеологию. Старые воры активно объединяли сторонников, прекрасно сознавая, что именно за политику государственные органы будут карать по всей строгости революционных законов, тогда как иная преступная деятельность, связанная с корыстью, может быть легко и просто объяснена с марксистской точки зрения как пережиток прошлого. Ведь не случай-

но же советские вожди заявляли, что уголовная преступность непременно себя изживет сама, как только улучшится экономическое положение в стране, будет ликвидирована безработица.

Надо сказать, что 20-е годы для преступников-профессионалов были поистине золотым временем. Во многих случаях заведенные на них досье сгорели ярким пламенем в огне революционных погромов полицейских канцелярий. ОГПУ прежде всего интересовали "контрики", "шпионы Антанты", вожди политического бандитизма. Учет тех велся строго по всей территории Союза. А вот борьба с "уголовкой" в общесоюзном масштабе координировалась слабо. И хотя по общесоюзным Основам уголовного законодательства рецидив являлся отягчающим вину обстоятельством, списки осужденных по этим статьям велись только на республиканском уровне, да и то зачастую из рук вон плохо. Стоило рецидивисту перебраться из одной союзной республики в другую, как он вполне мог скрыть прежние судимости и вместо положенного за новое преступление — увеличенного срока и тюремного содержания — отделаться легким испугом в виде направления в исправительно-трудовую колонию, предназначенную для "случайно впавших в преступность рабочих и крестьян".

А вот там-то он и открывал свою школу тюремного воспитания, выполняя воровскую постановку: оторвать шпану от жиганов, объединить заключенных вокруг себя, чтобы, опираясь на них, возрождать в полном объеме порядки дореволюционной тюрьмы.

Коль преступник решает стать профессионалом, то здесь, как и во всякой сфере труда, существует разделение по специальностям. Есть своя профессиональная честь, свои герои, своя солидарность (по типу профсоюзной, но без письменно фиксированного членства). Да и приемы, применяемые в "работе", строго дифференцированы. Словом, глубоко ошибается тот, для кого все воры на одно лицо. Преступный мир знает несколько десятков воровских профессий. Достижимое мастерство — результат длительного обучения преступному ремеслу.

У воровских авторитетов с дореволюционным стажем выделялась своего рода элита — так называемые "козлятники" — профессионалы высшего класса. Как правило, таковыми становились с возрастом, и именно им — матерым сообществом своего дела — воровское сообщество доверяло обучение подростков. В зависимости от того, где в данное время находится "профессор", там и ведутся занятия. Причем обучение в тюрьме являлось предпочтительным, так как за плохо усво-

енный урок не грозил срок или физическая расправа. Над незадачливым учеником могли позлорадствовать лишь сокамерники. Потому-то на блатном жаргоне тюрьму именуют не иначе как "академией".

— Для того чтобы стать истинным вором, — поучал пахан, — надо стать лучшим в своем ремесле. Универсализм для вора далеко не лучшее качество.

Если бы в тот момент нам довелось наблюдать за слушателями, то наверняка отметили бы, что большинство обитателей нар с интересом впитывают урок. Где и когда смогли бы эти люди почерпнуть столько советов, которые, как знать, возможно, уже и завтра пригодятся в жизни?! Поди угадай, как оно повернет. Революция разметала одних буржуев, нэп породил новых...

— А коль надоест одна ремеслуха, можно ли поменять профиль?

Пахан будто бы только и ждал этого вопроса, он так весь и вскинулся:

— Всегда, во все времена у нас была в цене верность единожды избранному ремеслу. Это одна из высококочтимых традиций. Перемена "специальности", даже временная, случайная, не обоснованная уважительными причинами или обстоятельствами, говорит о моральном падении. А честь для вора — это все! Вот почему профессия, как имя, дается раз и на всю оставшуюся жизнь. В ней ваша воровская гордость.

У тех, кто готовился вступить на тернистый воровской путь, от высокопарных пахановых слов под рубахой стали прорезаться крылышки. Со временем они помогут вознести хозяина из бездны неизвестности на вершину тюремного Олимпа. И как знать, возможно, со временем уже его поучения будут слушать воровские волчата в не проведенной ни по каким государственным учетам академии.

Обучение пахан ввел в систему, посвящая ему вечера, именно то покойное время, когда дневная жизнь, оглашаемая

лязгом задвижек и замков, постепенно замирала, а надзорсостав в отсутствие начальства позволял себе расслабиться.

Один из очередных уроков был посвящен тюремной иерархии и возникновению воровских традиций.

При царе-батюшке все тюремное население разделялось на несколько сословий. Власть в тюрьме принадлежала иванам. Кто такой иван? Это тюремный старожил. От его воли зависела судьба каждого сидельца. Чем иван мог заслужить свой высший титул? Тем, что он предан своему ремеслу и виртуоз в нем. Он многие годы провел за решеткой, но слаще всего для него была воля. Он ловок, хитер, знает, как увернуться от грозящей кары. Он властелин положения. Только ему и таким, как он, принадлежит право распоряжаться жизнью и смертью других.

Следующее сословие, стоящее ниже на иерархической лестнице — храпы. Эти всегда и всем возмущены. По ним — все неправильно, незаконно, несправедливо. И не только в действиях тюремного начальства, но и сотоварищей. Ничто так их не радует, как конфликты, которые чаще всего они сами и затевают, быстро уходя в тень. Многие из них хотели бы стать иванами, но это не всякому дано. Нужен заслуженный авторитет, нужны личные качества, а это уже от Бога. Если он тебя умом обделил, ничто не поможет занять самое высокое положение в среде заключенных.

Третье сословие — жиганы, не имевшие никакого отношения к воровской братии: мошенники, насильники, те же храпы, нарушившие правила-заповеди тюрьмы и за то поплатившиеся.

Дальше следует шпана. У этих в тюрьме нет никаких прав. Они вечно голодные и вечно гонимые. Их обкрадывают жиганы, запугивают и обирают храпы, но шпана не способна к объединению, а отсюда и соответствующее отношение...

— В тюрьме, — поучал пахан, — каждый

Год назад Президент России подписал Указ "О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы", в соответствии с которым увеличены оперативные части внутренних войск. Год назад правительством начат новый этап в широкомасштабном наступлении на страшное социальное зло, каковым является преступность. И что же?

Борьба с преступностью предстает долгая и трудная. А чтобы вести ее, надо хорошо знать, с кем имеем дело, каков преступный мир изнутри по ту и по эту сторону колючей проволоки, как приспосабливается он к новым обстоятельствам, мимикрирует, изворачивается, затягивает в свою паутину молодых и доверчивых людей. Надеемся, что много интересного и полезного для себя читатель почерпнет из документального повествования полковника внутренней службы Станислава Ивановича КУЗЬМИНА, доктора юридических наук, профессора Академии МВД России, нашего давнего автора.

обязан знать и соблюдать правила-заповеди арестантской жизни. Хранить тайны и не выдавать замыслы сотоварищей. Пусть каждый зарубит себе на носу: любая измена, в какой бы форме она ни выражалась, влечет за собой неминуемую кару. Тех, кто засыпал товарищей по делу, как и вообще всех "язычников" (доносчиков), ожидает смерть. Никто не уйдет от расплаты.

Пахан тут лукавил: возмездие не всегда находило жертву. Но "записки", указующие на изменника и требующие "прикрыть его дело", с любой оказией направлялись по всем тюрьмам страны. Отступник не просто должен быть зарезан: нож непременно следовало повернуть в нанесенной ему ране...

Нублика в камере время от времени расставалась с одними сидельцами и принимала других. Новичка поджидали, так как предстоял обряд посвящения в "арестантство". Стоило только надзирателю закрыть за ним дверь, как в камере начинали раздаваться возгласы: "Подать оленей". Тут же двое добровольцев становились друг к другу спиной, их туго связывали полотенцами в области поясницы, а когда они наклонялись каждый в свою сторону, накрывали одеялом. "Олени" были поданы. Дело за новичком. Если он добровольно не взбирался на "олений", чтобы прокатиться, его усаживали насильно. Стоило ему только очутиться на "олене", связанные распрямлялись и несчастный оказывался будто бы зажатым в тисках. От такого катания ему и так становилось худо, а тут еще сокамерники принимались хлестать скрученными в жгуты полотенцами... Однако только после такого испытания новичку определялось место в среде заключенных, присваивалась кличка.

Пахан поощрял тюремные забавы. "Оленями" дело, естественно, не кончалось. Существовали еще и такие развлечения, как "охота на клопов", "погоня за крысами", "соревнование вшей", "репетиция судов" и другое.

Особое место занимали игры в карты или в "святцы". Перипетии карточных баталий доставляли сокамерникам исключительно острые переживания. Законы этих игр отличались особыми строгостями, которые, тем не менее, не останавливали азартных и заядлых игроков. К тому же строгости отменялись, если игрок предлагал перекинуться в картишки стоящему ниже на иерархической лестнице. Об истовых картежниках ходили легенды по всем тюрьмам. С такими играть было опростетчивым шагом, но зато и весьма почетным: обыграть маэстро — высший шик!

Пахан поощрял игру в карты, но сам не

садился: это было ниже его достоинства. За игрой следил внимательно, присматриваясь к любителям острых ощущений, запоминая сильные и слабые стороны игроков. Он же выступал в роли третейского судьи.

А играли буквально на все, имевшее хождение в тюремном обиходе. Допустивший обман и уличенный в этом подлежал наказанию. Карточный долг — долг чести арестанта, он должен быть выплачен точно и в строго назначенный срок. Разрешалось переводить его на другого, если было на то согласие выигравшего. Нерасплатившийся должник подлежал суровому наказанию и объявлялся несостоятельным. Особенно незавидна была участь проигравшегося в ставке "на службу", поскольку он попадал на какое-то время в самое настоящее рабство, подвергался безобразнейшим издевательствам, которые, однако, обязан был безропотно сносить.

Разумеется, тюремное руководство стремилось внимательно следить за поведением воровских авторитетов, поскольку от них во многом зависела общая обстановка. Еще в 1923 году Главное управление местами заключения в специальном циркуляре обращало внимание местных органов на то, что "в ряде исправительных учреждений наблюдается обычное в старое время явление, когда привычные тюремные сидельцы, так называемые иваны, образуют сплоченную группу, начинают верховодить заключенными, терроризировать молодых и неопытных товарищей. Иваны устанавливают тесную связь с другими местами заключения и уголовными элементами, находящимися на свободе, и таким образом получают интересующие их сведения из преступного мира". За этой группой заключенных предписывалось "вести особо тщательное наблюдение и в случае обнаружения с их стороны стремления верховодить и властвовать немедленно изолировать как элемент опасный и деморализующий прочих заключенных".

Только вот шансов реализовать эти требования было немного. Большинство старорежимных надзирателей, не дававших спуску тюремной верхушке, после революции были изгнаны и не только во время всевозможных чисток госаппарата. Приложили к этому руку и воровские авторитеты, четко уловившие веяния времени и писавшие, писавшие жалобы в различные инстанции на укравшихся "царевых служаков". А надзиратели новой формации из-за нищенской оплаты труда и непростых условий работы долго не задерживались. Текучесть среди надзорсостава была так велика, что сплошь и рядом выполнение

его обязанностей возлагалось на... самих же осужденных из разряда "образцовых".

Сокамерники пахана внимательно присматривались к его поведению. На прогулки выходил он при любой погоде и при существовавшем свободном режиме никогда не возвращался в камеру раньше времени. Утром и днем обязательно делал зарядку и докрасна растирался влажным полотенцем. В пище был умерен, предпочитал овощи. Тщательно следил за своей одеждой, аккуратно складывал, когда ложился спать или занимался физкультурой. Руки всегда мыл только с мылом и тщательно обихаживал ногти. Все это впечатляло молодых сидельцев.

Как-то на прогулке карманник по кличке Свисток заметил, что надзиратель перегнулся с паханом и вроде бы кивком головы указал на угол прогулочного двора. Пахан и бровью не повел: все той же размеренной походкой двинулся в указанном направлении и, когда надзиратель на миг отвернулся, что-то ловко подхватил с земли. Скорее всего это была записка, и касалась она чего-то очень важного. По крайней мере, Свисток видел, как, придя с прогулки, пахан достал тетрадь, вырвал лист, набросал несколько строк и велел Сиплому позвать коридорного надзирателя. Как только тот приоткрыл "кормушку", пахан сунул ему перегнутый пополам листок.

В последующие два дня пахан как бы ушел в себя: был сосредоточен, молчалив, лишь однажды зыркнул на сокамерников тяжелым хмурым взглядом, которого было вполне достаточно, чтобы воцарилась тишина и разговоры велись только шепотом.

На третий день перед обедом надзиратель открыл "кормушку" и уважительно сказал пахану, что его просьба об отпуске на полевые работы удовлетворена, после приема пищи он должен быть готовым на выход с вещами.

Из казенного довольствия пахан пользовался только кипятком, но и к своим харчам в этот день он не прикоснулся — велел разделить на всех, отметив тем самым свое убытие в отпуск (нововведение в тюремной практике 1925 года). За себя старшим в камере он назначил Свистка, приказав тому при всех неясностях испрашивать совета у Беспалого — сидельца 43-й "хаты".

Больше жизненные пути Свистка и пахана не пересекались. Уже значительно позже, на строительстве грандиозного канала "Москва—Волга" знакомый вор кое-что рассказал ему. Оказывается, пахан весьма оригинально "укреплял сельское хозяйство". Полевые работы его, разумеется, не волновали. Он махнул в Питер, поживился золотишком и камешками и

вскорости возвратился досиживать срок. Питерская уголовка с ног сбилась в поисках преступника, грабавшего музейные ценности, а он в это время посмеивался в кулачок, прячась за надежными тюремными стенами. Вряд ли кому в голову приходила мысль искать преступника в тюрьме...

Свисток, ставший в отсутствие пахана первым человеком в камере, быстренько почувствовал всю прелесть своего положения. Перед ним стали заискивать сокамерники, лучшие куски ложились на его стол. Теперь было важно не уронить престиж, насаждать блатной порядок и следить за ним.

Первое испытание не заставило себя долго ждать. Хорек проиграл в карты Фортуне не только все с себя, а еще и три червонца, которые ему якобы должны были передать с воли. Установленный срок прошел, а деньгами не пахло. Фортуна начал возмущаться, требовать справедливости, угрожать. Камера гудела, как растревоженный улей. От Беспалого поступило указание применить к виновному одну из самых жестоких статей воровского кодекса чести: присудить к "динаме". Это означало, что с того момента, как Свисток объявит решение авторитета, Хорек становится самым отверженным среди отвергнутых тюремной элитой. Отныне обитателям камеры предписывалось относиться к нему, как к одичавшей паршивой собаке. Место отводилось ему у порога рядом с зловонной парашей. Любому из сокамерников разрешалось беспричинно ударить его, плюнуть в лицо или пищу, отобрать приглянувшуюся вещь. При малейшей попытке новоявленного "динами" защититься все обитатели камеры должны были дружно встать на сторону обидчика. Впредь, что бы ни случилось в камере, ответственность на себя брал "динама", а все обязаны были указывать на него как на виновного. Любые работы по поддержанию чистоты в камере — тоже его дело...

Свисток объявил приговор и не оплошал в дальнейшем, следя за исполнением воровского закона. Для заядлых картежников, да и для него самого это был хороший, наглядный урок.

В середине 20-х годов в преступном мире готовилось перераспределение власти. Если на свободе "идейные" все еще правили бал, то в тюрьмах их опору — шпану — тихонько, планомерно и настойчиво прибирали к рукам потомственные иваны (сидельцы, бродяги, каторжане, староротские, паханы), издевавшие еще царские тюрьмы и каторги. "Революционный шок" прошел, и теперь они вновь

почувствовали себя как рыба в воде. Безраздельная власть повсеместно возвращалась к ним.

Да оно и понятно: иваны лучше других ориентировались в условиях изоляции от общества, объединяли вековые "ценности преступного мира", оставаясь последовательными носителями традиций и обычаев криминальной среды прошлого — хранителями "истинной веры", "старых заветов".

Чтобы противостоять "идейным", они приближали к себе даже тех, кого раньше не подпускали на пушечный выстрел. Близких же задрабывали как только могли. Так были наконец признаны преступниками "босяцкие по духу" — карманники. Тюремной верхушке приходилось с ними считаться, поскольку после революции их ряды заметно пополнились за счет беспризорников.

Поддерживали иванов и три других крупных преступных клана: налетчики, квартирные воры (домушники, а также специализировавшиеся на хищениях из госучреждений) и майданники (промышлявшие на железнодорожном транспорте). Вместе они стали уделять особое внимание заполнившей тюрьмы шпане, нещадно эксплуатируемой на свободе жиганами. Это и позволило в конечном счете на "идейных" поставить крест.

Присмотревшись к тюремной жизни, Свисток не мог не заметить, что между крупными авторитетами никогда не было никакой вражды. Напротив, они всегда старались поддерживать добрые, уважительные отношения друг с другом. Потом он поймет, почему эта публика считается самой чистоплотной в воровском мире. Как правило, они индивидуально занимались своим ремеслом, и при задержании каждый отвечал только за себя. От всех других тюремная элита отличалась большей выдержкой, артистичностью, изворотливостью и мгновенной сообразительностью. Задатки, точнее, зачатки этих качеств Свисток находил и у себя. Это тешило его самолюбие. Выходило, что путь наверх ему не заказан.

2. Соловки — Беломорканал

Во второй половине 1928 года небольшие этапы ручейками потянулись из тюрем на Соловецкие острова. Волна судимых, отправленных отбывать туда наказание еще в двадцать втором-двадцать третьем годах, постепенно теряла свою силу: оканчивались сроки приговоров.

В экономическом плане островное хозяйство набирало обороты, требовалось все больше и больше рабочих рук. Пользуясь этим, многие тюрьмы попросту из-

бавлялись от неугодных, ссылая их на Соловки. В то время, по официальным данным, профессиональные преступники насчитывали примерно 4,2 процента от всех заключенных, отбывавших наказание на территории РСФСР. Именно они составляли твердое и спянное ядро преступного мира. Именно они в основном и вошли в новые партии соловецких сидельцев.

Надо сказать, что тамошние условия жизни воров не пугали. Многочисленные публикации в печати (в том числе и островой) способствовали закреплению за тамошним лагерем доброй славы. Уж одно то, что на Соловках не надо будет постоянно нюхать вонь переполненных камер, что узаконено свободное передвижение по острову без всякой охраны, радовало и бодрило. Уголовники ехали сюда больше с любопытством, чем со страхом. Да и почта работала превосходно: например, письмо в Загорск приходило оттуда на пятые сутки...

С одним из этапов в Соловецкий лагерь ехал и Свисток. В конце пути у причала партию заключенных поджидал небольшой видавший виды пароходик с аршинной надписью на борту — "Глеб Бокий". Кое-кто из арестантов, прочитав название судна, пытался соотнести его с именем какого-нибудь святого. Однако конвоир внес ясность: своим именем пароход обязан ныне здравствующему заместителю председателя ОГПУ.

"Стало быть, на чекисте прокатимся?!" — обронил кто-то в толпе заключенных, и все дружно загоготали.

Началась посадка. По прогибающемуся под тяжестью трапу поднялись на борт. Многим впервой довелось увидеть море...

На материке, после приема этапа местными чекистами, заключенные провели три недели в карантине. Затем все они были зачислены в 9-ю роту, которой командовал бывший царский полковник, выходец из прибалтийских немцев.

Вскоре все действительно убедились, что лагерная жизнь не чета тюремной. С одной стороны — вроде бы свобода без решеток, щеколд и параша. С другой (что уже никак не радовало) — каждый день выходи на работу, которой большинство из них и на свободе-то чурались. К тому же приварок к котловому довольствию можно было получить только с посылкой. Но откуда ее ждать бывшему беспризорнику? Кое-кого выручали азартные игры, но за них здесь строго наказывали. Поэтому прежде чем раскинуть картишки, выставляли охрану, дабы не застали играющих врасплох.

В бараке, где обосновался Свисток, наиболее заядлыми картежниками были два молодых вора — Руль и Филин. В тот многим памятный вечер в углу барака неярко

горела керосиновая лампа. На ее стекло был плотно надет лист ватмана, направлявший пятно света вниз, к фанерному чемодану, служившему для играющих столом.

Поединок Руля с Филином шел с переменным успехом. Сражались они истово, еще от самой вятской тюрьмы. Деньги и вещи то и дело переходили из рук в руки.

На этот раз фортуна явно изменила Филину. Под смехи окружающих он стянул с себя брюки и бросил на уже проигранные вещи.

Руль небрежно, двумя пальчиками, словно боясь испачкаться, приподнял их, будто бы рассматривая и оценивая.

— Рупь им красная цена, — наконец язвительно заключил он, чем окончательно взорвал партнера.

— Рупь?! — заорал тот. — Да ты что, падла, издеваешься?! Я же тебе и так их задарма отдаю!

— Дык носи сам, а то, неровен час, отморозишь задницу, — небрежно обронил Руль, поднимаясь со своего места, что, по сути, означало конец игры.

— Сядь! — со злобой гаркнул Филин.

Руль хотя уселся обратно, с профессиональной ловкостью перетасовал колоду и дал Филину сдвинуть крышу.

Очередная партия заняла минуту, не больше. Филин остался без своих, оцененных в полтора рубля, штанов. Больше играть ему было не на что. Переброситься в долг партнер не соглашался, никто из окружающих займы не давал. В отчаянии Филин рискнул поставить на кон палец левой руки, оценив его в трешку. Зная бешеный норов Филина, Руль возражать не стал и опять выиграл...

Утром Филин в составе бригады вышел на разделку древесины. Всю ночь он не смыкал глаз, ворочаясь на нарах. Деваться было некуда. Струсишь — автоматически попадешь в разряд "динами".

Когда все по сигналу потянулись на обед, он положил мизинец на заранее облюбованный пенек и коротким, резким движением рубанул по пальцу...

Пока Филин находился в лазарете, молва о случившемся облетела барак. Не каждый мог решиться на такое, и Филин обрел ореол героя, что явно пришлось ему по душе. Однако через месяц, когда рана затянулась, его неожиданно арестовали и водворили в камеру следственной тюрьмы. А еще примерно через месяц на утренней проверке заключенным было доведено, что по постановлению коллегии ОГПУ СССР "за контрреволюционный саботаж — статья 58-я пункт 14-й, — выразившийся в дезертирстве с трудового фронта посредством нанесения себе телесного повреждения", восемь заключенных, в том числе и Свиридов Яков Семе-

нович (он же Филин) приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Поскольку по установленному порядку приказы объявлялись во всех арестантских ротах, то в тот день лагерь только и жил этой новостью. Лимон — самый авторитетный на Соловах вор — дал команду собрать сходку. После отбоя человек двадцать сошлись в бане за накрытым за счет "общака" столом. Здесь же находились две бабенки — Манька-граммофон и Верка-крыса. Прислуживал сам завбаней, а помогал ему Свисток, впервые допущенный на такое мероприятие.

Первым делом Лимон предложил помянуть сотоварищей, ушедших в мир иной не по своей воле. Затем объявил повестку сходки. Первым и, значит, самым важным стоял вопрос о реагировании на явно обозначающую репрессивную линию коллегии ОГПУ по отношению к отказывающимся от работы и особенно "саморубам". (Филин и же с ним были далеко не первыми в списке расстрелянных.) Выбор таков: либо по-прежнему стоять на своем, либо что-то менять в написанном воровском законе.

Прений не предусматривалось. Каждому следовало определиться самостоятельно, без посторонней агитации, и высказать только одно: за что он стоит. Воздерживающихся быть не могло. Начали с Лимона и далее по часовой стрелке. Результат опроса показал, что победил здравый смысл и инстинкт самосохранения.

Воровская "постановка" ушла на материк и далее по всем тюрьмам Союза. В числе прочего его под страхом смерти запрещалось ставить в любой игре на кон пальцы. И надо отметить, что с конца двадцатых и по сей день в местах лишения свободы не отмечалось случаев саморубства из-за проигрыша в карты.

Вторым и последним на сходке решался вопрос об отношении к начальнику производственных работ Френкелю. Уж больно скор он был на расправу. Его железных кулаков побаивались многие. В этом человеке как бы воедино слились преступник и законник. И окружил он себя самыми настоящими бандитами из одесских притонов — такими же громилами со звероподобными физиономиями, как и у него самого. В этом окружении он передвигался по территории лагеря.

К единому решению не пришли, и потому вопрос о Френкеле остался открытым.

С.КУЗЬМИН.

(Продолжение следует).

Нынешней весной в столице Министерство внутренних дел и Союз писателей России провели первое совещание литераторов МВД. Сегодня мы знакомим вас с поэтическими произведениями некоторых его участников

Привал далек

Владимир СМIRHOV,
подполковник милиции

МЫ БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ...

Мы безымянные поэты,
К Отчизны бедам не глухи.
Лишь подойдет мужичье лето,
Из сердца выкуем стихи.
Их понесем, как меч, по весям,
Кому-то головы рубя,
Но, замахнувшись,
прежде взвесим,
Не пощадили ли себя?
А потому не будьте строги,
Бросая рукописи в стол.
Нам душу вытрясли дороги,
А кто-то просто не дошел...

Где мои седые ивы
На моложских берегах?
Деревенский конь спесивый
На стреноженных ногах?
Тихий скрип плетеной зыбки
На сухой подвеске гибкой,
Игры с девками в стогах,
Гармонисты в сапогах?..

Как давно все это было.
Высох времени ручей.
Под остожьем сгнили вшлы.
Луг скосить не хватит силы.
Я стою, как у могилы...
Бывший сын и бывший милый,
Сам не помню даже чей.

Белый мох колыхнулся пружиной.
Шепот сосен. Усталая грусть.
Я сюда прибежал за малиной
Так давно, что и вспомнить боюсь.

А теперь по кустам забуселым
Вырастают грибами кресты
Матерям,
Что не бросили веры,
Не сожгли за деревянной мосты.

На Руси завещание свято!
Им, пожившим уже в городах,
За калиткой домов-интернатов,
С санитарками век не в ладах,
Захотелось домой возвратиться
На заброшенный этот погост,
Чтоб березкою юной проснуться
У ржаных пожелтевших полос.

Белый мох колыхнулся пружиной,
Летней пылью всклубилася грусть.
Пьяный копаль побрел за аршином
Вновь делить неделимую Русь.
Вологда.

Евгений АССАНОВ,
подполковник внутренней службы

У МАВЗОЛЕЯ. 1990 г.

Я один. Стою у Мавзолея
Со склоненной скорбно головой.
Нет, я не Ульянова жалею —
От стыда глаза поднять не смею
Перед разворванной страной.

Елки голубые, как солдаты,
В карауле вечном у стены.
По брусчатке, чуть шероховатой,
Мимо тех имен, что были святы,
Мальчишки печатают шаги.

Нелегко мне с прошлым
распроститься,
Все равно, что память потерять.
Вот бы в юность снова
возвратиться
Хоть на миг наивности лишиться,
Чтобы никого не восхвалять.

Я бы не искал уже кумиров.
 На незримых взвесил бы весах,
 Кто они: Буденный, Ворошилов,
 Ленин, Сталин, Крупская и Киров...
 На бесстрастных взвесил бы весах.

И опять брожу у Мавзолея.
 Цуриит глаз усталый часовой.
 По привычке все-таки робею.
 Как грехи я замолить сумею,
 Те, что были сделаны не мной?
 Москва.

Галина ПРОКОПЕНКО,
 майор милиции запаса

ТАМ, ЗА ПЕРЕВАЛОМ...

Марево такое—
 Горы в пелене.
 Нет душе покоя.
 Нет конца войне.
 Потерпите малость,
 Братцы-господа,
 Там, за перевалом,
 Может, есть вода.

Пыльная дорога—
 Камни да песок.
 Сил проси у Бога,
 Коль привал далек.
 А за перевалом,
 Может, есть вода.
 Всякое бывало.
 Горе не беда.

Долгая разлука.
 Да жива ли мать?
 Страшная наука —
 Братьев убивать.
 А за перевалом,
 Может, есть вода.
 На лице усталом
 Веры нет следа.

Вдруг мелькнули шашки.
 Меркнет белый свет.
 Стали вмиг рубашки
 Словно маков цвет.
 Там, за перевалом,
 Всем нашлась вода.
 Летой называлась
 Речка, господа.

Я в тихой выросла долине,
 Затерянной средь синих гор.
 И помню песни о калине.
 Закат. Снег алый на вершине.
 Большие звезды. Речку. Деор.
 Я буду счастлива, пока

Стоит наш домик над горою
 И предвечернею порою
 Мне шлет свой знак издалека
 Дымок над треснувшей трубою.
 Балашиха.

Олег ВОРОПАЕВ,
 старший лейтенант милиции

Река. Дорога. Лунный свет
 По берегам скользит уныло,
 Как будто времени здесь нет,
 Как будто прошлое застыло.

Какой соблазн — представить вдруг,
 Что годы не согнули плечи
 И не забыт условный стук
 В окошко, что горит далече.

Какой соблазн — под шум реки
 Войти в шатер плакучей ивы,
 Где были встречи коротки,
 А поцелуи торопливы.

Тебе листки моих стихов
 Подставкой для кастрюль служили.
 Любя, простить я был готов.
 Но боли обожженных слов
 Стихи прощать не разрешили.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь — это больше,
 чем перечень лет,
 Больше, чем провода в старость...
 Весело смотрит
 мой детский портрет
 На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
 Скучных дорог километры?
 В детской улыбке наивно живет
 Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый,
 Мальчик смешной,
 Сердцу не сладить с годами...
 Лишь иногда я бываю тобой —
 В дни возвращения к маме.
 Ставропольский край.

Эндрю ГАРВ

ПЕПЕЛ "ПОДЫ"

Приключенческая повесть

Часть 1

Мисс Фелпс доложила своему патрону, мистеру Коу, что лорд Квейнтон прибыл.

— Можете войти, — сказала она мне.

Я кивнул и прошел в редакторскую.

Джон Кол поднялся, дружески меня приветствовал:

— Очень рад снова видеть тебя, Тим!

Это был высокий, худой, морщинистый господин. Я работал на него уже почти десять лет. Сначала как репортер, а потом как зарубежный корреспондент. Я любил и уважал этого человека.

— Садись, дружок, и прости: вчера целый день был занят, не смог уделить тебе и минутки. Ну как ты?

— Я в порядке.

— Здоровье? Никаких неврозов? Неприятностей не было в Москве?

— Все без приключений.

— Тогда отлично. Хотя выглядишь ты, надо сказать, не блестяще. Сможешь в скорости совершить еще такой же вояж?

— Конечно, — сказал я. — Там сейчас так интересно: их отношения с Китаем, трудности с урожаем, так называемая оттепель... Не соскучишься.

— Добро. Ты умеешь все подмечать и интересно излагать, работаешь отлично, и наша газета в тебе очень нуждается.

Я принял комплимент как должное.

— Через шесть недель отправишься в Россию, побываешь на Украине, поинтересуешься работой в колхозах. Никаких враждебных выпадов, только дружеские беседы с людьми. А потом можешь все это описать. Конечно, тебя ждут трудности...

Я кивнул:

— Оттепель не распространяется на такого рода поездки. Там не любят, когда мы становимся дотошными.

— Между прочим, у меня дома сегодня будет советник посольства Брессов, может, зайдешь?

— Нет, не смогу, занят, — ответил я, поколебавшись.

— Жаль! И не можешь свои дела отметить, Тим?

— Хотелось бы, но обстоятельства...

Босс поморщился.

— Не привык приказывать, дело добровольное. Тем более ты в отпуске. Желаю хорошо отдохнуть.

— Спасибо, — ответил я. — Постараюсь.

А в восемь часов вечера я уже сидел в ресторане, с нетерпением поджидая девушку, с которой познакомился только вчера.

Все произошло чисто случайно. Прилетев из Москвы и расположившись в отеле "Странд", я позвонил нескольким приятелям, но все были заняты. Тогда я решил прошвырнуться в кино. Фильм оказался неинтересным, поэтому, не досмотрев, я вышел и уже собирался уходить к себе, как вдруг увидел девушку. Было что-то необычно прекрасное в ее лице. Мой пристальный взгляд вызвал вопросительный ответный. Я предложил ей коктейль, она улыбнулась. Девушка сразу оживилась и стала еще более привлекательной. Мы заговорили. Она была личным секретарем продюсера Антона Дарлана. Двадцать четыре года. Говорила по-английски без акцента, но ее имя меня насторожило: Мария Рашинская. Я спросил, не русская ли она, и рассказал, что бываю в России.

— Нет, я англичанка, — ответила девушка.

— Тогда простите мое любопытство, — выдал я.

И мы оба рассмеялись. Мария сказала, что по-настоящему фамилия ее отца Ракзинский, он поляк, но давно поменял гражданство, и она выросла в Англии, а фамилию отца несколько изменила для простоты произношения.

Очень скоро я оказался очарован соседкой по столику. Это была брюнетка, зеленоглазая, с нестандартным, запоминающимся лицом. А какая улыбка! Кольца на пальце у нее не было, и я предложил ей на следующий день вместе пообедать. К моему удивлению, она охотно согласилась.

Если бы мне сказал кто-нибудь раньше, что я, тридцатилетний закоренелый холостяк, свободный от предрассудков, влюблюсь с первого взгляда, я бы рассмеялся тому в лицо.

Тем не менее на другой день я сидел в ресторане и с волнением поглядывал на дверь, ожидая ее прихода. Прошло целых двадцать минут, когда наконец Мария появилась.

— Простите за опоздание, — начала она. — Транспорт переполнен.

— Вы пришли, а все остальное не имеет значения! Что бы хотели выпить: джин, шерри?

— Шерри, пожалуйста. Знаете, я удивилась, когда официант назвал вас лордом Квейнтоном.

— Наверное, резануло словечко "лорд"? Меня просто здесь давно знают, но можно, конечно, без титулов, — рассмеялся я.

— Лорды в моем представлении старые и лысые.

— О, бывают разные, уверяю вас. А теперь давайте выпьем за знакомство...

Официант принес огромное меню.

Мария решила взять эскалоп по-домаш-

нему и на сладкое дыню, я последовал ее примеру, прибавил только бутылку вина.

— Знаете, в этом заведении всегда чувствуешь себя как за каменной стеной.

— А в Москве вы это чувство не испытывали?

— Нет. Там есть, конечно, интересные моменты, но нет спокойствия.

— Кто вас посылал туда?

— Редакция "Санди Рекордер". Я там уже три года.

— А дома бываете только раз в году?

— Да. Вот как сейчас — на отдыхе.

Мария улыбнулась:

— Конец ноября — не очень удачное время для отпуска. Погода не та.

— Вы правы, — согласился я, — махнуть бы на юг Италии или Франции, а не в Россию. Там ужасная весна. Время, когда начинает таять снег, они называют распутицей. Дороги становятся непроезжими. А осень в Москве напоминает длинную очередь хмурых людей, стоящих часами в мокрой одежде под дождем.

— Звучит очень уж безотрадно. А за чем очереди?

— Да практически за всем: за едой, за билетами и за остальным. Очереди — это лицо их столицы.

Мы поговорили еще о России, но меня больше интересовала девушка.

— Вам нравится работать в кинокомпании? — спросил я.

— Очень. Правда, удачи у нас редки, но иногда достигаем вершин. В прошлом году Антон сделал прекрасный фильм в Испании. Я была с ним почти шесть недель, жара стояла несусветная, мы все ее плохо переносили. Мне еще надо было следить за питанием моего патрона и предотвращать приступы его язвы желудка. Он хороший человек, но беспомощный, несведущий в обычной жизни. Мне иногда кажется, что компания без меня и дня не проживет.

Человечество должно весело прощаться со своим прошлым...

В этом прошлом, помимо всего прочего, у нас создавалась занимательная "шпионская" литература. Занимательная в том плане, что враги наши изображались в ней... ну разве что только не с розгами: кровожадными, коварными, лишенными сердца и интеллекта.

А какими в то время видели за бугром нас? Да примерно такими же. Даже известные мастера детективного жанра, к числу которых безусловно относится и Эндрю Гарв, не избегали соблазна показать русских в порванном заячьем треухе, со злобным взглядом и камнем за пазухой.

В повести "Пепел "Лоды" есть острый сюжет, есть необыкновенные приключения героя, есть любовь... В общем, читво как читво. Что же касается показа в произведении наших людей...

Было таково, было. Мы прощаемся с этим прошлым.

Я улынулся: пожалуй, она не умрет от скромности.

— Сколько вы здесь работаете? — спросил я.

— Уже года три.

— А что делали раньше?

— Училась в Оксфорде, изучала искусство.

— А до того?

— Училась в школе в Истборне и в Швейцарии. Надо сказать, жизнь моя ничем не примечательна. Все драматические события произошли, когда я была еще слишком мала, лет трех, не больше.

— Мне бы очень хотелось услышать о них.

— История старая. Родилась я во Львове, во время второй мировой войны. Мой отец тогда только окончил университет, женился, был молод, но деньги у него кое-какие водились. Пришел Гитлер, а потом русские. Папа работал, чтобы содержать семью. В 1942 году нацисты отправили его в трудовой лагерь. Они хотели уничтожить Польшу и свести на нет всю польскую интеллигенцию. Отцу повезло, он выжил, хотя до конца войны скитался по лагерям. Последним, худшим из них, был "Лода". Вы, наверное, слышали о нем?

— Да, об этом писали. Россия превратила это место в музей. Но сам я там не бывал.

— Папа оттуда бежал в леса и стал партизаном. С нацистами он боролся около трех месяцев, но потом ему прострелили колено, пришлось спрятаться в каком-то деревенском доме, чтобы залечить рану. Так он встретил конец войны.

— А что было с вами?

— Я в 1942 году родилась, до того, как арестовали отца. Моя мать вскоре умерла — люди тогда тысячами гибли от голода и всяких невзгод. Родственников не было, и меня подобрала соседка, супруги Комаровские. Отец потом с трудом нашел меня. Он задумал уехать на Запад и увезти ребенка подальше от всех невзгод. Он был хороший специалист-химик, и наши беды кончились, когда ему доверили в Лондоне серьезную работу и преподавание в университете. В доме появилась женщина, которая занималась хозяйством и смотрела за мной. Звали ее Люси. Она была доброй и заботливой. Вот так я росла...

— Да, довольно-таки необычная история, — заметил я. — А ваш отец все еще в университете?

— Нет, в 1955 году он ушел. Зарплата

ученого маловата, и папа устроился в фирму "Флориа Продактс", которая занималась косметикой. Теперь он во главе фирмы. Жаль, что забросил научную работу, у него такие способности...

— Живете вы с отцом?

— Да, у нас квартира в Хамстрейде. Каждое утро он ездит на машине в Уэлдин и меня подбрасывает в город. Если мы свободны, то вечером обедаем вместе.

— Мне бы хотелось познакомиться с ним.

Мария улыбнулась:

— Всеу свое время.

Мы прекрасно провели время, и мне снова хотелось с ней встретиться. Мария была не против и предложила увидиться на следующий день, то есть в воскресенье. Мы решили поехать за город, погулять на свежем воздухе.

Мне удалось достать "мерседес". Погода была на славу, солнечная, мягкая. Я собрал вещи и ждал Марию. Она появилась в четверть одиннадцатого, улыбающаяся, счастливая. На ней была юбка из твида, замшевый жакет и легкие туфли.

— Что за чудесный день! — воскликнула она. — Нам повезло!

Девушка окинула одобрителем взглядом автомобиль и спросила, куда мы поедем.

— Назовите ваше любимое местечко.

— Ну, если уж я могу выбрать, то знаете ли вы Чанктонбери Ринг?

— О, южный Даун? Слышал, конечно, но никогда не бывал.

— Я тоже, но папа обожает этот уголок, он ездит туда рыбачить, когда ему хочется побыть одному.

— Будь по-вашему, — согласился я.

Дорога оказалась бархатной, машина — что надо. Мы не спешили. Я вел автомобиль и помалкивал, зато Мария болтала без умолку. Очевидно, ей было легко и приятно со мной. Странно, что два дня тому назад мы не знали друг друга...

Мария облюбовала паб "Три короны", место, где ее отец всегда останавливался. Она была в восторге от увиденного.

— Не удивительно, что папа сюда приезжает. Разве здесь не великолепно, Тим?

— Прекрасно. — И я даже неожиданно для себя поцеловал ее. Она вернула поцелуй.

— Местечко будто приготовлено для нас. Давайте позавтракаем.

И мы с аппетитом принялись за еду, а потом лениво растянулись на траве.

— Расскажи мне о своей семье, Тим. Мама жива?

— Нет, несколько лет назад умерла.

— А братья, сестры?

— Два брата и две сестры. Один из них в Уэльсе, другой в Ванкувере. А сестры в Девоне.

— Они семейные?

— Трое — да. У меня два маленьких племянника и племянница.

— Вам хорошо вместе?

— Конечно, но я редко их вижу. Хотя вообще-то мы дружная семья.

— Как я завидую тебе! — проговорила девушка, вздохнув. — Друзей у меня много, но это совсем другое.

— Разве твой отец не мог разыскать родственников?

— У отца и матери не было братьев и сестер, а родители давно умерли.

— А Люси? Ты говорила, она была тебе вместо матери. Неужели ты с ней не встречаешься?

— Да, Люси вырастила меня, но лет шесть назад она встретила человека, вышла замуж и уехала в Калифорнию. Я рада за нее, но очень скучаю.

— Вы переписываетесь?

— К сожалению, изредка.

— От скуки есть единственное лекарство, Мария.

— Какое?

— Обзаведись своим семейством.

После этой прогулки я по-настоящему влюбился в Марию и не мог скрывать своих чувств. Она вела себя гораздо сдержанней, но проводила со мной все свободное время. Теперь мы бывали вместе почти ежедневно. Обедали, танцевали, ходили в театр. А в воскресные дни уезжали из Лондона, гуляли в лесу, у моря. Время было просто сказочным. Дни бежали незаметно, и скоро мне пришла пора вернуться в Москву. Такой долгой разлуки я боялся: что, если она встретит другого? Необходимо было подумать о женитьбе, чтобы оставить кольцо на ее пальце.

Мы без конца болтали о разных разнос-
тях. И чем больше я узнавал ее, тем больше она мне нравилась. Иногда мы веселились и резвились как дети, а то вступали в серьезные разговоры: о жизни, о смерти, о войне и мире. Часто Мария упоминала отца, жалела его, считая одиноком. По-видимому, они были большими друзьями. Отец, постоянно погруженный в работу, находил время для дочери, не стесняя ее свободы.

— Плохо, что он не женился еще раз, — говорила девушка. — Это скрасило бы его жизнь. Мне казалось, что отец мог соединиться с Люси, он любил ее и, по-моему, Люси согласилась бы. Один раз я намекнула ему, но отец почему-то стал опечаленным. Вскоре после этого Люси уехала. Бедный папа!

В этот момент я снова упомянул о желании встретиться с ее отцом. Теперь Мария мне не отказала. И я был приглашен на ленч к Ракзинским в субботу.

Когда пришел тот день, я волновался как ребенок. Хотелось произвести хорошее впечатление на ее родителя.

Мария встретила меня у двери, мы тайком поцеловались. В квартире сильно пахло духами. В ответ на мой удивленный взгляд Мария объяснила: "Когда папа приходит с работы, от него разит, как от парфюмерного магазина". Ракзинский принял меня дружелюбно, непринужденно, как старого знакомого. Мы переговорили о том, о сем. По-английски он изъяснялся бегло и грамотно, но с сильным акцентом, за что извинился передо мной.

— Мне всегда легко давались языки — хорошая память, но вот слух подкачал, конечно. Знаю английский, французский, немецкий, правда, произношение оставляет желать лучшего. Жаль, но что поделаешь. Как вы, лорд Квейнтон, оказались корреспондентом в Москве? За что такая честь? Или такое наказание?

Я рассмеялся.

— Это не так плохо, как вам кажется.

— Разве вы любите Россию?

— Мне не нравится их политика, а люди великолепные.

Ракзинский хохотнул.

— Что вам кажется особенно привлекательным в них?

Я потягивал мартини и искал слова для доказательства.

— Искренность в отношениях, открытость, дружелюбие.

— Может, вы и правы. Но вы видели их только в мире, а не в войне.

— Это правда... — согласился я.

Мария хотела переменить тему, она знала, что такие разговоры волнуют отца, но тому хотелось продолжать.

— Как истый поляк, я не могу простить ни России, ни Германии. Нацисты, конечно, заслуживают только брани: они опустошили мою родину. Но и русские не лучше, столько лет сидят у нас на шее. Во время войны они совершили такие зло-

действия! По приказу Сталина до десяти тысяч лучших польских офицеров были уничтожены в Катынском лесу. Их вождь действовал хладнокровно, как настоящий монстр.

— Но Сталин давно умер, времена изменились, — заметила Мария.

Ракзинский покачал головой.

— Хотелось бы верить, что так... Однако Россия все еще тиранствует в Восточной Европе. Они не отдадут те территории, которые захватили во время войны. Мой родной Львов, например, теперь часть России... Свободная и спокойная жизнь на родине — одно из самых больших богатств. Польша редко знавала это... — Он устало улыбнулся. — Мне бы хотелось хоть перед смертью повидать Львов.

— Разве это так уж невозможно? Туристом, например?

— К сожалению, это не для меня. С точки зрения русских, на мне несмыываемый грех. Мария, наверное, вам рассказывала? Я бежал из лагеря "Лода". Мне надлежало перейти на сторону русских, а я рванул на Запад. По их мнению, в стан врага... Так или иначе, я бы не хотел видеть Львов под властью коммунистов.

— Город красивый?

— Несказанно прекрасен, похож на Краков, но гораздо лучше. Даже после военных ран. Он лежит в долине. Прекрасная река, где я начинал рыбачить, близко горы. Все детство прошло в этих местах. Мы жили в трехэтажном доме с двумя балконами, выходящими в парк, — настоящий рай!

Он поднялся, подошел к шкафчику и выпил таблетку. Я заметил, что он немного хромал.

— Нога еще беспокоит папу иногда, — объяснила девушка.

— Старая рана... Лорд Квейнтон, разрешите наполнить ваш бокал.

Я был рад, что познакомился с отцом Марии. Он мне показался волевым человеком, только немного сентиментальным. Когда мы с Марией вышли, она спросила, понравился ли мне ее отец. Я искренне ответил, что да.

— Странно, никогда не слышала, чтобы он так горько говорил о прошлом, как сегодня, — сказала девушка. — У него еще на работе какие-то неприятности в последнее время... Он был рад знакомству с тобой.

— Хорошо, если так, — заметил я и

решил, что сейчас как раз время поговорить о серьезных вещах.

— Мария, когда мы поженимся?

Ее рука замерла в моей, она смолкла на мгновение, внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Ты это серьезно? — наконец вымолвила она.

— Вполне. Я люблю тебя и всегда буду любить.

— Ах, Тим, боюсь, не помешало бы нам что-нибудь...

— О чем ты?

— Сама не знаю. Может, твоя голубая кровь или семья...

— Чепуха. Они полюбят тебя. Поедем к ним, и сама увидишь.

— Я ведь почти безродная, сирота, дитя, вырванное из войны!

— Прошу, не напоминай о происхождении. Мы обычные люди. Любим, значит, должны быть счастливы. Чего же еще желать? Замок в Польше и кучу родственников?

— Хорошо, поженимся, — сказала она.

— Когда? — не утерпел я.

— Хоть сегодня!

— У меня еще неделя. Распишемся, и ты можешь ехать со мной в Москву.

— О, дорогой, это было бы великолепно. Только как бросить отца, работу? Надо все обдумать. Ты вернешься к Пасхе, а?

— Через пять месяцев?

— Знаю, что это целая вечность, но мы бы часто писали друг другу. Время быстро пролетит.

Я понимал, что она права и решил смириться.

Дни катились за днями, скоро надо было уезжать, и я решил организовать небольшое торжество. По этому случаю, на котором, кстати, и получить благословение от ее отца.

Мария хотела пригласить близких друзей, например, Тину Ховел, с которой они учились вместе еще в колледже, а потом работали на радио в детском часе. В свою очередь, мне тоже хотелось позвать одного-двух приятелей.

В оставшееся перед отъездом время я нередко сидел в библиотеке, составлял план поездки на Украину с помощью карты.

Как-то в коридоре я встретил корреспондента-международника Джеймса Гарднера, худого сутулого человека лет пятидесяти.

Он пребывал в плохом настроении.

— Выглядишь именинником, Тим, — сказал Джеймс. — Что, впереди светит удача?

Я рассмеялся:

— По-видимому, да. Решил жениться.

— Мой мальчик, я женился уже двадцать пять лет назад, но не сверкаю, как начиненный самовар.

— Вы вечный циник. У меня все будет по-другому.

— Рад, если так. Кто же эта счастливица?

— Мария Ракзинская.

— Бог мой, не русская ли?

— Нет. Родилась она в Польше, но совсем не знает своей родины. Ее отец приехал в Англию после войны, его зовут Стефан Ракзинский.

— Как ты говоришь? Имя что-то очень знакомо, — и Джеймс нахмурился. — Я почти уверен, что видел это имя в газете. Дело, конечно, давнее... Возможно, писалось о другом человеке.

Мы еще поболтали, и я отправился в библиотеку. Там стал рассматривать карту Украины. Донбасс, большой индустриальный комплекс. Одесса, морской порт. Киев — столица Украины, очень интересный объект. Я рассматривал карту, а в голове крутились мысли о Ракзинском. В Англии не могло быть много людей с такой фамилией.

В картотеке я нашел его имя: Ракзинский Стефан, доктор. А внизу маленькая заметка, перепечатанная из московской газеты за 11 июня 1953 года. В ней сообщалось, что доктор Стефан Ракзинский был осужден на десять лет тюрьмы за преступления, совершенные во время войны. Согласно советским источникам, доктор Ракзинский живет сейчас в Лондоне и преподает в университете.

А ниже помещена фотография отца Марии.

Я был в шоке, уставившись на фотографию, несколько минут не мог прийти в себя. Преступления во время войны... Самое страшное, что можно себе вообразить. Мне представились садистские выходы СС. Мысль, что отец Марии мог быть связан с такими делами, приводила меня в ужас. Потом я взял себя в руки и начал размышлять более спокойно и трезво. Это не могло быть правдой. Отец Марии не мог быть замешан в подобном. Я знал его совсем немного, фактически видел один раз, но тем не менее... Здесь

какая-то ошибка. Кто-то путает или лжет... Насколько правдивы сведения из Москвы?

Я прочел несколько раз статейку. Интересно, знает ли об этом Мария? Если да, то как воспринимает такое? Теперь я понял, почему Ракзинский не мог вернуться в Львов...

Я переписал заметку и отправился повидать Марию. Когда я пришел, она уже сидела за завтраком и глянула на меня с упреком.

— Что тебя задержало? — проговорила девушка, отодвинула сумочку, освобождая место рядом с собой.

— Да так... — ответил я. — Забежал к старому приятелю поболтать.

— Ну и что же? Рассказывай, не томи!

— Его зовут Джеймс, и в разговоре с ним я назвал твою фамилию. Она ему была известна, он сказал, что в свое время о твоём отце писала одна газета. Я бросился разыскивать статью, о которой он упомянул, и нашёл... — выпалил я почти на одном дыхании.

— О чем она?

— О твоём отце...

Я протянул ей исписанный листок.

Девушка все медленно прочла.

— Дело десятилетней давности, — напомнил я.

Ее лицо выразило гнев и недоверие.

— Но это ведь какая-то дичь!

— Ты ничего не знала?

— Папа никогда такое не рассказывал... И как эти газетчики посмели! — Мария в упор глянула на меня: — Надеюсь, ты не поверил?

— Нет, конечно, — торопливо ответил я. Пожалуй, слишком торопливо.

— А по-моему, известие на тебя сильно подействовало.

— Безусловно, сначала потрясло, но, подумав серьезно, я успокоился. В России часто возводят напраслину на людей, я знаю.

— Это ужасно... — И она на мгновение смолкла. — Тим, мы должны переговорить с папой сегодня же вечером.

Я пожал плечами.

— Если хочешь, то конечно.

— Это просто необходимо.

Мария схватила сумочку и бросилась вон. А я остался один в отвратительном состоянии.

Я позвонил Марии в шесть, и мы поехали к ней домой. Настроение у нее было

подавленное, ехали молча, поглядывали на многочисленные машины вокруг.

Ракзинского не было дома, когда мы прибыли, но он вскоре появился. Мы дружелюбно поздоровались, а Мария поцеловала отца и спросила, хорошо ли прошел его рабочий день.

— Между прочим, папа, Тим наткнулся на статью в библиотеке сегодня. — И она отдала ему копию.

Ракзинский, не торопясь, прочел и повернулся ко мне с грустной улыбкой.

— Нельзя брать себе в зятя корреспондентов, — невесело пошутил он. — Я совсем забыл об этом инциденте. Что, мне надлежит отрицать обвинение?

— Конечно, нет, — сказал я. — Мария настояла, чтобы я поговорил с вами. Хотя надо сказать, меня статья, мягко говоря, очень удивила.

— Почему, папа, ты мне никогда об этом не рассказывал?

— Тебе, миленькая, тогда было всего двенадцать, и я не собирался волновать ребенка подобными сообщениями. Я не был важной персоной и не занимался политикой. Обвинение это — самая настоящая чушь, поэтому вскоре забылось.

— Да, мне теперь понятно, — согласилась Мария.

— Разве вы не пытались узнать обо всем подробнее? — спросил я.

— Сказать по правде, больших усилий я и не прилагал. В министерстве иностранных дел ничего не знали о случившемся. Вероятно, сообщение появилось только в одной московской газете. Были якобы двое свидетелей, которые мне совершенно неизвестны. Они говорили, будто бы я раскрыл немцам план побега заключенных из лагеря "Лода", что привело к смертной казни пятнадцать человек.

— Какая чушь! — воскликнула Мария. — Разве министерство не попыталось уточнить эту информацию?

— Русские обещали сообщить подробности, но ничего не сделали.

— Понятно. И здесь, очевидно, решили, что это — пропагандистский трюк со стороны Москвы?

Ракзинский согласился:

— Запад часто обвинял Россию в подобном: те кому угодно клеили ярлыки военных преступников. Но в моем случае русские могли и просто ошибиться.

— Считаете, что свидетели исказили вашу фамилию?

— И такое случалось.

— Вы хотите сказать, что в Лондоне был другой Стефан Ракзинский, побывавший в лагере "Лода"? А русские зацепили вас вместо него?

— По-видимому... Но это — моя версия. А у них может быть своя. Русские вообще непредсказуемы, вы же знаете.

— Правда, — согласился я. — Только странно, что министерство не послало вашу фотографию на опознание.

Мария начала сердиться.

— Папа уже сказал тебе, Тим, что он не придал особого значения этому событию.

— Однако происшествие не очень-то приятное, и властям к нему надо было отнестись внимательнее.

Ракзинский снова пожал плечами.

— Знаете, я не настаивал, как-то не хотелось защищаться от обвинения русских. Мне никакая опасность не грозила. Все согласилось на том, что это обыкновенная клевета. Давайте и мы забудем...

У Ракзинского была назначена деловая встреча, и скоро он ушел. Как только за ним захлопнулась дверь, Мария обратилась ко мне:

— Теперь ты доволен? Уверовал, что папа не делал ничего такого?

— Мне это было ясно и раньше.

— По-моему, ты докапывался до деталей.

— Меня интересует любое событие, связанное с Россией. Это моя работа.

Лицо девушки исказилось.

— Ты не знаешь отца так, как я. А то бы не усомнился в нем даже на мгновение.

— Мне приходило в голову, что человек, совершивший предательство, не поехал бы в Европу с тем же именем, несколько не изменив его, и не стал бы всем рассказывать, что был в лагере "Лода".

— Странно, что ты ищешь доказательств: значит, не убежден. Иначе зачем они тебе? Хоть крошечное сомнение у тебя есть, не так ли?

Я заколебался, Мария это почувствовала.

— Ты не веришь ему и никогда не поверишь. Какое несчастье, что ты раскопал эту ужасную газету...

Как я ни разубеждал ее, она осталась, кажется, обиженной, и у меня была слабая надежда встретиться с ней на другой день. Утром я попытался позвонить Марии домой, но она, видно, рано ушла, и мой зов остался без ответа. В офисе мне сообщили, что она на конференции.

Позавтракали мы с Джоном Колом, кото-

рый еще раз напомнил мне, что он очень заинтересован в моей поездке на Украину. В отель я вернулся только к трем часам. Там меня ожидала записка от Марии.

"Дорогой Тим!

Очень не хотелось огорчать тебя, но после того, что случилось, я не могу выйти за тебя замуж и думаю, нам лучше расстаться. Понимаю, мы любим друг друга, но эта тень, которая легла между нами, способна навсегда омрачить наше счастье. Мне постоянно будет казаться, что ты не доверяешь моему отцу, а его судьба — моя жизнь.

Мы были счастливы, я мечтала стать твоей женой. Невозможно поверить, что все кончилось. Видно, не судьба. Честнее это сказать сразу.

На несколько дней я уезжаю.

Надеюсь, все поймешь правильно.

С любовью — Мария".

Я тут же позвонил ей в офис, но там

ответили, что она уже уехала. С трудом дождавшись вечера, вызвал к телефону доктора Ракзинского. Он был очень взволнован.

— Собирался узнать у вас, где она, — проговорил он. — Прошлой ночью у нас был долгий разговор, а сейчас она оставила мне записку, ничего определенного не сообщив. Я просто в шоке. Она слишком серьезно все восприняла, хотя нельзя принимать на веру газетные сплетни. Убедить в этом ее я не смог. Моя дочь дьявольски горда и чересчур прямолинейна.

Я ответил, что обязательно напишу ей и попробую еще раз все объяснить.

— Да, пожалуйста, Тим. Возможно, она одумается, поймет, что ошиблась.

— Счастливо оставаться вам, доктор, — только и смог ответить я.

А через сорок восемь часов был уже на пути к Москве.

Часть 2

Декабрьский день в российской столице, казалось, соответствовал моему настроению. Тяжелые снежные облака висели над землей. Люди в аэропорту кутались в шубы, оттого выглядели бесформенными и мрачноватыми. Такси пришлось ждать почти полчаса. В машине было холодно, я чуть не заоченел. Уже давно выпавший в городе снег был грязен.

Пребывая в мрачном состоянии, я пожалел, что вернулся в этот неприветливый город. Наконец мы добрались до Арбата. Здесь радовали глаз старые купеческие особняки. В одном из них предстояло мне разместиться. Там меня встретил Слоттери, худой, атлетического сложения человек лет тридцати пяти, родом из Нью-Джерси.

— Неужели ты, лорд? А мы тебя раньше чем завтра не ждали. Рад снова видеть тебя. Как дела?

— Все в порядке, — сказал я и свалился в кресло. — Что нового, Джо?

— Ничего особенного, кроме того, что у нас появились мыши.

— Чушь какая-то!

— Нет, серьезно. Горничная положила отраву, но они ее не коснулись, а продукты погрызли.

— Ладно, давай о деле. Расскажи, как Павлов?

Этот человек ведал прессой в министерстве иностранных дел Союза.

— Он сейчас шустрый, как никогда. Совсю надеется на оттепель.

— Хорошо... Надо у него побывать. Мой редактор шлет ему сердечный привет.

— А ты куда думаешь направиться?

— Надо побывать на Украине.

— Поехали с нами. Ты же знаешь, Сай и я катаемся здесь на лыжах (Сай Логан был корреспондентом "Нью-Йорк Стар"), отправляемся в Карпаты на две недели. Воображаешь, Рождество в горах!..

— Прекрасно, — позавидовал я. — Кроме того, тебе осталось всего-то шесть недель — и домой. А вот мне придется встретить Рождество в нарке. (Так между собой мы называли советское министерство иностранных дел. Название осталось еще со времен существования наркоматов.) — Ладно, пойду распакуюсь.

— Привез хоть сколько-нибудь шотландского, лорд?

— Конечно, три бутылки.

— Какой же ты молодец! Сегодня вечером отметим твой приезд.

На следующее утро я позвонил в нарк и попросил разрешения встретиться с Павловым. Его секретарша, Нина Александровна, сообщила, что он уехал и будет, возможно, завтра.

Меня это как раз устраивало, так как надо было побывать еще в библиотеке

Ленина. Я переоделся во все советское, чтобы не отличаться от остальных.

Когда я вышел на улицу и направился к ГУМу, мне встретилось множество людей, лица которых были мрачные, без улыбки, даже подавленные. Глядя на них, на грязные улицы в центре города, трудно было поверить, что Россия — одно из могущественных государств мира.

В этот день погода стояла ясная, прогулка обещала быть приятной. Москва-река уже покрылась льдом. Перед глазами выросли башни Кремля, розовато-красные стены вокруг него, золотые купола церквей и великолепная гигантская луковица храма Василия Блаженного на Красной площади. К мавзолею Ленина тянулась длинная очередь.

В библиотеке Ленина мне приходилось бывать и раньше, потому что здесь всегда можно достать необходимую книгу. А мне сегодня нужна была подшивка газеты "Вечерняя Москва". Библиотекарьша выполнила мой заказ, через полчаса подшивка оказалась передо мной. Я разыскал в номере от 11 июня 1953 года решение суда по интересующему меня делу. В статье, кроме Ракзинского, обвинялись еще русский и украинец. Последние двое убивали заключенных в лагере "Лода" и были приговорены к смертной казни.

Показания против Ракзинского давали двое русских, которые утверждали, что были с ним в лагере: Иван Филиппович Луткин и Павел Александрович Скалыга. Они заявляли, что слышали, как Ракзинский выдал немцам план побега заключенных — их, пятнадцать человек, потом расстреляли. Странно то, что свидетелям не задавали вопросов, не копались в деталях их показаний. Судья объявил обвинение, и все...

На Арбате, в своем кабинете, я склонился над картой, чтобы отметить те места, которые интересовали моего патрона Кола и где мне надлежало побывать. Карту надо было показать Павлову, согласовать с ним детали поездки.

В назначенный день и час секретарша пропустила меня к Павлову. Это был интересный мужчина лет сорока, хорошо образованный и приятный в общении.

Как только я вошел, он поднялся и сердечно меня приветствовал:

— Добро пожаловать, лорд Квейнтон. Надеюсь, хорошо отдохнули? Вы, насколько я знаю, собираетесь пробыть у нас не меньше года?

— По всей видимости, да.

Он улыбнулся.

— Значит, предпочитаете бродячую жизнь журналиста палате лордов?

— В настоящий момент да.

— Ну каковы теперь ваши планы, могу ли чем помочь?

— Надеюсь. — И я рассказал ему о поездках, которые мне предстояли. — Моя цель — запечатлеть для своей газеты все новое, что увижу в вашей стране.

— Вам всегда это удастся. Мы считаем вас одним из лучших репортеров. Что же касается вашего нового маршрута... Это дело серьезное, на обдумывание деталей потребуется недель шесть самое малое... К тому же сейчас середина зимы — заносы, сложности с транспортом...

— Вы всегда умеете все предусмотреть, — заметил я.

Его темные глаза вспыхнули.

— Таких комплиментов не дождешься от ваших коллег, лорд Квейнтон. Ладно, мы что-нибудь придумаем, ускорим ваш отъезд.

— У меня к вам еще одно дело, личное и очень деликатное.

Он наклонился ко мне.

— Постараюсь помочь и не разглашать.

— Дело не в этом, мистер Павлов. Но ваша помощь... Во время отпуска я встретил девушку и решил жениться.

— Что ж... Поздравляю.

— Ее зовут Мария Ракзинская.

— Русская?

— Нет, британская подданная, но по национальности полька. Все было хорошо... Но несколько дней назад я узнал, что ее отец, Стефан Ракзинский, был осужден советским судом за преступление во время войны.

— Вот так штука! — проговорил Павлов, слегка присвистнув. — Когда его обвинили?

— В 1953 году...

И я рассказал ему факты, которые знал. Он, нахмурившись, слушал. Потом сухо спросил:

— Чем я смогу помочь?

— Мне хотелось бы узнать, не могла ли вкратце какая-нибудь ошибка в обвинение: может, перепутана фамилия, например?

— У вас есть причины думать таким образом? — спросил Павлов, внимательно глядя на меня.

— Начнем с того, что я встретился с

Ракзинским. Конечно, близко с ним не знаком. Но все же он не похож на предателя.

— Весьма субъективное суждение, конечно. Если собираетесь жениться на его дочери, то вам, несомненно, хотелось бы видеть тестя в лучшем свете.

— В общем, я с вами согласен... Но взгляните по-другому. Те двое свидетелей, о которых упоминает "Вечерняя Москва", не могли описать Ракзинского в подробностях, несмотря на то, что были с ним вместе в лагере. Поэтому здесь возможна ошибка. И еще одно: Стефан Ракзинский не попытался, уезжая на Запад, изменить фамилию или хотя бы скрыть сам факт пребывания в лагере "Лода". Поэтому мне и кажется, что он не виновен.

— Если бы ваш будущий тестя скрыл свое прошлое и назвался по-другому, его случайно кто-то мог встретить и узнать. Тогда было бы совсем плохо. А он предпочел откровенный риск трусости.

— Вероятно, вы правы, — сказал я, — но мне кажется, что ошибка возможна.

Павлов в ответ только пожал плечами.

— Мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо, и ошибки тоже. Скажите лучше, чем могу вам помочь.

— Мне необходимо встретиться с теми двумя свидетелями, имена их я знаю, и попросить описать Ракзинского в деталях. У меня есть его фото, взятое из газеты. Пусть они его опознают.

— Все понятно, лорд Квейнтон. Но учтите, что сообщение о преступлении появилось десять лет назад, те люди могли умереть, сменить место жительства, а Россия у нас большая, искать человека — все равно, что иголку в стог сена. Но даже допустим, что мы разыщем этих людей и они подтвердят преступность Ракзинского. Что тогда?

— На мой взгляд, любая горькая правда лучше неопределенности, — заверил я.

Успешность моего предприятия была весьма сомнительна, однако я решил написать Марии о том, что взялся доказать невиновность ее отца.

Времени для этого, правда, у меня было маловато. Надо было заниматься своей корреспондентской работой. Это нелегко делать в стране, где всякий вопрос незнакомого человека воспринимается как шпионская вылазка. Иногда контакты с простыми людьми удавались. Кое-что можно было добыть из газет. Иногда организовывались встречи с ответственными работниками, со студентами, редко, но бывали пресс-конференции на высшем уровне.

Вечерами вместе с Логаном, Слоттери и Милсом мы играли в шахматы, потягивали джин, обсуждали российскую действительность, спорили о политике, читали.

Дни летели за днями, а о дате моей поездки на Украину не было и речи. Наконец я решил напомнить Павлову о его обещании. Я ведь приехал сюда работать, а не ходить на балет или кататься на коньках в Сокольниках.

Через неделю секретарша Павлова позвонила и пригласила зайти. Дело касалось не моей поездки, а встречи со свидетелями.

— Я нашел этих людей, — объявил Павлов после обычного приветствия. — Один из них, Скалыга, здесь, в Москве. Но он совершенно спился, вряд ли вы от него чего-то добьетесь. А вот второй, Луткин, живущий в Туле, еще работает. С ним можно поговорить.

— Тула недалеко от Москвы. Можно мне съездить?

— Постараемся доставить этого человека сюда. Приезжайте ко мне завтра к трем часам. Сможете?

— Конечно!

— Тогда договорились. До завтра, лорд Квейнтон.

На следующий день ровно в назначенное время я был у Павлова, но поезд из Тулы опоздал, и мне пришлось ждать до четырех. Вскоре в коридоре раздался шаг, и вошел маленького роста человек, заявив, что он Луткин. Некоторое время Павлов и я внимательно рассматривали незнакомца. Наконец Павлов заговорил.

— Вы были в лагере "Лода", товарищ Луткин, не так ли? В 1953 году дали показания вместе с Павлом Александровичем Скалыгой в московском суде о человеке по имени Ракзинский, который в это время отсутствовал. Так все было?

— Правильно, — подтвердил Луткин.

— Лорд Квейнтон хочет задать вам несколько вопросов. Постарайтесь на них ответить подробно.

— Сколько времени вы были в лагере, мистер Луткин?

— Около трех месяцев.

— А человек, которого обвинили?

— Только три-четыре недели. Его привезли туда перед тем, как лагерь был освобожден нашей Красной Армией.

— Он был заключенный?

— Да.

— Вы встречались с ним?
 — Мы жили в одном бараке.
 — Как вам удалось подслушать его разговор с немцами?

— Нас отправили чистить гальюн. Когда мы подошли к двери, то услышали за ней разговор о плане побега заключенных из лагеря. Как только мы появились на пороге, человек замолчал. Это был Ракзинский, а другой — немецкий часовой. Вскоре пятнадцать человек были взяты из нашего барака и расстреляны.

— А Ракзинский вернулся?

— Нет, я его больше не видел.

— На каком языке Ракзинский говорил, когда вы подслушивали?

Луткин нахмурился.

— По-немецки, конечно.

— Вы знаете этот язык?

— Да, хорошо...

— Откуда вам известно, что он Ракзинский?

— Сам нам сказал, когда первый раз появился, что его зовут Стефаном Ракзинским.

— В течение трех недель, наверное, вы слышали его фамилию не больше одного-двух раз?

— Возможно.

— И могли неправильно запомнить ее?

— Но он же сам себя назвал.

— А может, немного не так? Может, Равинский или Радетский?

Луткин заколебался.

— По-моему, все-таки Ракзинский.

Павлов, который внимательно следил за разговором, резко проговорил:

— Дело очень серьезное, товарищ Луткин. Предполагать мало, надо быть уверенным.

— Событие давнее, товарищ Павлов, более двадцати лет прошло, но оно врезалось в мою память навсегда. Однако небольшие различия в звучании фамилии возможны.

Я снова заговорил с Луткиным.

— Этот человек, Радецкий, Равинский, Ракзинский... Как он выглядел? Можете его описать?

— Попытаюсь, — проговорил свидетель, глядя в пол. — Светловолосый мужчина, среднего роста. Довольно молодой.

— Какого возраста?

— Трудно сказать, лет тридцати, возможно, немного меньше.

— Был он толстым, худым? Не помните

каких-нибудь особенностей на лице? Может, шрамы?..

— К сожалению, у меня плохая память на лица. И было это давно. Припоминаю, что внешность была приятной.

— Не замечалась ли несоразмерность в очертаниях головы?

— Кажется, она была великовата.

Я достал фото Ракзинского и показал ему.

— Это он?

Луткин несколько мгновений рассматривал фотографию молча.

— Да, — сказал он наконец, — пожалуй, он. Конечно, тогда он был гораздо моложе. Честно говоря, я не уверен...

Павлов взял снимок, заметил:

— Не думаю, чтоб такое лицо легко забылось. Вы ведь видели его не однажды. Необычно высокий лоб, например.

— Но это было давно. И память на лица у меня плохая, — снова повторил Луткин.

— У вас есть еще вопросы, лорд Квейнтон? — спросил Павлов, отвернувшись от свидетеля. — Нет? Тогда можете уезжать, товарищ Луткин. Вас отвезут на вокзал... Жаль, что ваш Ракзинский не присутствовал здесь для опознания, лорд Квейнтон, — заметил Павлов.

— Что вы, он даже не знает обо всем этом. А кроме того, в России его ожидала бы тюрьма. Но мне все-таки кажется, что тут какая-то ошибка. И я докопаюсь до истины.

— Рад, что у вас такой характер, лорд Квейнтон. Искренне желаю успеха. Вы просили о чем-то еще? Да, поездка. Обещаю на днях решить и это, лорд. До свидания.

Мы распрощались, и я вернулся на Арбат.

В деталях стал вспоминать сегодняшний разговор. Все слова Луткина были какими-то скользкими. Он ни в чем не был уверен. Но почему? Жаль, что я не переговорил с ним один на один, без свидетелей. Возможно, узнал бы гораздо больше.

Теперь необходимо заняться вторым свидетелем, Скальгой. Он, конечно, пьяница, но и у них бывают минуты просветления. Надо оказаться с ним тет-а-тет, показать фотографию... Обо всем этом я думал, когда добирался до своего дома.

Мои приятели, Слоттери, Логан и Милс, пили водку и веселились. Я сразу приступил к делу, волновавшему меня.

— Кто из вас знает, где находятся московские выпрезвители? Мне нужно видеть

человека, который вышел только что из одного из них.

— А как его зовут? — спросил Слоттери.

— Скалыга.

— Такое имечко вряд ли часто встретишь, — проговорил он как бы про себя. — Однако в Москве это сделать не так легко, надо звонить повсюду.

Я сел на телефон и всем абонентам объяснял, что собираюсь писать книгу "Война против алкоголизма", поэтому прошу дать мне телефоны всех вырезвителей. После долгих переговоров удалось узнать адрес человека, которого я разыскивал. Он жил в старом доме в Малом переулке.

Жилище было неприглядное, пахло грязным бельем и махоркой. На третьем этаже я нашел квартиру номер шесть. Больше всего меня пугало, что не застану хозяина. За дверью слышались голоса, я постучал. Открыла женщина и впустила меня. Комната была маленькая, с тремя железными кроватями и двумя стульями, что-то еще торчало в углу. Вот, кажется, и все убранство. На кровати, скрестив ноги, сидел мужчина, при моем появлении он поднялся. Это был высокий, полный, лет пятидесяти человек с отеками лицом и заплывшими глазами. Около него я увидел пустую водочную бутылку.

— Кто вы? — спросил он хрипло.

Он не был пьян, но и трезвым назвать его было невозможно.

— Я корреспондент английской газеты, Квейнтон. А вы Павел Александрович Скалыга?

— Да, — ответил он.

— Мне бы хотелось поговорить с вами о том, что произошло в лагере "Лода" двадцать лет назад.

Услышав мои слова, он повалился на кровать.

— Ничего не скажу вам, уходите.

— Этим утром в министерстве я разговаривал с Луткиным, на это было официальное разрешение. Так что последствий нашего общения бояться не надо. И потом, мне пришлось обшарить весь город, по морозу добираться сюда... Давайте хоть выпьем для сугреву, — предложил я и поставил перед ним две бутылки.

От такого соблазна он не мог отказаться. — Вы не похожи на корреспондента.

Пришлось показать ему документы, он посмотрел на мою фотографию и согласен кивнул:

— Ладно, выпить никогда не вред.

Он разлил водку, достал черного хлеба и, разломив, дал кусок мне.

— Ваше здоровье, — проговорил, и мы выпили. — Пьете, как русский, — заметил хозяин.

— Живу довольно долго в Москве.

Скалыга налил еще.

— О чем вы хотите спросить?

— Меня интересует человек по имени Равинский, или Радецкий, или еще как-то он назывался, который был с вами в лагере.

— Наверное, Ракзинский? Эта сволочь?

— Вы уверены, что фамилия его звучит именно так?

— Конечно. С памятью у меня все в порядке, трезвый я или пьяный.

— Можете описать мне его?

— Ясно, могу. Он был среднего роста, коренастый, с большой головой и высоким лбом.

— У него не было ранений? — спросил я.

— Да, в коленку. Пуля прошла кость и вышла через мускул. Жаль, что не в голову.

— Но я слышал, он был ранен после того, как ушел из лагеря.

— Нет, до... хотя Ракзинский пытался мне доказать, что был ранен, защищая Варшаву. Будто бы лояльный поляк. Сви- нья!

Я показал ему фото.

— Это Ракзинский, хотя он был гораздо моложе тогда. Видите высокий лоб?

Вдруг он глянул подозрительно на меня.

— Вы знаете его?

— Встречался.

— Если бы он попался мне, свернул бы шею мерзавцу, — рыкнул Скалыга и снова налил водки. — Знаете, что он сделал?

— Луткин говорил, будто выдал немцам план побега заключенных.

— Мы застали его с охранником в уборной.

— А на каком языке он говорил?

— На немецком, естественно.

— Вы знаете иностранные языки?

— Достаточно, чтобы понять. По мне сейчас не скажешь, но я ведь закончил университет. Поначалу я подумал, что он немец-шпион, посланный в лагерь как провокатор. После расстрела заключенных он шутил и смеялся с немецкими солдатами.

— Он называет себя поляком, — сказал я.

— Такому сукину сыну нельзя верить на слово.

Скалыга снова налил водки, но я уже еле держался на ногах...

Как добрался домой, не знаю, свалился на пороге и очнулся утром от холода. Состояние было ужасное: дико трещала голова, ныло все тело, будто побили большой палкой. С трудом начал вспоминать и связывать события. Ясно было одно, что отец Марии — именно тот человек, о котором писала "Вечерняя Москва". Надо было поверить всему этому.

Приняв ванну и побрившись, спустился вниз повидаться с приятелями. Слоттери и Логан болтали в гостиной. Они оба ахнули, когда увидели меня.

— Ну и видик у тебя, лорд. Кто-то поколотил?

— Выпил лишнего, — пробормотал я и рухнул на диван: ноги плохо слушались.

Мои приятели в это время обсуждали отъезд из Москвы.

— Отбываем в воскресенье, — сказал Слоттери.

— Улетаете? — вмешался я.

— Нет, едем поездом до Львова, а там — пересадка.

— Львов?

И мне сразу вспомнился Ракзинский и его рассказы о Карпатах.

— Сай, вы уже заказали билеты?

— Да. А в чем дело?

— На какое время?

— Завтра вечером уедем.

— Мне бы тоже хотелось купить билет.

Он удивленно на меня глянул.

— Разве ты собираешься кататься на лыжах?

— Нет, но мне надо во Львов. Там есть кое-что очень важное. Дело не связано с работой, оно мое личное.

— Ладно, нас это не касается. Только где ты будешь там ночевать? Нельзя же оставаться на улице, — заметил Сай.

— Может, удастся провернуть все за один день. А нет — отправлюсь в "Интурист" и попрошу номер и билет на обратную дорогу.

— Больно ты им нужен, дружок! Зачем им беспокоиться? А что, если позвонят из нарка?

— Сообщите о моей болезни. Буду отсутствовать денек-другой.

Через двадцать четыре часа я был в поезде на пути ко Львову. Поездка была бы приятной, если бы не волнения, переполнявшие меня. Несмотря на показания Скалыги, я все-таки приехал во Львов с надеждой. Я верил в Ракзинского. Хотелось найти место, где он жил с женой, где родилась их дочь. Я знал, что он работал в университете. Знал улицу, где отец Марии провел детство...

Купив путеводитель по городу, я быстро составил план маршрута. Решил везде ходить пешком, чтобы лучше разглядеть окрестности города. Сначала надумал направиться в университет, потом в загс, где производится регистрация рождений, бракосочетаний, смертей. Наконец, на улицу, где родился и вырос Ракзинский.

День был великолепным. Гуляя по городу, я понял, почему им так восхищался Ракзинский. Прекрасное расположение среди холмов, покрытых снегом. Восхитительное кружево балконов. Улицы и площади чистые, повсюду парки, сады, дворцы, много памятников старины. Многие прохожие говорили по-польски, другие по-украински, несмотря на официальный русский язык. Мне даже показалось, что я выехал из Союза.

Зашел в университет, в деканате спросил о Стефане Ракзинском. Его никто не помнил, а документы двадцатипятилетней давности пропали во время войны, люди же были убиты или погибли в лагерях.

В загсе я хотел увидеть документы о рождении Ракзинского, его женитьбе, о появлении на свет Марии, но ничего не отыскалось. Сотрудница мне объяснила, что все уничтожено немцами.

Оказавшись на улице, где родился Ракзинский, я воспрял духом: она точно напоминала описание Ракзинского. Сохранился сад с калиткой, а в нем трехэтажный белый дом с балконом, где родился Стефан. В памяти всплыли слова Скалыги, будто Ракзинский немец, но это, конечно, чушь. Глубоко вздохнув, я постучал в парадную дверь. Но во всем доме не нашлось никого, кто бы помнил эту семью. Даже пожилой поляк, который жил здесь больше тридцати лет, не мог ничего ответить. Он сообщил, что в давние времена сада вовсе не было, его разбили прямо перед войной и он сам помогал сажать деревья.

(Окончание следует)

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА - ЮМОР

Капитан Андрей МАКАРОВ — участник первого совещания литераторов МВД России, состоявшегося весной этого года в Москве. Он представил для обсуждения рукописи, которыми откровенно насмешил своих серьезных, строгих руководителей, и те вынесли свой серьезный, строгий вердикт: у автора высоко развито чувство юмора. Это в наше-то совсем не смешливое время...

Для тех, кто не верит маститым писателям на слово, мы публикуем рассказ Андрея.

ПОЗОРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Корр. ...А сейчас, уважаемые читатели, я беседую с человеком, стоящим на переднем крае борьбы с преступностью. Это наш бесстрашный защитник, наш храбрый капитан, имя которого в целях его же безопасности мы называть пока не будем. Итак, товарищ капитан, что вы делаете для того, чтобы уберечь нас от воров и бандитов?

Опер. Мы прежде всего несем в массы знания. Мы говорим: "Береженого Бог бережет!"

Корр. Ценю вашу иносказательность. Но хотелось бы услышать и конкретно о ваших действиях в этом направлении.

Опер. Ну, когда, как вы правильно сказали, на краю стоишь, то главное не трепыхаться.

Корр. Я имел в виду другое. Есть, скажем так, наше имущество, есть посягающий на него преступник. Что встает между ними? Конечно же, милиция. Так?

Опер. Между ними встает дверь. Обязательно железная, гаражного варианта, с тремя замками, которые при открывании надо крутить только одновременно. Никакой бандит это не сможет сделать!

Корр. У такой двери, наверное, есть и другие достоинства?

Опер. Прежде всего она непробиваема, и даже в случае полного разрушения дома остается целой и полностью сохраняет свои свойства.

Корр. То есть недостатков у нее нет?

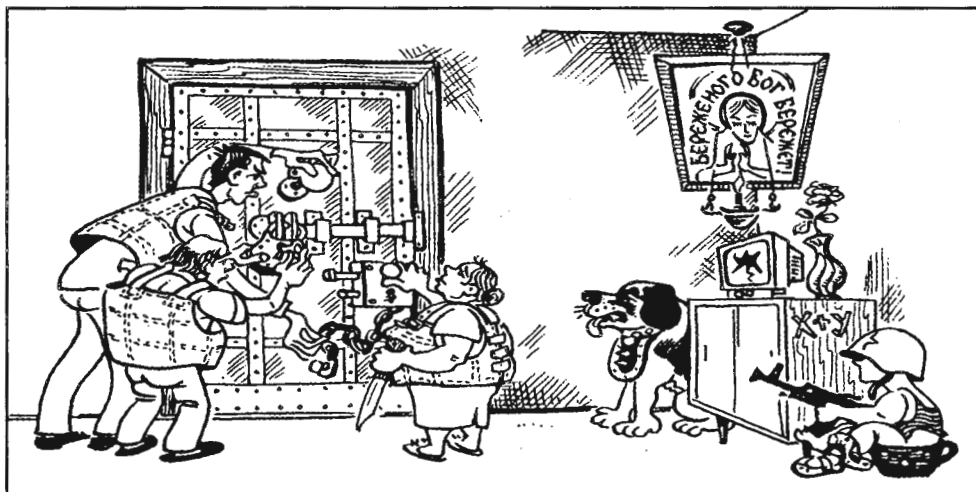
Опер. Ну, скажем так, один, небольшой. Если вы потеряете хотя бы один из трех ключей, то придется в стене пробивать новую дверь. Поэтому рекомендуем иметь запасные ключи и хранить их, скажем, под ковриком.

Корр. Давно известно, что хорошая собака — лучший сторож...

Опер. Ну не надо так о нас...

Корр. Нет, я говорю действительно о собах. Какая порода тут наиболее ценна?

Опер. В этом деле требуется индивидуально-экономический подход. Любая породная собака съедает в день килограмм мяса. Помножьте этот вес на тридцать, а потом на стоимость килограмма. В такую сумму собака будет обходиться вам ежемесячно. А

есть еще и такие породы, которые очень дороги и сами по себе. Потому будет вдвойне жалко, если воры их стащат. Сколько уже случаев было...

Корр. Так что же все-таки надо делать, чтоб воры оставили в покое наше имущество?

Опер. Могу дать несколько советов. Пометьте все свои вещи! К примеру, проведите на шубе полосу краской, такой, которая не смывается. Преступник не сможет ее ни носить, ни продать — краска выдаст его! Далее. На мебели на самом видном месте нацарапайте какое-нибудь неприличное слово, и вор вряд ли рискнет ее забирать. Если у вас дома лежит в шкатулке колечко с камешком, то камешек

лучше выковырять и хранить в другом месте, а само кольцо деформировать. Кому оно такое будет нужно?

Корр. Спасибо. Разговор наш, как мне кажется, был продуктивным, но я не услышал главного: а что именно вы делаете для борьбы с преступностью? Может, ведется какая-то профилактическая работа?

Опер. Да, ведется большая профилактическая работа. Мы несем в массы знания. Мы говорим: "Береженого Бог бережет!"...

Примечание. Если вы хотите познакомиться с окончанием интервью, то читайте все с самого начала.

© Да, сейчас кругом жулье лавочное. Но именно из него возродится прекрасное русское купечество.

© Пишу вам впервые. По моему взволнованному лицу вы, наверное, уже догадались, что в нашей части не все в порядке.

© Если пять-семь лет назад, прошу прощения за грубое слово, у нас был бардак, то

сейчас нет и этого. Потому смотришь на все, и неможешь станувиться.

© На пустыре стоял дом, оскалившийся пустыми глазницами окон.

© Раньше, когда командиры частей вмешивались в личную и семейную жизнь, у меня было двое детей и хоть какой-то, но порядок. А теперь всем все до лампочки.

© Я в шутку обозвал Коломийцева дураком и идиотом, но у него так было плохо с юмором, что он обиделся.

Майор Евгений ГУСЕВ
(В соавторстве с М.Ю.Лермонтовым)

БОРОДИНО - 95

БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Из жизни милиции

"Два дня мы были
в перестрелке".

На третий —
дали нам отбой.

Но мафиози все же сделки
Не заключили меж собой.

"Да, были
схватки боевые" —

Работа наша непроста.
Конечно, мы сейчас другие,
Но ведь и мафия не та!

Из жизни военных

"Полковник наш рожден был
хватом".

Частьенко,
чувствуя кураж,
Без лишних слов
как хватит матом!
Ну, в общем, хват
полковник наш!

Из жизни завгаров

"Скажи-ка, дядя,
ведь недаром" —
За прямого
не обессудь —
Тебя назначили завгаром?
— Да, уж пришлось
мошной тряхнуть...

ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЯ

Если бы я был командиром полка, я бы обязательно позаботился о том, чтобы молодые офицеры получили жилье. К примеру, лейтенант Степкин. Дал бы ему двухкомнатную улучшенную планировку в центре города.

И еще я бы посмелее двигал молодых на более высокие должности. Доверил бы тому же лейтенанту Степкину командовать батальоном. Конечно, знаний и опыта у него для этого пока маловато, но зато сколько желания!...

Если бы я был командиром полка, я бы без раздумий выдал дочь замуж за блестящего офицера своей части лейтенанта Степкина и в качестве приданого подарил бы им свои "Жигули". И по выходным приглашал бы их в гости, к самовару, и говорил бы зятю, что он талантлив, что обязательно поступит в академию и окончит ее с отличием, что возглавит потом полк, бригаду, войска...

Если бы я был командиром полка, то уж, по крайней мере, не талдычил бы постоянно, что Степкин лентяй, что даже на совещаниях, как сейчас, к примеру, спит... Я и не сплю вовсе, я просто рассуждаю: вот если бы я был командиром...

**Лейтенант
СТЕПКИН.**

Сам себе тренер

РУССКИЙ БОЙ УДАЛЫЙ

**Тема занятия: раскрутка ногами; удары в прыжке;
система защиты**

Раскрутка ногами: "двойной боковой"

Раскрутки ногами, как ни парадоксально, довольно устойчивы на льду. Наносим обыкновенный боковой удар правой ногой, но на возврате затягиваем колено к левой подмышке и, продолжая круговое движение бедра, опускаем его за левую ногу. "Заряженные" руки срабатывают в этот момент так же, как в описанном выше примере (см. рис. 8 в предыдущем номере журнала). Они могут нанести двойной удар по воздуху вдоль осевой (поскольку до первого противника не достать) или в направлении под углом к осевой по третьему партнеру.

Удара может и вовсе не быть. В результате включения рук мы к этому моменту уже оказываемся лицом ко второму противнику и, продолжая вращение бедра, повторяем правый боковой, затягивая руки к телу (рис. 1). Раскрутившись ногой, можно выполнить второй удар любым другим способом, кулаком, например.

Одну из инерционных раскруток нога-рука мы рассмотрели в предыдущем номере на рис. 2: повторим этот прием. Стоим на осевой фронтально между двумя противниками, не глядя на них — отмашка ногой — раскрутка — отмашка рукой. Сделайте симметричную связку рука-нога. Попробуйте и этот, и обратный вариант в разных режимах: колено-кулак, колено-локоть и наоборот.

Можно повторить отмашку ногой дважды, но это требует хорошей подготовки. Для начала при выполнении приема угол между противниками — 180 градусов и дистанция

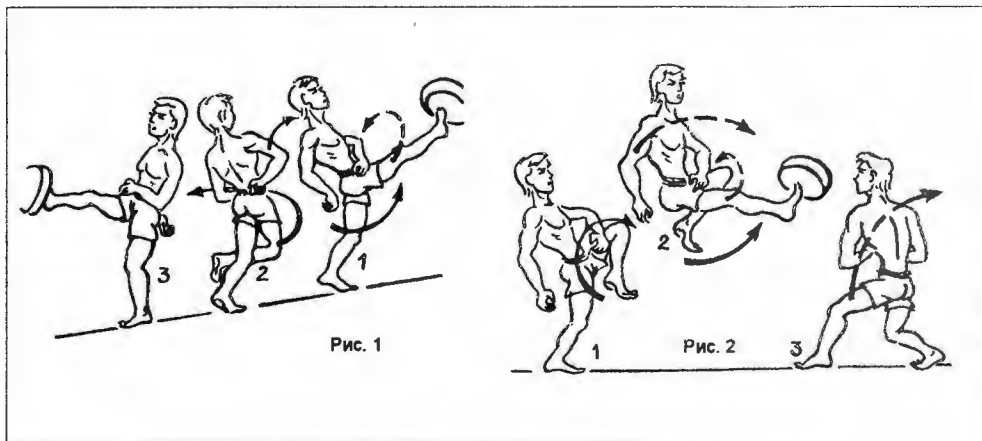
— размах рук. Со временем следует "всунуть" маятник для увеличения дистанции, а угол варьировать от 90 до 270 градусов.

Удары в прыжке

Прежде чем приступить к отработке ударов, изображенных на рис. 2, следует поупражняться в прыжке двумя ногами с места (через стул, через стол). Потом повторить раскрутку коленями (боковой-отмашка) и раскрутку с боковым ударом. Попробуйте связку выполнить коленом (на уровень головы партнера), а затем и стопой.

Предварительно левое бедро, расслабленное, как в танце, заносится максимально вправо за осевую. В этот момент прыгаем вперед и вверх с одновременной отмашкой левым коленом. Таз в воздухе делает восьмерку и еще на подъеме правое колено (стопа) выполняет боковой удар (снизу справа налево). К моменту приземления возврат ноги (с возможным ударом правой руки) разворачивает тело на 180 градусов в то положение, в каком мы оказываемся во всех вариантах раскруток, но, может быть, несколько ниже. Не останавливаясь, а ускоряя возвратом рук вращение, прыгаем вновь, сопровождая прыжок отмашкой левым коленом. Необходимо при этом придержать правую ногу под собой до поворота к противнику (а он может стоять под любым углом) и снова повторять боковой, наносим его снизу.

Отмашка левым коленом во всех случаях может быть защитой, а вся связка выполняется не как преследование, в 2-3

прыжка, а в один, в контратаке, при необходимости "отмахнуться" от ноги противника, палки и пр.

К любой раскрутке можно пристыковать прыжок и наоборот — по самым разнообразным траекториям.

Наружная и внутренняя защита

Вообще-то говоря, защитных приемов, характерных для восточных боевых школ, в нашей "кулачке" нет. Психология русича предполагает иной стиль боя. Система блок-удар, распространенная на Востоке, — это уход в крепость и вылазка из нее; такая тактика гибельна при работе в кругу. У русского кулачника нет никаких крепостей — он все время в атаке.

Напомним три формы нашей защиты.

1. Видим противника до удара — никакой защиты не нужно: атаковать или уворачиваться.

2. Видим удар в процессе его выполнения.

3. Совсем не видим удара.

Здесь речь пойдет о второй фазе.

Общие требования к защите (как и к освобождениям и атакам) — это требования кругового боя.

Отрабатываем защиту в разговорной стойке, с опущенными руками, лицом к противнику, выполняя ломание или прыжки в очень медленном темпе.

Партнер не имитирует, а наносит настоящие удары в темпе, доступном для отражения. Делаем маятник вперед-влево, выпрыгивая на ось удара как можно ближе к бедру соперника, при этом корпус совершает вертикальную восьмерку (рис.3) при ударе в голову или наоборот — при ударе в живот, обходя по эллипсу руку (ногу) противника. Руки же с некоторым интервалом (так как они ослаблены) захлестывают партнера от плоскости его спины на себя и мягко подхватывают руку от плеча к локтю. Контакт поможет затянуть ее вправо-вниз. Отражая (точнее, "захватывая") удар, ваши руки должны замахнуть-

ся максимально влево и снизу-вверх-вправо идти к плечу нападающего, скользя в плоскости его спины, забирая в "сеть" все, что может сорваться от плеча, "прорабатывая" всю сферу, где потенциально содержится удар.

Смотрите не на руку партнера, а в лицо или выше — руки при хорошем ударе не видно, да и удара может не быть (финт). Для спокойного входа на атаку нужна уверенность в том, что при умело выполненной восьмерке вы всегда сумеете войти в безопасную зону — "приклеиться" к партнеру. Ускоренный уход рук за осевую вправо позволяет откинуть корпус влево настолько, насколько это необходимо (до горизонтали при уходе от оружия). Следует помнить, что все это имеет смысл только в маятнике и ни в коем случае нельзя повторяться с уклонами.

Маятник в одно движение должен завершиться ударом и уходом от партнера. Удар правым коленом всегда надежен. При ударе противника сверху (особенно с оружием) колено движется вверх руки в голову. Для этого надо потянуть нападающего на себя и вниз. Нанося ответный удар правым коленом под руку, необходимо захватить ее на грудь: сгрудка, правая рука захватывает запястье. Локоть противника выводится на грудь (здесь возможен и болевой), одновременно таз подводится до контакта (во всех вариантах защиты), затем — правое колено.

Второй вариант: можно не фиксировать руку, а захватив ее от плеча и раскручивая, как пропеллер, вести вниз, затем влево. Когда она проскользнет между вами и противником, правое колено бьет по корпусу и — уход.

Третий вариант. Возможно, дефицит времени заставит отказаться от удара: при достаточном опыте нетрудно завернуть удар нападающего в землю (или в сообщника), заставив его опрокинуть самого себя.

Четвертый вариант: удар правым лок-

тем. При этом правая кисть не отпускает локоть партнера, тогда даже в темноте промах исключен. Удерживать руку надо еще и потому, что простой прием — раскрутка спины с отмахкой левым локтем.

Пятый вариант: раскрутка, изображенная на рис. 1 в журнале №5 (только в другую сторону). Разворачиваясь впритирку с правым боком партнера, делаем отмахку правым локтем сверху вниз к осевой. Если партнер выше, тогда — снизу вверх.

Защита в пяти указанных вариантах называется наружной. Если мы проделаем то же самое под другую руку (а так и получится, если нас обфигтят), то окажемся между руками противника (внутренняя защита). Здесь также будем затягивать руку от плеча (на сей раз от "дельты") к локтю (своей левой) и от локтя к запястью (правой), но скользить руками на замахе придется не по воображаемой плоскости спины, а по груди противника (снизу-вверх-направо), и удар коленом теперь придется под лопатку.

Варианты те же, что и в наружной.

Какни странно, внутренняя защита, особенно с раскруткой, более безопасна, чем наружная, но психологически на нее трудно решиться.

Защита от отмахки

В этой ситуации (рис. 4) остается наружная защита и делать ее надо на замахе партнера, чтобы "свернуть" его, не дожидаясь удара. Если же отмахка не пошла, "выдергиваем" ее приемом наружной защиты (см. рис. 3) на осевую — на себя.

Прямые удары в нижнюю часть корпуса отражаются так же (а кроме того, боковым или отмахкой коленом), но контакт осуществляется не ладонью, а локтем, который стремится за осевую влево, а корпус — вправо. Предплечье в такой работе всегда становится вертикально в осевой плоскости, кистью вверх или вниз в зависимости от уровня удара.

Вступая в единоборство с вооруженным противником, надо с упреждающей реак-

цией улавливать каждое движение, стараться "не нервировать клиента" — не останавливать его силой. При ударе ножа сверху и с отмахки — наружная защита, от режущего бокового слева направо — внутренняя защита. В схватке один на один лучше пропустить удар, уклонившись, перевести его левой рукой через себя сверху и догнать в режиме наружной защиты.

При ударе снизу — наружная защита (рис. 4, I): левым локтем к плечу нападающего с обратной восьмеркой, т.е. сначала обходя лезвие животом, затем грудью. Можно нанести удар правым коленом и без захвата руки с ножом, но по возможности старайтесь взять ее на грудь (как на рис. 3).

Если противник вооружен двумя ножами или перебрасывает нож из руки в руку — используйте наружную защиту с "прилипанием", захват руки с выдергиванием по осевой вниз (см. рис. 3) или раскрутку (рис. 4, II) с уходом за спину (на затылок — правый локоть).

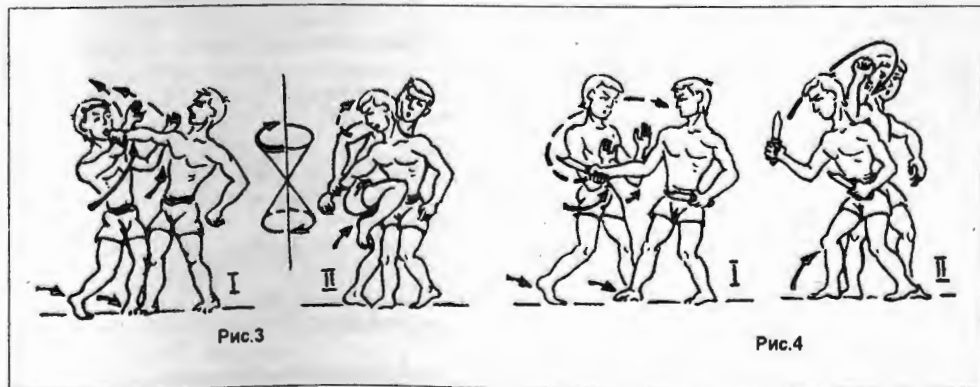
При раскрутках с ножом и ударах со спины работать локтем же. В случае ошибки придется прибегнуть к внутренней защите: под правую или под левую руку.

Несмотря на кажущуюся простоту кулачная защита отличается большим многообразием вариантов: мы вели речь о пяти формах, а всего их 20 (каждая — внутри и снаружи при ударах сверху и снизу). Есть также болевые приемы, приемы на задержание противника, броски и т.д. Знать надо все, а шлифовать два-три.

Следующая зарубка на память: чем массивнее предмет, с помощью которого совершается нападение (кол, табурет и пр.), тем эффективнее защита, когда движением рук, ударом колена, таза удаётся "закрутить" предмет в противника, в его союзников или в землю.

Защита отмахкой

Если предыдущие варианты защиты исполнялись в два движения, то этот (при синхронности ударов) — в одно.

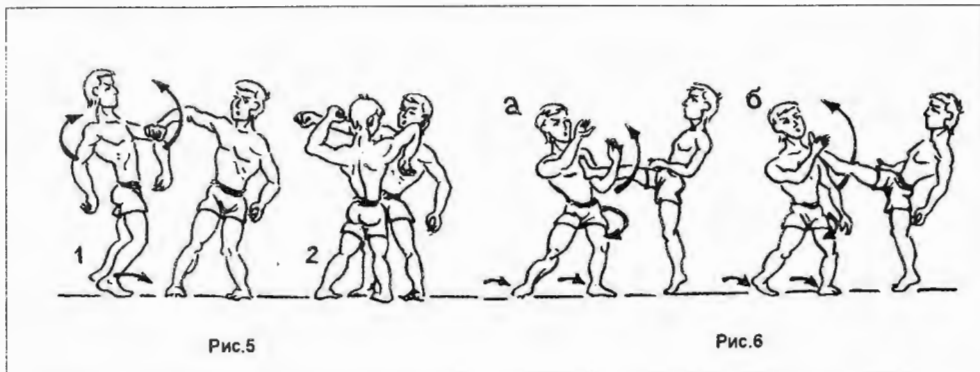

Рис. 5

Рис. 6

Делаем маятник навстречу удару, не уклоняясь, а вставая на его ось, при этом весь корпус раскручивается и наносится обыкновенный боковой удар правым кулаком или локтем (на занятиях желательнее локтем по лапе). Вся хитрость заключается в том, что вместе с правой (как при косьбе) идет отмашка левой, которой вы захватываете руку противника и затаскиваете ее за спину. Если пристроиться к маятникам нападающего и начать защиту одновременно с его ударом, то левая рука противника не успеет начать движение — он получает удар в тот момент, когда предполагает нанести его сам — и тем сильнее, чем сильнее собирался ударить обороняющегося поединщика. Отмашка может производиться как кулаком, так и локтем, но вряд ли она возможна против тяжелых предметов (лом, например).

Эта защита эффективна как во внутреннем варианте (рис. 5), так и в наружном. А еще лучше, не дожидаясь удара, атаковать связкой отмашка-боковой, но это уже первая фаза боя. Основным же вариантом второй фазы остается защита (см. рис. 3, 4).

Отдельно надо сказать о некоторых предупреждающих ударах. От бокового правого:

- боковой же правой в дельтовидную мышцу ("выключение" руки);
- рубящий правой в предплечье или бицепс;
- боковой левой ногой в подмышку;
- отмашка правой ногой под локоть;
- боковой левым и правым локтем.

Все эти удары, естественно, умело нанесенные, эффективны в защите от оружия. Так, например, легче выбить нож отмашкой правой ноги под локоть или левой под кисть, чем ждать удара, уповая на блок.

Защита от ног

От ударов ногами в голову достаточна все та же наружная защита (см. рис. 3). Ногу, идущую слева (как и нож), лучше "пропустить" рукой, отойдя с маятником или вертикальной восьмеркой, или "перекинуть" левой рукой через себя (рис. 6б),

дабы атаковать на возврате бьющей ноги. Продолжением будет либо опрокидывание, либо удар (допустим, коленом). Нога, идущая в корпус, тоже берется, как нож — прямой или снизу (см. рис. 3). Т.е. нога ускоряется предплечьем, огибается по дуге (вертикальная восьмерка), и мы проходим на удар правым локтем или правым коленом — все в ходе одного маятника. Но если противник стоит лицом, то этот вариант грозит встречей с его рукой, тогда, отведя его ногу, выполняем защиту, как на рис. 5: делая отмашку левым локтем вперед и боковой правым локтем.

Аналогично будет производиться и захват, но с захлестом левым предплечьем ноги противника от колена к стопе (рис. 6а). Разворот корпуса — не менее 90 градусов; для того чтобы полностью обогнуть осевую удара (повторите приемы наружной защиты) — наклон назад ("сгрудка").

Единым движением корпуса нога увлекнется выше — на плечо — так поднимают бревно. Правая рука при этом захлопывает "капкан" — не дает "убежать" ноге через верх. В момент взваливания на плечо необходимо мощный маятник (вперед или назад), иногда — удар тазом, чтобы опрокинуть противника в безопорной фазе. Можно завернуть удар и в сообщника нападающего или перевести захват в задержание, заломив ногу. Продолжением в стойке будет правое колено или стопа, которые должны успеть нанести удар до падения противника. Можно не брать ноги, сделав раскрутку (см. рис. 4). Если необходимо захват бокового поединщика, который атакует слева от соперника, напавшего первым, то стопу лучше ставить за спиной (внутренняя защита), поскольку мы договорились не менять стойки и направления раскрутки.

Приемы, изображенные на рисунке 6, целесообразно отрабатывать в четырех вариантах: наружная и внутренняя защита в право- и левосторонней стойках.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ,
преподаватель фольклорной студии.

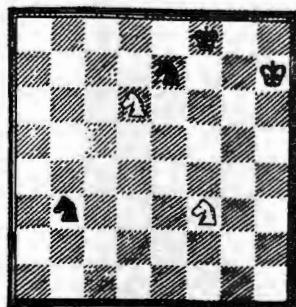
Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

КРАСОТА ИСТИНЫ

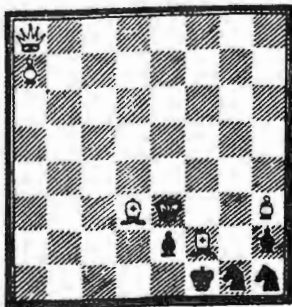
№ 19. П. Хойзкер, 1925

№ 20. Ж. Байер, 1949

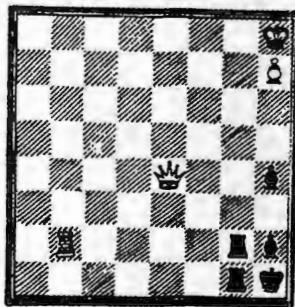
№ 21. А. Калинин

Мат в 3 хода

Мат в 4 хода

Мат в 6 ходов
(Публикуется впервые)

В 1925 году австрийский проблемист Пауль Хойзкер принес в Венский шахматный клуб трехходовку № 19. Находившиеся там гранды с изумлением взглянули на нее и после некоторого раздумья пришли к выводу, что задача не решается. Один из них, профессор Голумбирек, иронически заметил: "Во всяком случае ее невозможно решить, находясь в здравом уме и твердой памяти". Но задача решается предельно просто: 1.Ke5 Kc5 2.Kph8!, цугцванг. Это подтверждает справедливость слов — нет прекрасного, которое не было бы простым. В. Белинский называл простоту художественного произведения красотой истины.

В агреле этого года состоялся чемпионат Москвы среди решателей. На нем давалась для решения четырехходовка № 20. Участником чемпионата она понравилась, трудность ее решения идейная, не аналитическая. Попробуйте и вы, дорогие читатели, решить эту красивую задачу, прекрасное чувство после решения будет вам наградой.

В шестиходовке № 21 реализована идея взаимных цугцвангов. Если играть 1.Le2 h3 2.Le1 Л:e1 3.Ф:e1+Лg1 4.Фe4+Лg2, то у белых цугцванг, т. е. нет свободного хода, чтобы на 5...Kpg1 дать мат 6.Фe1X. Как же достичь той же позиции, но с ходом черных?

Последняя ошибка Наполеона

Шел 1816 год. Бывший император Франции Наполеон Бонапарт, сосланный пожизненно на остров Святой Елены, получил подарок от своего близкого друга — шахматы из слоновой кости и нефрита.

Каждый день Наполеон брал в руки изящные фигурки и любовался ими. Он играл сам с собой, вспоминал интересные комбинации, матовал черного короля. После смерти Наполеона шахматы эти неоднократно и за огромные суммы продавались на аукционах. Но лишь недавно последний владелец шахмат случайно обнаружил, что донышко одной из фигурок отщипывается, а в ней спрятан подробнейший план побега с острова. Наполеон не догадался развинтить шахмат-

ную фигурку и не смог воспользоваться предложенным планом.

Судьба еще раз объявила мат Наполеону Бонапарту, сообщает шведская газета "Дагенс Нюхетер" ("Труд" от 23 мая 1985 г.)

Проверьте свои решения

("На боевом посту" № 6, 1995)

№ 16. Д. Каноник. Крd3, Фc4, Cb8, Kd8(4) — Крb6, Ka8, п.a7(3), мат в 2 хода. 1.Фa4!, цугцванг; 1...Krc5 2.Фа5X, 1...Kc7 2.C:a7X, 1...a6 2.Фb4X, 1...a5 2.Фс6X.

№ 17. Л. Уланов. Крd3, Лh8, Лh1, Ch7, Ka5, п.f3(6) — Кра2, пп.a3, b3,d4, e7(5), мат в 3 хода. 1.Лh8! цугцванг; 1...e6 2.Cg8! e5 3.Лh2X 2...b2 3.C:e6X, 1...e5 2.Ce4! Крb2 3.Лh2X, 2...b2 3.Cd5X, 1...Крb2 2.Cg8 a2 3.Kc4X. Симпатичная задача.

Гетеродоксальные задачи

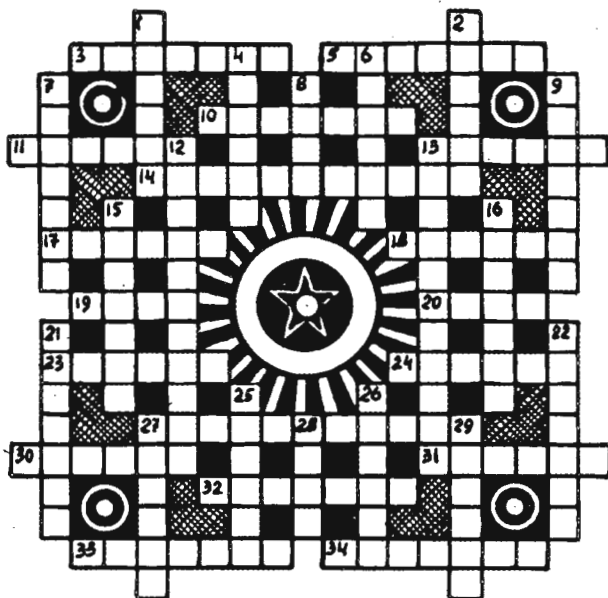
№ 1. А. Калинин. Крс3, Кf3, п.f5(3) — Крh1(1), кооперативный мат в 4 хода. С этой супермалюткой случилась точно такая же история, как и с задачей № 19 в Венском клубе. В 1991 году автор показал ее в ЦШК России. Присутствовавшие гранды удивленно смотрели на нее и решения не видели. Один из них принял задачу за авторскую шутку, в которой конь якобы взвивается над полем f3, а превращенный ферзь матует с этого поля. Но, как и в задаче № 19, решение простое: 1.Крg2 f6 2.Кр: f3 f7 3. Кре2 f8Ф 4.Крd1 f1X! Прав Л. Толстой, утверждавший, что простое в искусстве труднее всего найти.

№ 2. А. Калинин. Кра4, Лd1, Лg7, Ca5, Cb1, пп.a3, b6(7) — Крс4, Cc8, пп.b7, c5, c6, d7, d6(7), обратный мат в 4 хода. 1.Ch7! d5 2.Cg8! d6 3.Лd7! C:d7 4.C:d5+cdX!

Любителям гетеродоксальных жанров предлагаем решить следующую задачу: Крd4, Лh1, Ch6(3) — Кра5, Ла3, Ла2, Ке4, пп.d5, d6(6), кооперативный мат в 3 хода.

По горизонтали:

3. Военачальник, маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. 5. Помещение на дирижабле и некоторых типах самолетов, где находится двигатель, шасси и другое оборудование. 10. Конструктор ракетно-космической техники, академик. 11. Официальный документ об окончании высшего или среднего военного учебного заведения. 13. Поселок в Курской области, где проходило крупное сражение в период Курской битвы в 1943 году. 14. Полководец, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов "Победа". 17. Повреждение или разрушение военной техники, но без гибели людей. 18. Завод в Москве, где с первых дней войны ремонтировали танки, а затем выпускали снаряды, пушки, электромагнитные тралы. 19. Маршал Югославии, руководитель национально-освободительной войны в Югославии в 1941-1945 годы, позднее президент этой страны. 20. Драгоценный камень. 23. Город в Орловской области, через который проходили войска Брянского фронта в 1943 году. 24. Народное название боевых машин реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны. 27. Создание минных полей с целью затруднения маневра или продвижения противника. 30. Металл или сплав для паяния. 31. Столица одного из государств СНГ. 32. Песня военных лет композитора В. Соловьева-Седого на слова А. Фатьянова. 33. Должностное лицо высшего офицерского состава в Военно-морском флоте, осуществляющее управление соединением кораб-

КРОССВОРД

лей. 34. Артиллерийское оружие с коротким стволом.

По вертикали:

1. Русский языковед, автор одноименного "Словаря русского языка". 2. Воинское подразделение, назначаемое для охраны и сопровождения военнопленных. 4. Форма полевой, морской и воздушной выучки войск. 6. Город-герой, областной центр на Украине. 7. Деталь стрелкового оружия, служащая для упора в плечо при стрельбе. 8. Русский архитектор, автор Триумфальной арки на Кутузовском проспекте в память об Отечественной войне 1812 года. 9. Один из конструкторов танка Т-34, признанного лучшим танком в пе-

риод второй мировой войны. 12. Полководец, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена "Победа". 13. Фигура пилотажа, при которой самолет снижается с постоянным углом наклона траектории. 15. Русский скульптор, автор статуи Зои Космодемьянской. 16. Устройство для торможения объекта, движущегося в воздушной среде. 21. Запрещение на ввоз и вывоз иностранных товаров. 22. Подразделение, выполняющее задачи охраны. 25. Тепло- и звукоизоляционный строительный материал. 26. Летчица, штурман эскадрильи, совершила 780 боевых вылетов, Герой Советского Союза. 27. Подбор и соединение различных частей в одно целое. 28. Фортификационное сооружение открытого типа для ведения огня и защиты личного состава и военной техники от поражения. 29. Персонаж романа Ю. Бондарева "Батальоны просят огня".

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 6

По горизонтали: 7. Материк. 9. Уровень. 10. Стартер. 11. "Бородино". 12. Кронверк. 13. Салака. 15. Якоби. 18. "Гелиос". 22. Балласт. 23. Партер. 24. Корбут. 25. Ермолка. 28. Латвия. 30. Эрато. 32. Имамат. 36. Перископ. 37. Кустанай. 38. Марсель. 39. Таверна. 40. Притвор.

По вертикали: 1. Пандора. 2. Ортодокс. 3. Оксана. 4. Кураре. 5. Волонтер. 6. Онтарิโอ. 8. Кресло. 14. Лазарет. 16. Кальмар. 17. Браслет. 19. Индуизм. 20. Абрек. 21. Откат. 26. Диаспора. 27. Имитация. 29. Ареопаг. 31. Артист. 33. Анабиоз. 34. Толмач. 35. Пульпа.

Составил Е. КУЛИКОВ

Фото В.Николайчука

*И вечный бой!
Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...*

Александр БЛОК

ЗА ОТЛИЧИЕ В СЛУЖБЕ

I степень

II степень

В целях поощрения военнослужащих внутренних войск МВД России за инициативу, усердие и отличие, проявленные при выполнении ими должностных обязанностей, а также иных граждан за содействие внутренним войскам МВД России при выполнении возложенных на них задач учрежден нагрудный знак «За отличие в службе» I и II степени.

Нагрудным знаком награждаются:

военнослужащие внутренних войск МВД России за инициативу, усердие и отличие, проявленные при выполнении ими задач по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и правового режима чрезвычайного положения, охране важных государственных объектов и специальных грузов, при конвоировании осужденных и лиц, заключенных под стражу; за активное участие в выполнении задач по ликвидации последствий аварий, катастроф, пожаров, стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций и проявленное при этом отличие; за высокие показатели в боевой подготовке;

иные граждане за содействие внутренним войскам МВД России в выполнении возложенных на них задач.

Высшей степенью нагрудного знака является I степень.

Награждение нагрудным знаком производится последовательно: II степенью, I степенью.

Нагрудным знаком I и II степени награждает командующий внутренними войсками МВД России; нагрудным знаком II степени — командующие войсками округов внутренних войск МВД России, командиры соединений непосредственного подчинения Главному управлению командующего внутренними войсками МВД России, начальники военных образовательных учреждений профессионального образования внутренних войск МВД России.

Нагрудный знак вручается награжденному лично в торжественной обстановке, одновременно ему выдается удостоверение к нагрудному знаку.

Нагрудный знак носится на правой стороне груди ниже государственных наград Российской Федерации.

Воин! Заслужи этот знак